

Биск И. Я. Методология истории: курс лекций

«De omnibus dubitandum!» («Подвергай все сомнению!»)

ББК 63.01

Б 653

Биск И. Я. Методология истории: курс лекций / И. Я. Биск. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 236 с.

В 15 лекциях курса, читающегося к Ивановском государственном университете с конца 1970-х годов и апробированного также в Тамбовском университете, рассмотрены теоретико-методологические вопросы исторической науки: социальные функции истории; особенности исторического познания; методы источниковедения и историографии; философские основы и принципы, структура и язык исторического исследования ¹.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Научный редактор

доктор исторических наук Л. Л. Коринков (Ивановский
государственный университет)

Рецензенты: кафедра новой, новейшей истории и международных
отношений Тамбовского государственного университета (заведующий
кафедрой доктор исторических наук Л. Г. Айрапетов)

доктор исторических наук Л. И. Борозняк (Липецкий государственный
педагогический университет)

Книга издана при финансовой поддержке благодарных учеников автора

ISBN 5-7807-0627-1

Биск И. Я. 2007

¹ Биск И. Я. Методология истории: курс лекций / И. Я. Биск. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 236 с.

Предисловие.....	4
Лекция первая ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ.....	5
1. Предмет и основные понятия методологии истории.....	5
2. Значение методологии истории.....	6
3. Изучение методологии истории отечественными учеными.....	8
4. Новейшая литература.....	10
Лекция вторая ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	13
1. Определение и ограничение предмета.....	13
2. Соотношение в истории науки и искусства.....	14
3. Соотношение в истории прошлого и современности.....	18
4. Структура предмета исторической науки.....	20
Лекция третья. РОЛЬ ИСТОРИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (Социальные функции исторической науки).....	22
1. История как память человечества (функция социальной памяти).....	22
2. Воспитательная функция истории.....	23
3. Использование исторического опыта — уроков истории (прогностическая функция).....	25
Лекция четвертая ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....	29
1. Отличие исторического познания от познания в других науках.....	29
2. Базовая роль источника в исторической науке.....	32
3. Историческое описание и проблема исторических законов в историческом исследовании.....	34
4. Релятивность исторического познания.....	37
Лекция пятая ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ.....	40
1. Понятие и особенности исторического факта.....	41
2. Познавательная природа исторического факта.....	46
3. Типология исторических фактов.....	48
Лекция шестая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ ВСЕХ ВИДОВ.....	52
1. Историческая критика (критика).....	52
2. Этапы исторической критики.....	56
3. Отцы-родоначальники исторической критики.....	57
4. Методы искажения и восстановления исторической правды.....	60
Лекция седьмая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ.....	63
1. Анализ статистических материалов.....	63
2. Историческая критика парламентских документов.....	65
3. Анализ дипломатических документов.....	68
Лекция восьмая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ (Окончание).....	73
1. Периодическая печать.....	73
2. Мемуарная литература.....	77
3. Художественная литература.....	80
Лекция девятая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИИ.....	83
1. Развитие отечественной методологии историографии.....	83
2. Понятийный аппарат: историография и близкие дисциплины.....	85
3. Историографические источники.....	87
4. Компоненты и модель историографического исследования.....	89
Лекция десятая ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИОПИСАНИЮ В XVIII—XIX ВЕКАХ.....	94

1. Соотношение философии и методологии.....	94
2. Рационализм — теоретическая основа Просвещения.....	95
3. Историография романтизма.....	97
4. Господство позитивизма.....	98
5. Марксистский исторический материализм.....	102
<u>Лекция одиннадцатая ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИОПИСАНИЮ В XX</u> <u>ВЕКЕ.....</u>	<u>105</u>
1. Неокантианский прорыв.....	105
2. Теоретические основы и характерные черты методологии «Анналов».....	107
3. Постмодернизм в истории.....	110
<u>Лекция двенадцатая ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.....</u>	<u>114</u>
1. Что такое исследовательские принципы?.....	114
2. Принцип историзма.....	115
3. Принцип объективности.....	119
4. Принцип причинности.....	121
<u>Лекция тринадцатая ЭТАПЫ И СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. .</u>	<u>125</u>
1. Выбор темы и эвристические процессы.....	125
2. Изучение литературы и определение проблематики.....	129
3. Анализ источников и синтетические процессы.....	132
<u>Лекция четырнадцатая ЯЗЫК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....</u>	<u>136</u>
1. Общие вопросы литературного изложения.....	137
2. Особенности литературной формы исторического труда.....	138
3. Особенности лексики исторического исследования.....	142
<u>Лекция пятнадцатая, заключительная НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ МЕТОДОЛОГИИ</u> <u>ИСТОРИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ИСТОРИИ.....</u>	<u>148</u>
1. «Что должно остаться?».....	148
2. Место истории в XIX веке.....	149
3. История в XX веке.....	151

Предисловие

Последнее десятилетие — рубеж XX — XXI веков — ознаменовано взлетом интереса к теоретическим проблемам исторической науки: столичные и периферийные авторы опубликовали свои варианты учебных пособий по методологии истории, изданы переводы аналогичных трудов зарубежных ученых.

Попыткой внести лепту в поиски оптимального варианта такого пособия является и предлагаемый лекционный курс, читавшийся мной в Ивановском государственном университете на протяжении почти 30 лет.

За эти годы объем, содержание и структура курса менялись. В предлагаемом читателю варианте курс был прочитан весной 2007 года.

Что-то в лекциях может показаться студенту-старшекурснику знакомым. Однако это лишь черепки, из которых только предстоит сложить амфору. Порой известное поворачивается новой стороной: так, мольеровский г-н Журден вдруг узнал, что всю жизнь изъяснялся прозой.

Лекция первая ВВЕДЕНИЕ В МЕТОДОЛОГИЮ ИСТОРИИ

План

1. Предмет и основные понятия методологии истории.
2. Значение методологии истории.
3. Изучение методологии истории отечественными учеными.
4. Новейшая литература.

Литература

Бурмистров Н. А. Предмет методологии исторической науки // *Clio moderna: Зарубежная история и историография: Сб. науч. ст. Казань, 2001. Вып. 2.*

Могильницкий Б. Г. О содержании понятия «Методология истории» // *Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. 11.*

1. Предмет и основные понятия методологии истории

Предмет. Методология истории — главная теоретическая дисциплина в семье исторических наук, изучающая в единстве теории исторического знания и познания, то есть теорию предмета истории и теорию методов исторического исследования.

Теории предмета и методов его исследования родственны, но не тождественны: теория предмета отвечает на вопрос, что собой представляет изучаемый предмет, теория метода — на вопрос, как ведется изучение предмета.

Если помнить об этом различии, то можно принять встречающееся в литературе кратчайшее определение: методология = теория + метод.

7

Некоторые авторы, в целом принимающие приведенную дефиницию, в конце ее добавляют: «...в их соотнесенности с какой-либо гносеологической или философской системой»; такое соотнесение зачастую имеет место, хотя иногда историописанием занимаются лица, философию полностью игнорирующие.

Основные понятия. Термин «методология» получил распространение в XX веке, преимущественно в его второй половине, а в XIX веке говорили «метод», понимая под ним методологию, причем эквивалентом последней считалась «теория», — возвращение от «методологии» к «теории» в настоящее время, кажется, становится правомерной тенденцией.

Основных понятий в лекционном курсе три: **методология, метод,**

методика. В понимании этой основополагающей троицы нет единства, подчас авторы полемизируют друг с другом (И. А. Бурмистров, О. Л. Вайнштейн, А. А. Курносков, Б. Г. Могильницкий, К. Д. Петряев, А. П. Пронштейн и др.). Обращение к историческим корням понятий и выяснение их трактовок в прошлом, как и обращение к этимологии слов, не приводит к единству взглядов. Ясно, что все три слова основаны на «методе» (греч. *methodos* — путь к чему-либо), но, несмотря на наличие специальных статей, различие понятий и особенно соотношение между ними не унифицировано.

В дальнейшем мы будем исходить из следующих дефиниций. **Методология**, как уже говорилось, — теория исторического знания и познания. **Методика** — техника, или способы, исторического исследования. Сложнее с методом: полагаем, что он может быть рассматриваем на двух уровнях и в зависимости от уровня приближаться то к методологии, то к методике — например, сравнительно-исторический метод ближе к методологии, а метод выписок на карточках или в тетрадях ближе к методике. Важно соотношение понятий.

8

2. Значение методологии истории

Являясь вершиной исторической науки, ее сущностным осмыслением, методология истории призвана на теоретическом уровне помочь осознанному и оптимальному (наиболее эффективному) ведению исследовательской работы, раскрывая ее этапы, компоненты, методы и избавляя историков от многих ошибок, присущих поискам эмпирическим, ведущимся ощупью, впопыхах, методом «тыка».

Если представить себе семью исторических наук в виде равнобедренного треугольника, то его основу составят многочисленные конкретно-исторические дисциплины от первобытной до современной истории, выше разместятся вспомогательные и специальные исторические дисциплины, важнейшими из которых являются источниковедение и историография, а вершиной треугольника будет методология истории.

Ученый и кораблестроитель, академик А. Н. Крылов (1863— 1945) говорил, что метод (методология) «для корабля науки — это одновременно компас и штурвал, он указывает направление и способы действия»¹.

¹ Цит. по: Архангельский С. И. Учебный процесс в высшей школе. ., 1980. С. 248.

Методология истории важна и сложна. Для ее осмысления необходимо предварительное ознакомление с конкретно-историческими дисциплинами, источниковедением, историографией, историей исторической мысли, философией и историей философии, методами исследования некоторых смежных и несмежных наук (от исторической географии и климатологии до психологии и математики), а также компьютерным делом.

9

Методология истории не заменяет собой эти дисциплины, но они в разной степени перекрещиваются с ней и в этом смысле синтезируются ею, являясь ее компонентами. В первую очередь и особенно сказанное касается источниковедения; В. Ф. Коломийцев счел целесообразным подчеркнуть это уже в названии своей книги: «Методология истории (От источника к исследованию)».

Важностью и сложностью методологии истории объясняется ее изучение на исторических факультетах лишь во 2-м семестре 3-го курса.

Вне связи с исследовательской практикой методология истории теряет смысл. После посещенной мною в МГУ лекции по методологии академика И. Д. Ковальченко он задал мне лишь один вопрос: «Выход в практику есть?»

И в прошлом находились, и в настоящее время имеются историки, которые занимаются историческими исследованиями, игнорируя методологические проблемы, и, кажется, все выступают против завышения их роли и «философского мудрствования».

Участники круглого стола в редакции альманаха «Одиссей» (1995)² возражали против избыточного старания в области методологии, как бы призывая помнить максимы: «Только излишне не усердствуйте, господа» и «Чуть-чуть меньше - великая вещь». Конечно, говорил один из них (А. Б. Гофман), следует знать инструментарий — способы работы, но надо отказаться от мудрствований оторванной от практики историософии; он также напомнил слова Гегеля: иные историки вместо написания истории рассуждают о том, как ее надо писать. Другой участник дискуссии (А. В. Ревякин) обоснованно утверждал, что, во-первых, «историческая наука автономна и в значительной мере самодостаточна. Ей совершенно не обязательно отвечать на конечные вопросы бытия. У нее и своих забот выше головы, из которых бесспорно главная — "установить, как оно, собственно, происходило"», и, во-вторых, «результативность исследования зависит не столько от теоретических воззрений исследователя, сколько от его этической позиции, а также от квалификации, общей образованности и способности поспевать за новым в науке и жизни».

10

² Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 165—177.

3. Изучение методологии истории отечественными учеными

Становление теории истории в XIX веке занимает десятилетия. Наиболее ощутимый вклад в него внесли на Западе немецкие и французские ученые. В Германии самыми видными теоретиками истории были Леопольд Ранке (1795—1886) и Иоганн Густав Дройзен (1808—1884).

Лепта Ранке была особенно значительна в методологии источниковедения, его нередко именуют «отцом исторической критики». Из 35-томного Собрания сочинений Ранке на русский язык переведен интересный этюд «Об эпохах мировой истории» (М., 1898). На критических произведениях Н. И. Смоленского о Ранке сказалось небольшое отрицательное суждение о нем К. Маркса. Краткая характеристика места Ранке в истории исторической мысли дана в моей «Истории исторической мысли в новое время» (Иваново, 1983. С. 55—58).

Вершиной французской историко-теоретической мысли явился чеканный позитивистский труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898; русский перевод — 1899, факсимильное переиздание — 1995).

На развитии отечественной методологии истории негативно сказывалась смена политических режимов, вследствие чего оно было зигзагообразным — бурные подъемы перемежались со спадами, при которых биение теоретического пульса нашей науки едва ощущалось.

В России в начале XX века теория истории была введена в качестве обязательного предмета. Под разными названиями ее начали читать: в Санкт-Петербургском университете — неокантианец Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919) и на Высших женских курсах — позитивист Николай Иванович Кареев (1850—1931).

Кареев на заре своей научной деятельности даже колебался, истории или философии посвятить себя. Его двухтомная докторская диссертация называлась «Основные вопросы философии истории» (М., 1883), затем последовали: «Историка: Теория исторического знания» (СПб., 1913), «Историология: Теория исторического процесса» (Пг., 1915), «Общие основы социологии» (Пг., 1919).

11

В 20-е годы Кареева перестали печатать. Интерес к нему начал возрождаться благодаря исследователю его творчества В. П. Золотареву, который, в частности, добился опубликования его мемуаров «Прожитое и пережитое» (Л., 1990).

Новаторским для своего времени явился изданный в Санкт-Петербурге фундаментальный труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» (Вып. 1. Теория исторического знания. 1910; Вып. 2. Методы исторического изучения. 1913, в совокупности более 800 крупноформатных страниц), в котором впервые была обстоятельно охарактеризована теоретико-

методологическая сторона истории как самостоятельной и особой отрасли науки. С тех пор об авторе и его труде было написано немало исследований, но давно ставший раритетом самый труд не переиздавался, что в значительной степени связано с условиями существования отечественной историографии.

Вскоре после Октябрьской революции методологии истории было отказано в праве на самостоятельное существование — она была объявлена частью исторического материализма и марксизма-ленинизма в целом. Определенные сдвиги начались во время хрущевской «оттепели», когда появилась книга И. С. Кона¹ и открытое письмо А. И. Данилова², который обратил внимание на необходимость разработки теоретических проблем науки совместными усилиями историков и философов.

Последующие попытки партийных инстанций сдержать развитие методологии истории (в 1969 году был раскритикован сборник работ методологического семинара в Академии наук СССР³, самый семинар разгромлен⁴, тот же Данилов в теоретическом журнале ЦК КПСС подверг резкой критике труды отечественных методологов истории и новый тогда структурный метод в истории⁵) были безуспешны.

12

Уже в 1960—70-х годах в университетах читали курсы методологии истории студентам⁶, велись методологические семинары для преподавателей, стали издаваться статьи и книги по методологии истории.

Новая страница отечественной методологии истории открылась во время перестройки: с конца 1980-х годов активизировалась публикация методологических трудов, были пересмотрены многие теоретические постулаты (отношение к марксизму, трактовка роли революций в общественном развитии и др.), стали переводиться новаторские произведения Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, К. Ясперса, А. Тойнби и других известных теоретиков исторической науки, ранее лишь критиковавшиеся якобы как фальсификаторские.

В это время закрепились прежние и возникли новые методологические центры и школы. В Институте всеобщей истории РАН с 1989 года под руководством А. Я. Гуревича и его коллег выходит альманах «Одиссей: Человек в истории»⁷. В РГГУ издается учебная и монографическая

¹ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.

² Данилов А. И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопр. истории. 1961. №3.

³ Историческая наука и некоторые проблемы современности: Статьи и обсуждения / Отв. ред. М. Я. Гефтер. М., 1969.

⁴ Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991; Неретина С. С. История с методологией истории // Вопр. философии. 1990. № 9.

⁵ Коммунист. 1969. № 5.

⁶ Один из лучших: Ерофеев П. А. Что такое история? М., 1976.

⁷ Создатели так объясняют его название: «...имя Одиссея — символ вечных странствий по континентам и столетиям мировой культуры, символ неразрывной связи духовных миров, символ надежды на выживание человечества и человечности вопреки любым испытаниям». В 1996 году альманах «Одиссей» имел

литература по методологии истории, в частности с 1997 года под редакцией Ю. Л. Бессмертнова и М. А. Бойцова альманах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории». Региональные центры возникли в Санкт-Петербурге, Томске, Казани, Ростове-на-Дону и в других университетских городах. Всероссийское звучание заслуженно завоевала основанная А. И. Даниловым и давно уже руководимая Б. Г. Могильницким томская историософская школа, среди успехов которой — наряду с публикацией книг и статей, подготовкой научных кадров и организацией научных конференций — издающиеся с 1963 года «Методологические и историографические вопросы исторической науки» — МИВИН (в 2001 году вышел 26-й выпуск). В опубликованном столичным издательством «Высшая школа» в 1989 году учебном пособии Б. Г. Могильницкого «Введение в методологию истории» еще не могли быть учтены перестроечные веяния.

13

4. Новейшая литература

Советские историки были вынуждены исходить из «единственно правильной» марксистской методологической основы и «гранитного фундамента» историописания — исторического материализма. Те методологические категории, которым уделялось первоочередное внимание, соответственно чаще всего искажались:

— актуальность нередко сводилась к конъюнктурному выборочному изучению прошлого, маскируясь необходимостью «связи с современностью»;

— объективность трактовалась как марксистская партийность, от которой требовались «боевитость» и наступательный характер («воинствующая партийность»);

— релятивность исторического познания отрицалась и рассматривалась как преддверие агностицизма;

— доказательству наличия законов истории посвящалось много малоубедительных публикаций;

— методологическим принципом стала «критика буржуазной историографии», или «критика буржуазных фальсификаторов истории», подменявшая использование достижений зарубежных ученых, труды которых переставали поступать в наши библиотеки¹.

Рубеж XX—XXI веков ознаменовался появлением ряда новых отечественных учебных и монографических изданий по методологии истории, исходивших из теоретического плюрализма.

В столице учебные пособия по методологии истории издаются, прежде

подзаголовок «Ремесло историка на исходе XX века» и целиком был посвящен вопросам методологии.

¹ Самой жизнью было обусловлено появление в канун перестройки книги, направленной против таких извращений: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.

всего, в МГУ и РГГУ, где этот предмет обычно читают преподаватели источниковедческих кафедр.

Методология истории была включена в учебный план истфака МГУ в 1970-х годах. Для чтения лекций из Института всеобщей истории АН СССР был приглашен Н. А. **Ерофеев**, книга которого «Что такое история?» (М., 1976) до сих пор не утратила значения.

14

С середины 1970-х годов методологию истории в МГУ читал И. Д. **Ковальченко** (1923—1995; с 1987 года — академик). Его фундаментальный труд «Методы исторического исследования» (М., 1987; переиздан в 2003 году) состоит из двух частей: первая посвящена общим проблемам методологии, вторая — количественным методам в историческом исследовании.

В учебном пособии Н. Б. **Селунской** «Проблемы методологии истории» (М., 2003), читающей в МГУ этот курс поочередно с А. Г. Голиковым, рассмотрены: сциентистское и культурологическое направления в историографии; междисциплинарный подход в работах историков; постмодернизм; история повседневности, устная история, микроистория, тендерная история, история ментальностей¹.

Профессионально выполненное учебное пособие специалистов-источниковедов из РГГУ О. М. **Медушевской** и М. Ф. **Румянцевой** «Методология истории» (М., 1997) невелико по объему и написано трудным для студентов языком. В основательной книге М. Ф. Румянцевой «Теория истории» (М., 2002) главное внимание уделено способам построения теорий исторического процесса. Подспорьем для преподавателя является книга Р. Б. Казакова О. М. Медушевской и М. Ф. Румянцевой «Я иду на занятие... по методологии и теории истории. Учебно-методический модуль» (М., 2002).

Работе В. Ф. **Коломийцева** «Методология истории (От источника к исследованию)» (М., 2001), написанной на стыке источниковедения, социологии и философии, присуща марксистско-ленинская направленность, духом которой пропитаны и частые экскурсы в современность.

Изданные в регионах уже в начале XXI века учебные пособия по методологии истории², как и журнальные публикации о ее преподавании³,

¹ См.: Голиков А. Г. Преподавание проблем методологии истории в МГУ им. М. В. Ломоносова // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 140.

² Аникеев А. А. Методология классической историографии: Учеб. пособие. Ставрополь, 2005; Мининков Н. А. Методология истории: Пособие для начинающих исследователей. Ростов н./Д., 2004 (в книгу включен краткий обзор литературы по методологии истории); Парфенов И. Д. Методология исторической науки: Курс лекций. Саратов, 2001.

³ Аникеев А. А. Методологическая подготовка в области истории при многоуровневой структуре обучения студентов: опыт и проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 6; Голиков А. Г. Указ. соч.; Золотарев В. П. Об университетском курсе «Общая теория истории» // Вопр. истории. 2003. №11; Могильницкий Б. Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6; Смоленский Н. И. Из опыта ведения курса по методологии истории // Там же. 2007. № 2; Шарифжанов И. И. Современная историческая наука в России: поиски новых методологических приоритетов // Clío moderna.

свидетельствуют об интенсивной работе отечественных ученых над теоретическими проблемами истории.

15

Вопросам методологии истории уделено некоторое внимание в новейшей отечественной литературе по истории исторической мысли³.

Из новейших произведений зарубежных авторов общедоступны книги: Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: Пер. с англ. М., 2000; Про Л. Двенадцать уроков по истории: Пер. с фр. М., 2000.

Состоявшийся в марте 2007 года в Институте всеобщей истории РАН научно-методический семинар «Историография, теория и методология истории: учебная литература нового поколения» способствовал координации деятельности методологов и поискам оптимального варианта учебника по этой важнейшей исторической дисциплине.

В этой вводной лекции мы говорили о предмете и значении методологии истории, о ее становлении и литературе к курсу.

Фактически вводный характер имеет блок из первых трех лекций курса. Вторая лекция будет посвящена предмету исторической науки, третья — общественному предназначению истории.

16

Казань, 1999. Вып. 1; др.

³ См.: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Томск, 2001. Вып. 1; 2003. Вып. 2; Репина Л. П., Зверева В. В., Пармонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Шеуджен Э. А. Историография: История исторической науки. Майкоп, 1999.

Лекция вторая ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

План

1. Определение и отграничение предмета.
2. Соотношение в истории науки и искусства.
3. Соотношение в истории прошлого и современности.
4. Структура предмета исторической науки.

Литература

Витухновский А. Л. В гостях у Клио. 2-е изд. Петрозаводск, 1986.
Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1986.

Ельчанинов В. А. Об отношении истории как науки к искусству. Барнаул, 1975.

Сказкин С. Д. История — увлекательная наука. М., 1961.

1. Определение и отграничение предмета

Слово «история». Трудно дать определение предмета истории, приемлемое для всех во все времена. Кажется, все согласны с необходимостью различать безграничный «объект» изучения и взятую из объекта часть — «предмет». Кажется, общепризнано также, что определение предмета истории исторично, то есть меняется во времени. Это изменение обусловлено расширением круга изучаемых проблем прошлого, выделением новых исторических дисциплин, появлением новых методов их изучения. Что же касается современной дефиниции, то, видимо, наиболее приемлема та, что вытекает из содержания слова «история».

Греческое слово *historia* означало «рассказ о прошедшем, об узнанном», у греков оно было заимствовано римлянами, перейдя затем во все западные языки. Этимологии слова посвящен вышедший в Германии в 1934 году труд: Койк К. Хистория: История слова и его значений в античности и в романских языках.

19

А. Л. Витухновский говорит о 8 значениях этого слова, по подсчетам А. В. Гулыги этих значений 6: повествование («сочинил историю»), происшествие («попал в историю»), процесс развития («история физики»), жизнь общества, прошлое и, наконец, наука, изучающая прошлое человеческого общества и являющаяся его памятью. Последнее из перечисленных значений близко к дефиниции нашего предмета.

Дефиниция. Следует обратить внимание на необходимость

недвусмысленности и точности определения содержания понятий, даже таких, казалось бы, простых и часто встречающихся, как, например, «толпа» или «капитал» (слово «статистика» имело до войны 140 определений!). Когда 40 лет назад мне предложили написать для Советской исторической энциклопедии статью «Мемуары исторические», наиболее трудным оказалось сформулировать общеприемлемую дефиницию.

На мой взгляд, наиболее удачное определение нашего предмета звучит так: «История — наука, изучающая прошлое человеческого общества в его значительных конкретных проявлениях и с его закономерностями». Дальнейшее содержание этой лекции фактически составит обоснование данной дефиниции.

2. Соотношение в истории науки и искусства

Формы познания прошлого. Прежде всего: только ли через историческую науку люди познают свое прошлое? Или, иными словами: является ли наука единственной формой познания прошлого? Очевидно, что это не так: существуют и другие формы исторического познания.

Одной из самых старых форм является историческая традиция: передававшиеся изустно и впоследствии записанные мифы, легенды, народный эпос — например «Илиада», «Одиссея», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», русские былины.

Другая форма познания людьми прошлого — мемуары (В. Г. Белинский писал, что мемуары еще не история, а только материалы для нее; Л. В. Гулыга — что автобиография еще не биография, а только источник к биографии).

20

Широко распространенной формой познания прошлого является искусство — художественная литература (в том числе исторические романы), живопись, скульптура, прикладное искусство, фото, кино, телевидение. Средневзятый человек, не являющийся историком, забывает давно изучавшиеся им школьные учебники по истории, а прошлое ассоциирует с теми произведениями искусства, которые оказали на него особенно сильное эмоциональное воздействие (скажем, Людовика XIII с Ришелье и Людовика XIV с Мазарини он вспоминает по романам Дюма, время Великой французской революции или наполеоновскую эпоху — по полотнам Давида, Отечественную войну 1812 года — по батальной живописи В. В. Верещагина и по толстовской эпопее «Война и мир», революцию 1905 года — по эйзенштейновскому «Броненосцу Потемкину» и т. д.).

Все эти формы познания прошлого — донаучные или ненаучные.

Обратимся далее, исходя из данного выше определения предмета истории, к научной форме. Для начала припомним, что такое наука, какие

труды можно отнести к научным, где знание перерастает в науку?

Что такое наука. При отнесении тех или иных трудов к научным нельзя руководствоваться формальными признаками или критериями: объемом труда, сложностью изложения, принадлежностью автора к ученым-профессионалам, наличием у него ученых титулов или наград и т. п.

Нелепо думать, что толстый труд научен, а тонкий — ненаучен, что научность труда определяется сложностью изложения и потому понятно изложенный труд вызывает сомнение в его научной ценности, хотя со времен Канта такая традиция в Германии, кажется, наметилась. Академик Александр Данилович Александров говорил: то, что я академик, еще ни о чем не говорит, и неважно, был ли Ньютон академиком, Лобачевский — кавалером ордена св. Анны, Бор — лауреатом Нобелевской премии, а важно то, что человек сделал: Менделеев — это система Менделеева, Дарвин — это теория эволюции...

21

При безусловном отнесении К. Маркса к ученым, в том числе в области исторической науки, показаниями для этого являются не объем и сложность «Капитала» (равным образом не является противопоказанием отсутствие у него ученых титулов и наград), а лишь глубина исследования и осмысления — прежде всего капиталистической формации.

Наука — это форма сознания, которой присущи: строгая доказательность; не образное, а точное мышление¹; лежащее в её основе теоретическое сознание; едва ли не главный признак науки — в кажущемся хаосе явлений она выясняет какие-то закономерности, устанавливает определенные законы (например, сколько бы люди ни наблюдали, ни рассказывали, ни рисовали падение на землю различных предметов или живых существ, эти повествования и изображения до Ньютона нельзя отнести к рангу науки, а закон тяготения Ньютона — это наука²).

Таким образом, для всякой науки, в том числе исторической, характерны глубина исследования и осмысления материала. Поскольку история занимается прошлым, критерием при определении ее научности является глубина исследования и осмысления прошлого, и с этой точки зрения, например, «История» Геродота — донаучные исторические знания, книга же «Грибоедов и декабристы» М. В. Нечкиной — наука.

Когда история стала наукой. В Древнем мире и в Средние века история как знания о прошлом существовала, но науки истории еще не было. Задачи её сводились к пересказу некоторых событий прошлого для развлечения и поучения читателей. Пересказ был без анализа и выяснения смысла событий, морализирующие поучения — упрощенными: везде искали

¹ Разные трактовки какого-либо события в исторической науке являются результатом нехватки источников или несостоятельности методики их изучения.

² «Признаки науки: всеобщность, всенаходимость, достоверность, выводимость, доказательность, проверяемость» (Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 12).

аналогии между современностью и стариной, прямо призывая подражать хорошим примерам прошлого и избегать дурных.

Лишь в конце Средневековья и начале Нового времени, при значительном прогрессе в производительных силах и умственном развитии, постепенно складываются «основные элементы научной истории: более глубокое понимание ею своих задач и разработка строго научных методов исследования исторических свидетельств. Слияние этих элементов привело к превращению истории в науку»¹.

22

Превращение исторических знаний в науку не было одномоментным явлением, происшедшим в определенном году. Историческое знание становилось наукой постепенно, по мере исследования материала, с рождением критики исторических источников, формированием теории познания.

Ф. Энгельс полагал, что история стала наукой на рубеже XVIII—XIX веков². В советское время эта граница нередко отодвигалась почти на полвека вперед с указанием, что в подлинную науку историю превратил марксизм. К настоящему времени проявилась обратная тенденция — трактовать как науку уже исторические знания XVIII века³. Разумеется, в XVIII веке история начала превращаться в науку. Поскольку, однако, в XVIII веке, несмотря на успехи исторического знания, в описаниях прошлого оставалось много небылиц, сохранение указанного Энгельсом рубежа представляется заслуживающим внимания.

Опровержение антиисторического скепсиса. В течение всего XIX века, вплоть до его конца никому в голову не приходило сомневаться в том, что история является наукой. Более того, история была в XIX веке самой уважаемой наукой, царицей наук. XIX век даже называли «историческим веком», «золотым веком исторической науки».

Однако в самом конце XIX века возник так называемый «антиисторический скепсис»: некоторые историософы стали сомневаться в возможности адекватного постижения историей прошлого, больше того, стали доказывать, будто история вообще наукой не является. Эти историософы классифицировали науки не по их предмету, то есть содержанию, а по методу и в зависимости от метода делили все науки на две группы: номотетические и идиографические.

23

Номотетические науки (от греч. *nomos* закон) изучают повторяющиеся явления с помощью генерализирующего, или обобщающего,

¹ Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976. С. 26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 598—599.

³ Румянцева М. Ф. Теория истории. М, 2002.

метода. Обобщая, номотетические науки отыскивают, выводят, устанавливают законы. Физика, биология, другие естественные и технические науки являются науками номотетическими.

Идиографические науки (от греч. *idios* — своеобразный, особый) с помощью индивидуализирующего метода изучают неповторяющиеся явления и поэтому не могут выводить законы. Таковы науки о культуре, в частности история, изучающая неповторяющиеся, единичные, только раз случившиеся явления. (Только раз перешел Цезарь Рубикон, а Суворов через Альпы. Ничего в истории как будто не повторяется. Даже если бы Цезарь перешел Рубикон вторично, это было бы совсем другое историческое явление: не тот был бы Цезарь — в другом возрасте, весе, настроении; не тот был бы Рубикон, — еще Гераклит заметил, что нельзя дважды вступить в один — неменяющийся! — поток; изменилось бы и время, и цели, и количество переходящих Рубикон солдат и т. д.) Эти единичные, индивидуальные, неповторяющиеся явления можно более или менее подробно описать, выведение же из них законов невозможно. Но если история как идиографическая наука лишь описывает явления, если она лишь скользит по их поверхности и не способна проникнуть внутрь, не способна выводить законы, то какая это вообще наука? Строго говоря, ее таковой считать нельзя. История как наука «исчезает».

Подобные рассуждения представляются состоятельными лишь на первый взгляд. Для их критики важно учитывать диалектику соотношения единичного и общего.

Единичность исторических фактов всегда относительна. В каждом из единичных явлений прошлого содержатся элементы общего, которые можно вычленять (выносить за скобки, находить общий знаменатель) и таким образом выявлять закономерности общественного развития.

Является ли история искусством. Некоторые историки не только лишают историю ранга науки, но и причисляют ее к искусствам. Они выдвигают при этом следующие аргументы. Прежде всего — многовековая традиция. В представлении древних история была искусством.

24

Древние греки верили, что от брака бога Зевса и богини памяти Мнемозины родилась муза истории Клио, которая стала одной из девяти муз, окружавших бога солнца, света и искусств Аполлона. На протяжении столетий история являлась отраслью литературы, одним из литературных жанров — подобно эпосу или новелле. Немыслимо представить себе Вольтера лишь как историка: он был литератором, использовавшим и исторический жанр. Шиллер был, прежде всего, поэтом и драматургом, писавшим и на исторические темы и даже являвшимся профессором истории.

Постепенно история отпочковалась от литературы — прежде всего в Англии и во Франции — и приблизительно с конца XVIII века, как мы уже говорили, стала наукой. Но отголоски отношения к истории как к

разновидности литературного творчества отчетливо слышны еще в первой половине XIX века. Никто не удивлялся пребыванию — правда, в течение короткого времени — Н. В. Гоголя в должности адъюнкт-профессора всеобщей истории, как, впрочем, и рецензиям литературного критика В. Г. Белинского на труды по истории, в которых, поскольку они рассматривались как разновидность литературы, обязательно отмечались их стиль, композиция, интересность и вообще художественные достоинства. Знаменитый историк французской школы Реставрации Огюстен Тьерри утверждал: «...на мой взгляд, всякое историческое сочинение есть произведение искусства в той же мере, что и учености: забота о форме и стиле здесь нужна не меньше, чем изучение и критика фактов»¹. Он блестяще реализовал этот постулат в своих трудах², и нельзя не согласиться с Н. Г. Чернышевским, назвавшим Тьерри «гениальным писателем»³.

25

Сторонники отнесения истории к литературе ссылаются также на общность преследуемой ими цели: сделать человека гуманнее.

Решающий убедительный аргумент противников отнесения истории к искусству: при общности цели они коренным образом расходятся по методам ее достижения: у историков на первом плане историческая правда с точным воспроизведением событий, литераторы добиваются того же с помощью образности, вымысла.

Итог размышлений на тему, является ли история искусством:

— да, история ближе естественных и точных наук к искусству; да, она также может оказывать на людей эмоциональное, этическое, воспитательное влияние; да, если понимать под искусством мастерство и талант изложения;

— однако прямой и итоговой ответ звучит безоговорочно отрицательно: нет, попытки отождествления истории с искусством абсурдны: история обязана восстанавливать точную картину прошлого и не может быть отнесена к искусству с его правом на вымысел.

3. Соотношение в истории прошлого и современности

Только ли прошлое? В сформулированном выше определении истории говорится, что это наука, изучающая прошлое. Против «прошлого» также имеются возражения. На наш взгляд, это слово в дефиниции должно

¹ Цит. по: Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956. С. 115—116.

² Так, в «Истории завоевания Англии» Тьерри писал: «Одни пели под звон кельтских арф, ожидая возвращения короля Артура; другие плыли по бурному морю с тою же беспечностью, с какою лебеди плещутся на озере; третьи в опьянении победы собирали груды добычи, отнятой у побежденных, измеряя веревкою землю, чтобы разделить ее между собою, считая и пересчитывая семьи поголовно, как скот; наконец, те, которых одно поражение сразу лишило всего, ради чего стоит жить, покорно смотрели, как чужеземец садится хозяином у их собственного очага, или, в неистовстве отчаяния, бежали в леса и жили там, как живут волки, разбойничая, убивая, но оставаясь свободными» (Цит. по: Там же. С. 107—108).

³ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1947. Т. 3. С. 737.

сохраниться, ибо оно отражает специфику предмета нашей науки, и даже добавление «преимущественно прошлое» больше навредит определению предмета, чем уточнит его.

26

Основные сомнения-возражения против «прошлого» были связаны, кажется, не столько с опасением сузить границы предмета, сколько с возможными упреками в его деактуализации — в аполитичном «уходе в прошлое», в недостаточной связи с современностью. Главы (части) книг и целые книги подчас посвящались проблеме «связи с современностью»¹.

Казалось бы, это аксиома: жизнь человечества включает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое — домен истории, настоящим занимаются политология, социология, психология и другие дисциплины, будущее — область футурологии. Жизнь человечества, по образному выражению английского историка, это река, текущая из прошлого — через настоящее — в будущее. Сравнение отечественного писателя: «... корни "сегодня" уходят во "вчера" точно так же, как его ветви тянутся в "завтра"»². Но современный историк как будто вынужден полемизировать: «...разве история не занимается преимущественно прошлым, а политология и социология — преимущественно настоящим?»³

Постановка вопроса такова: надо ли в дефиниции Истории к словам «наука, изучающая прошлое» добавить «и настоящее» или «и современность»?

История и современность. Граница между настоящим, тем более современностью, протяженность которой не дольше жизни отдельного человека, и прошлым более чем относительна. Каждый прожитый день и час, каждый момент текущей жизни через мгновение (взмах ресниц) становится прошлым и приращивается к изучаемому историей предмету, а необходимая для текущих нужд документация — скажем, запись рождения и смерти человека, фиксируемая соответствующим государственным учреждением, — превращается в исторический памятник.

Общеизвестны слова песни Р. Рождественского: жизнь — «только миг между прошлым и будущим».

27

Еще раз: эти приблизительно 100 лет текущей жизни — предмет ряда дисциплин, изучающих настоящее. У истории по горло хватает своих забот при всестороннем исследовании жизни общества на протяжении прошлых тысячелетий.

Так что в дефиницию предмета Истории настоящее-современность

¹ См., напр.: Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

² Как мы пишем. М, 1989. С. 157.

³ Мерцалов А. И. В поисках исторической истины. М., 1984. С. 201.

включать не следует. Дай Бог Истории справиться с одним безбрежным океаном фактов прошлого, которое ведь изучается комплексно и ныне включает экономику и политику, культуру и религию, ментальность и повседневную жизнь — даже условия этой жизни, то есть и историческую географию, и климатологию, и другие смежные дисциплины.

Именно вследствие необъятности предмета Истории в дефиницию внесены ограничения: она изучает прошлое «в его значительных конкретных проявлениях». Но какие конкретные проявления прошлого были значительными и могут претендовать на «пропуск в историю»? Скажем, через 200 лет после Отечественной войны 1812 года историки не могут однозначно ответить на вопрос, «заслужил» ли такой пропуск насморк Наполеона в утро Бородина...

Что касается закономерностей прошлого, фигурирующих в нашей дефиниции, то о них уже был разговор, но мы еще вернемся к ним в последующих лекциях.

4. Структура предмета исторической науки

Тенденция к интеграции и дезинтеграции наук. Быстрое развитие наук в XIX веке, ускорившееся и ставшее стремительным в XX веке, обусловило естественную необходимость их членения, или дробления, вызвало центробежную тенденцию. Так, из единой прежде медицины — еще столетие назад земский врач лечил всё — выделились терапия, хирургия, невропатология, дерматология, офтальмология и множество других медицинских специальностей. Далее, у терапевтов возникает свое членение: специализация по сердцу (кардиологи), легким, желудочно-кишечному тракту и т. д. Но и у кардиологов дробление продолжается: знатоки сердечных клапанов, аритмии и т. п.

28

При этом характер, принципы, критерии членения-дробления различны — по предмету, методу и др. (скажем, у медиков, с учетом возраста пациентов, возникают педиатрия, геронтология). Позже центробежной тенденции набирают силу центростремительная, интеграционная, синтетическая.

Эти дезинтеграционно-интеграционные процессы в науках захватили и историю: они в значительной мере обусловили сложность структуры ее предмета, которая постоянно возрастает по мере расширения познавательных возможностей истории.

«Срезы» Ерофеева. На наш взгляд, наиболее удачно охарактеризовал эту структуру — внутреннюю дифференциацию исторической науки — Н. А. Ерофеев, выделив четыре «среза»: тематический (горизонтальный), временной, или хронологический (вертикальный), географический

(пространственный) и методико-исследовательский.

Тематический срез включает членение истории по отраслям: политическая, экономическая, социальная, культурологическая и т. д. Преобладающий интерес к тематике был неодинаков в разное время. До XVIII века изучалась преимущественно политическая история, то есть те аспекты прошлого, которые были связаны с властью: монархи, их министры, их войны и т. п. Марксистская история акцентировала изучение экономики. В XX веке усиливается интерес к социальной истории. Преимущественный интерес в преподавании к политической истории вызван невозможностью «объять необъятное» и необходимостью сохранения политической основы — скелета событий¹.

По степени временной отдаленности от нас историю делят на древнюю, средневековую, новую; основы этого членения заложили гуманисты, а полностью реализовали просветители. С конца 1940-х годов стали различать новейшую историю, но так как она постоянно расширяется (прирастает), раздавались уже предложения выделить в отдельный период историю современности. Условность членения истории на периоды очевидна; отсутствие общепринятых критериев приводит к возникающим время от времени дискуссиям.

29

Географический срез предусматривает членение по странам (регионам).

Все эти три среза относятся к конкретно-историческому изучению прошлого. Обычно историк исследует определенную отрасль определенной страны в определенное время (скажем, внешнюю политику Российской империи в первой четверти XVIII века или крушение Веймарской республики).

Четвертый срез в членении Ерофеевым предмета истории - — **методико-исследовательский**: к нему относятся не конкретно-исторические, а вспомогательные и специальные исторические дисциплины; из них наиболее общими и с этой точки зрения наиболее важными являются источниковедение и историография, которые особенно близки к методологии истории.

Таков предмет нашей науки — истории. Ее общественному предназначению — как говорят, ее «социальным функциям» — будет посвящена следующая лекция.

30

¹ Предложенное И. Д. Парфеновым членение предмета истории по отраслям (военная, политическая, экономическая, социальная, дипломатическая и др.) фактически является частью ерофеевского тематического (горизонтального) среза. Аналогично членение истории по отраслям и у В. Ф. Коломийцева.

Лекция третья. РОЛЬ ИСТОРИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (Социальные функции исторической науки)

План

1. История как память человечества (функция социальной памяти).
2. Воспитательная функция истории.
3. Использование исторического опыта — уроков истории (прогностическая функция).

Литература

Ковальченко И. Д. Место истории в системе общественных наук // Вопросы истории. 1987. № 7.

Могильницкий Б. Г. Введение: О пользе истории // Историческая наука и историческое познание. Томск, 2000.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: Т. 1. М., 1997.

Шиллер Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения // Собр. соч.: В 7 т.: Т. 4. М., 1956.

В 1960-х годах разгорелся спор между представителями естественно-технических наук («физики», «технари») и гуманитарных наук («лирики»). «Физики» ссылались на безусловную свою полезность: именно с их деятельностью связано радикальное ускорение темпов развития в век НТР, «лирики» же, историки, прежде всего, никакого отношения к этому не имеют; историей занимаются бесталанные люди, которые, мол, умеют запоминать, но не думать, более того, история не только бесполезна, но и вредна: она — слуга сильных мира сего, искажающая прошлое по принципу «чего изволите?». «Физики» инкриминировали историкам бездумность, ненаучность, конъюнктурность, бесчестность, бесполезность и даже вредность.

33

Так ли это? Не ошибся ли абитуриент, придя на исторический факультет? Зачем нужна людям история? Какова роль истории в жизни общества, то есть каковы ее социальные функции?

1. История как память человечества (функция социальной памяти)

Все социальные функции исторической науки исходят из главной: история является памятью человечества. Лишившийся памяти человек теряет накопленные знания, жизненный опыт, становится ребенком, перестает быть личностью в собственных глазах и в глазах общества. Место индивидуальной памяти в жизни общества занимает история: без знания прошлого оно не способно к самопознанию и нормальной деятельности; «человек, лишенный прошлого, похож на однодневное насекомое»¹. (В повести Ч. Айтматова «Буранный полустанок», или «И дольше века длится день», чтобы превратить пленных в бездумных роботов-манкуртов, их пытками лишали памяти.)

Изъяны человеческой памяти и недостатки истории как общественной памяти — не довод против изучения прошлого.

Историки повествуют о прошлом по вполне земным, субъективным и объективным причинам: по любознательности, жажде познания — и по «социальному заказу», то есть по требованию общества или его части, предпринимаемому в прямой или косвенной форме, исследовать определенную проблему для извлечения полезных для заказчика выводов. Не всякий социальный заказ несправедлив (так, изданием мемуаров А. Марсскотти «Дипломатическая война» итальянские фашисты стремились оправдать свои колониальные захваты, но заказ вызванному в Кремль А. С. Ерусалимскому — отредактировать перевод и написать вводную статью к «Мыслям и воспоминаниям» Бисмарка — был оправдан). Незамаскированной формой современного социального заказа являются гранты, предоставляемые государством, разными фондами и иными организациями.

34

2. Воспитательная функция истории

Все гуманитарные науки призваны воспитывать людей, делать их человечнее. Так, главное в этическом учении И. Канта — категорический императив, то есть безусловное повеление исполнять свой нравственный долг («...от первого мгновенья до последнего», — скажет позже Р. Рождественский); пушкинская Татьяна Дмитриевна Гремина помнила свой долг («...я другому отдана и буду век ему верна»), а забывшей долг жены и матери Анне Аркадьевне Карениной Л. Н. Толстой «воздал», бросив ее под колеса поезда.

Воспитательная задача «очеловечения человечества» всегда наличествовала и у Истории, хотя нюансы менялись. В древности это был прямой призыв следовать конкретным положительным образцам, например подвигу стоявших насмерть воинов Леонида при Фермопилах:

Странник, во Спарту пришел, возвести ты народу, Что, исполняя свой

¹ Метгер И. Встречи и расставания. М., 1984. С. 1.

долг, здесь мы костями полегли.

Нравственный смысл своей «Истории Карла XII» Вольтер видел в излечении государей от «безумия завоеваний». Позже задачу Истории в широком смысле стали трактовать как воспитание исторического оптимизма.

В работе «О нашем призвании» Г. Я. Бакланов доказывает, что «призвание писателя — пропагандировать человечность», а В. А. Каверин в «Освещенных окнах» обоснованно убеждает нас, что надо учить не литературу, а литературой и равным образом не столько историю, сколько историей. Нельзя не согласиться с учителем истории 39-й московской школы А. Э. Тимофеевым: «Генеральная цель школьного обучения и воспитания... не столько в передаче знаний, сколько в обучении гуманизму, в привитии гуманистического императива, гуманистического идеала как жизненной концепции»¹.

Человечеству грозит расчеловечивание в результате падения нравственности, вследствие углубляющегося разрыва-пропасти между научно-техническим прогрессом и состоянием морали.

35

И. Эренбург в журнальном варианте своих мемуаров «Люди, годы, жизнь» приводит мысль В. Маяковского: надо надеть на технику гуманистический намордник, а то она искушает человека (вспомним: гитлеровцы были близки к созданию атомной бомбы, и ею же стремятся овладеть современные террористы).

Присущий истории мощный воспитательный заряд очевиден, но важно определить, что и как воспитывать. Что надлежит воспитывать? Патриотизм — любовь и уважение к своей родине, к великим людям и рядовым труженикам, вносившим вклад в ее процветание, создававшим материальные и культурные ценности и защищавшим ее от вражеских нашествий; общечеловеческие ценности — гуманизм (человечность), терпимость (толерантность) к народам и отдельным людям, придерживающимся иных взглядов. Надо воспитывать на любви к прогрессивным явлениям и ненависти к темным проявлениям прошлого. Нельзя из мнимого патриотизма замалчивать негативные моменты своей истории, уподобляясь пятилетнему мальчику, выковыривающему из булки изюминки (пример К. М. Симонова).

Но чтобы рассказывающий о прошлом историк действительно сеял разумное, доброе, вечное, он сам должен быть честен. Необходимость «морального допуска» к занятиям историей должна быть аксиомой (едва ли не самые убедительные соображения об этом мы находим у просветителя XVIII века Мабли).

¹ Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 184.

3. Использование исторического опыта — уроков истории (прогностическая функция)

Наука для всех, но особенно для принцев. История является аккумулятором человеческого опыта. Общеизвестна чеканная формула Марка Туллия Цицерона «История — учительница жизни», и все должны помнить утверждение В. Г. Белинского: мы изучаем прошлое, чтобы лучше понять настоящее и приоткрыть хоть немного завесу над будущим. Из уроков прошлого вытекает возможность научного предвидения, предсказания, или, как говорят, «прогностическая функция исторической науки».

36

Опыт прошлого, будь то личный, общественный или государственный, имеет универсальное — всеобщее — значение; по сравнению академика Д. С. Лихачева, «как грибники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад»¹. Эта оглядка касается всех, но особенно важен исторический опыт для правителей.

Правители используют исторический опыт для выработки удачных проектов, поэтому историю можно назвать теоретической основой для принятия государственных решений.

Рассматривая историю как часть искусства государственного управления, монархи и иные дальновидные правители сами изучали ее и нанимали лучших профессоров для обучения своих преемников или других возможных престолонаследников — поэтому историю и называли наукой для принцев. Так, Л. Ранке читал лекции баварскому кронпринцу Максимилиану Виттельсбаху,² а профессор Московского университета В. О. Ключевский был направлен для чтения лекций по отечественной и зарубежной истории сыну Александра III — Георгию Романову, лечившемуся в 1890-х годах на грузинском курорте Абастуман («Абастуманский курс»)³.

Опыт истории - для «зрячих». Впрочем, оценки возможности использования исторического опыта неоднозначны — скажем, у двух именитых оппонентов, Гегеля и Ключевского.

37

¹ Лихачев Д. С. Книга беспокойств. М., 1991. С. 338.

² Ранке Л. Об эпохах новой истории. М., 1898.

³ Ключевский В. О. Новейшая история Западной Европы в связи с историей России // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 198—291. Воспитатель Николая и Георгия генерал Г. Г. Данилевич инструктировал Ключевского: «Вы должны помнить, что вы профессор и преподаете, что находите нужным. Делайте, что следует делать, а что из этого выйдет, вы не отвечаете. Наше дело сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-нибудь гвардейский штаб-ротмистр». Данилевича поддержал и присутствовавший на беседе министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков: «История должна же давать им уроки, а этого они ни от кого не услышат, кроме профессора. Прежде всего, им надо говорить правду» (Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 329—330). Острейшую проблему революций Ключевский излагал так: благоразумный монарх должен своевременными реформами предотвращать незаконное революционное насилие.

Позиция Гегеля: «... народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее... каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния»¹.

Ответ Ключевского: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствующие о ней, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории это нисколько не касается как науки: цветы не виноваты, что слепой их не видит. Но это и не правда: история учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает за невежество и пренебрежение»².

Примеры наказания тех, кто игнорирует опыт истории, бесчисленны. Не желали понять, что Россию нельзя завоевать, и поплатились за это поляки в XVII, шведы в XVIII, Наполеон в XIX, Гитлер в XX веке. Трижды первая мировая держава Англия пыталась завоевать маленький и отставший в развитии Афганистан и терпела поражения³; но и, зная об этом, четверка отечественных старцев в 1979 году решила повторить такую попытку. Несмотря на провал введенного в США 16 января 1920 года «сухого закона», отечественные лидеры столь же безуспешно повторили с благороднейшими намерениями подобный эксперимент в конце XX века, по поводу чего наш толстый журнал писал: «Антиалкогольные кампании в СССР родились из клинического незнания истории»⁴.

Особенность использования уроков прошлого. Разумеется, история не содержит готовых рецептов для решения современных актуальных проблем, но, исходя из прецедентов прошлого, она помогает принять компетентные и квалифицированные решения.

38

Поскольку извлечение уроков при наличии разнообразных прецедентов более чем сложно, даже готовность к их использованию реализовать нелегко. Аргументируем это двумя примерами из новейшей отечественной истории.

М. С. Горбачев говорил о причинах неудачных реформ своих предшественников: «Главный урок состоит в том, что начинавшиеся в прошлом процессы, предпринимавшиеся попытки реформ, относящиеся и к экономической, и к социальной сферам, не подкреплялись расширением и развитием демократии, включением в эти процессы через механизмы демократии всех трудящихся»⁵. Очевидно, что Горбачев, используя опыт предшественников, не предвидел такого трагического следствия, как распад

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения: Т. 8. М.; Л., 1935. С. 7—8.

² Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

³ Но «Англия извлекла урок из американской войны (за независимость. — И. Б.) и поспешила умиротворить канадцев, предоставив им широкое самоуправление» (Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: В 3 т. М., 1981. Т. 2. С. 381).

⁴ Октябрь. 1999. № 2. С. 166 и след.

⁵ Встреча с представителями французской общественности // Известия. 1987. 1 окт.

СССР, за сохранение единства которого он, безусловно, боролся. Приведем также суждение российского историка о причинах неудач современных реформ: «Взявшись строить в России капитализм, наши руководители повели страну по пути, который уже пройден, многими другими государствами, а частично и Россией. Сколько нынешних бед можно было избежать, знай они хоть экономическую историю вообще и кашей страны в особенности»¹.

Социальные функции исторической науки проявляются и в ее помощи другим наукам.

Она является фактовым фундаментом других общественных наук, которых обеспечивает сырьем для их построений — установленными ею достоверными историческими фактами.

Историческая наука подарила другим наукам историзм — один из ведущих принципов мышления и исследования, и именно в этом смысле надо понимать тезис Маркса и Энгельса: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»².

Совершенно очевидно, что важнейшей предпосылкой выполнения историей её социальных функций является правдивость.

39

Еще древнегреческий историк Полибий писал: «Правда должна господствовать надо всем: как живое существо делается ненужным, если его лишат зрения, так и история (потеряв правдивость) превращается в бесполезное разглагольствование»³. Это ясно и представителям других профессий — например, командарм времен Великой Отечественной войны генерал П. И. Батов в мемуарах пишет: «Историю не следует подправлять, иначе у нее нечему будет учиться»⁴.

Очевидна также несостоятельность упреков «физиков» — «лирикам», о которых шла речь в начале лекции. Иные «физики» забыли максимум «Образование — это то, что остается, когда выученное забыто»; они забыли, что история и другие гуманитарные дисциплины, изученные ими в школе и как будто забытые, сформировали их гуманистическое мировоззрение; иные обвинители подобны персонажу крыловской басни «Свинья под дубом».

В настоящей лекции мы говорили о потенциальных возможностях истории как науки. Возможность реализации этих потенциалов связана с ее правдивостью, характером эпохи, местом истории в системе наук. Роль истории в жизни общества не была однозначной.

Ф. Шиллер назвал свою лекцию студентам Йенского университета в 1789 году «В чем состоит изучение мировой истории и каковы цели этого изучения»; Ф. Ницше свою в 1869 году студентам Лейпцигского университета — «О пользе и вреде истории для жизни». В XX веке к вопросу

¹ Бовыкин В. И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 16.

³ Цит. по: Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 136.

⁴ Батов П. И. В походах и боях. М., 1962. С. 84.

о месте истории в жизни общества ученые обращались неоднократно. В 2000 году отечественный методолог Б. Г. Могильницкий в эссе «О пользе истории» охарактеризовал радикально изменившуюся роль нашей науки в современной жизни ¹, о статусе истории в XX веке довелось писать и мне ². К вопросу о социальных функциях истории в наше время мы еще вернемся.

40

¹ Могильницкий Б. Г. О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000.

² Биск И. Я. О престиже исторической науки в XX веке // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ — 2005. Иваново, 2005. С. 137—138.

Лекция четвертая ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

План

1. Отличие исторического познания от познания в других науках.
2. Базовая роль источника в исторической науке.
3. Историческое описание и проблема исторических законов в историческом исследовании.
4. Релятивность исторического познания.

Литература

Гулыга А. В. О характере исторического знания // *Вопр. философии*. 1962. №9.

Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.

Коган Л. Н. О специфике применения критерия практики в исторической науке // *Практика— критерий истины в науке*. М., 1960.

Могильницкий Б. Г. Историческая наука и проблемы гносеологии // *Россия в XX веке: Историки мира спорят*. М, 1994.

Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978.

Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.

1. Отличие исторического познания от познания в других науках

Ретроспективность исторического познания. Исходное отличие: историческое познание ретроспективно. Латинский глагол *retrospicere* означает «глядеть назад».

События в прошлом развивались в одном направлении, а историк изучает их в другом — обратном.

43

Ретроспективность исторического познания и значит, что познающий прошлое историк-исследователь как бы смотрит назад — от следствия, которое ближе и понятнее, к причине, более отдаленной и труднее постигаемой. Это, например, взгляд от Парижской мирной конференции 1919 года — через события войны 1914—1918 годов — к империалистическим противоречиям начала XX века, породившим войну. Это взгляд от настоящего к прошлому.

Плюсы ретроспективности. Историк какой-либо эпохи обладает в

целом безусловным преимуществом в знании этой эпохи перед действовавшими в ней историческими персонажами¹: а) в его распоряжении больше источников (уже открыты ранее засекреченные архивы, написаны мемуары и т. д.), б) у него более совершенная исследовательская методика (ввиду ее постоянного развития), в) он знает и может оценить более или менее отдаленные результаты свершившихся исторических событий и, следовательно, может глубже их описать, — с холма исторического опыта, говорил Ш. де Голль, виднее равнина. Допустимо сравнение: люди прошлого видели деревья, историк видит лес. Как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, о кануне Киевской Руси мы знаем больше, чем поляне и древляне, а Великую французскую революцию знаем лучше делавшего ее Робеспьера.

Минусы ретроспективности для познания прошлого связаны, прежде всего, с опасностью его модернизации. Мы исследуем это прошлое с высоты иных, пусть даже более развитых, зрелых и совершенных, времен.

44

Историк по-другому одет, вкушает другую пищу, живет в другом жилище, обладает другим складом ума, чем действующие лица его исследования; иногда он пользуется теми же словами, но смысл их зачастую радикально изменился.

Соотношение объекта и субъекта. В процессе познания всегда участвуют две стороны: познающий субъект и познаваемый объект: геолог изучает минералы, ботаник — растения, зоолог — животных, историк — людей прошлого. Важной особенностью исторического познания является специфическое — весьма сложное! — соотношение между сторонами этого познавательного процесса.

В естественных науках человек познает природу; при этом он является субъектом, а природа, на которую направлены его познающие действия, — объектом познания. Гораздо сложнее проблема соотношения субъекта и объекта в историческом познании. Ведь объектом исследования в исторической науке является общество или отдельный человек, которые не пассивны, а действуют сознательно, целеустремленно. Несложно, например, установить, как ведет себя под воздействием солнечных лучей определенный цветок, люди же в такой ситуации поведут себя неоднозначно; можно рассчитать, через какое время спущенный с горы камень под влиянием веса, тяготения, инерции и других факторов окажется у ее подножия, по-иному в аналогичной ситуации это будет выглядеть с человеком.

Как и в природе, познаваемый исторический объект существует независимо от познающего субъекта, но этот познаваемый, или исследуемый,

¹ Это понимают и литераторы: «Ни один историк никогда не сможет изложить современную ему историю лучше, чем это сделает его коллега много лет спустя» {Кристи А. Появление мистера Кипа // Детективы Агаты Кристи: В 40 т. М, 1997. Т. 40. С. 14}. «Иногда некоторые события становятся более очевидными лишь спустя много лет» (Она же. Мертвый Арлекин // Там же. С. 152).

объект — в отличие от природы — субъективен. Процесс познания субъектом истории выступает как процесс самопознания.

Субъективность объекта историк обязан иметь в виду всегда, при любом историческом исследовании. Объясняя прошлое, он должен представлять себе цели и намерения действовавших в прошлом людей, партий, классов, — более того, он обязан учитывать, что эти цели и намерения в какой-то степени были детерминированы (предопределены), порождены объективными условиями той эпохи (исторической географии, климата, экономического и политического строя и т. п.) и вытекали из них.

45

К вышеизложенному надо добавить, что не только объективно существовавший объект исследования субъективен, но субъективны и автор источника, и его исследователь. Поэтому добраться до истины в истории сложнее, чем во многих других науках.

Отличие от художественного познания. Литератор и историк по-разному изображают реальную действительность. Литератор мыслит при помощи образов, в которых воплощает типические черты многих людей или явлений. Он имеет законное и бесспорное право на вымысел и широко им пользуется. Литераторы всегда отстаивали свое право на вымысел, доказывая, что в противном случае они превратились бы в ремесленников-фотографов.

М. Горький говорил, что для изображения одного типического попа литератор должен предварительно изучить их сотню. «А. М. Горький учил, что факт сам по себе ещё не вся правда, а только сырьё, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства. Эта правда искусства рождается из отношения автора к факту... Нельзя жарить курицу вместе с перьями, а преклонение перед фактами ведет к тому, что смешивают случайное и несущественное с коренным и типическим. Нужно научиться выщипывать искусственное оперение фактов, нужно извлекать из факта его смысл»¹.

О праве литератора на типизацию и вымысел с большой убедительностью и экспрессией писал молодой еще К. Г. Паустовский: «... факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением некоторых характерных черт, освещенных слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во сто крат ярче и доступней, чем правдивый и до мелочей точный протокол»².

В отличие от литератора историк обязан восстановить изучаемые им явления с максимально возможной достоверностью и точностью, вплоть до деталей.

46

¹ Вопр. журналистики. 1959. С. 304.

² Паустовский К. Г. Кара-Бугаз // Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 1. С. 452.

Всякое преднамеренное отклонение от этого представляет собой искажение истины, фальсификацию, преступление против морали и науки.

Отличие от познания в точных науках. Поскольку предметом исторической науки является прошлое человеческого общества, то, в отличие от ученых в области естественных и точных наук, ученый-историк почти никогда не может наблюдать изучаемые факты (явления).

Физик, биолог не только наблюдают интересующие их факты, явления, процессы, так сказать, в «натуральном виде»; они могут также воспроизвести многие из них или аналогичные им с помощью эксперимента в лабораторных либо производственных условиях. Например, физик, изучающий грозные разряды в атмосфере, может воссоздать «искусственную молнию» в лабораторных условиях.

Историк-исследователь такой возможности лишен. Каждому понятно, что колесо истории повернуть вспять невозможно, то есть нельзя искусственно вернуть или повторить бывшие в прошлом события, чтобы лучше к ним присмотреться, проанализировать и описать их.

Еще раз: историк, в качестве общего правила (отвлекаясь от современных ему событий, которые составляют хронологически лишь ничтожную часть потенциальной сферы изучения), не наблюдал исторические факты и явления и не в состоянии воспроизвести их в искусственных, лабораторных условиях. Роль же эксперимента в исторической науке крайне незначительна (как одно из немногих исключений можно назвать плавание Тура Хейердала на «Кон-Тики»).

2. Базовая роль источника в исторической науке

Понятие «исторический источник». Как же рассказать о ненаблюдаемом и невозпроизводимом в эксперименте прошлом? Это можно сделать лишь опосредованно — с помощью и через исторические источники. Источники играют основополагающую роль в исторической науке. Источник — сырьевая база для историка-исследователя.

47

Источником является все, на чем могут быть основаны наши знания о прошлом. Источники бывают вещественные, устные, письменные. Основная масса сохранившихся источников — письменные. Главными видами письменных источников являются материалы социально-экономической статистики, парламентские и дипломатические документы, периодическая печать (газеты и журналы), мемуары и эпистолярные (частная переписка), произведения художественной литературы.

Различая «источник» и «исследование» («источник» и «литературу»), некоторые студенты подчас применяют слово «источник» не в научном, а в

житейском смысле и все использованные ими при написании письменных сочинений материалы называют своими источниками. Исторический труд («литература») может стать историческим источником (притом главным источником) в историографическом исследовании. Так, монографии Тарле и Борисова о Талейране являются потенциальными источниками при теме «Талейран в отечественной историографии».

Так как без исторических источников ни история, ни наша «Методология истории» невозможны, мы посвятим методологии источниковедения несколько последующих лекций, сегодня наша задача — усвоить их базовое значение.

Я попытаюсь сделать это, рассказав о том, как и на основе каких источников была написана моя книга «Наш школьный класс как зеркало поколения (1929—1939 гг.)» (Иваново, 2001).

«Наш школьный класс». Жизнь и начавшаяся в год окончания школы (в г. Житомире на Украине) Вторая мировая война разметала наш дружный класс по всему огромному СССР, но мы — оставшиеся после войны в живых — поддерживали связи, а в юбилейные годы приезжали на встречи в Москву. На встрече 1989 года по поводу 50-летия окончания школы, когда в застолье каждый соученик отчитывался о прожитых годах, мне как единственному профессиональному историку предложили написать историю класса. Год спустя я разослал переплетенный машинописный текст этой истории каждому соученику, а когда — в конце минувшего века — микроистория вошла в почет, опубликовал книгу. Как и на какой базе удалось это сделать?

48

Во время этой встречи, в нескольких поездках в Москву, Житомир, Брест, Ригу и другие города, а также путем интенсивной переписки с соучениками были собраны фотографии и воспоминания о школьном времени; учителей уже не было в живых, но кое-что рассказали их дети и школьная пионервожатая, кое-что дал просмотр областной газеты «Радянська Житомирщина»; довоенные архивы погибли во время Великой Отечественной войны, но в архиве гороно были обнаружены личные дела тех наших учителей, которые на склоне лет в первые послевоенные годы еще трудились в разных городских школах; конечно, посещения сохранившегося школьного здания помогли вжиться в довоенную школьную атмосферу. Так появилась эта книга.

Подумайте: какими источниками сможет воспользоваться спустя, скажем, полвека историк, в том числе любой из вас, если захочет восстановить историю вашего курса?

Исследование и компиляция. Произведение о прошлом, основанное не на источниках, а на других произведениях о прошлом, является не исследованием, а компиляцией. Слово «компиляция» происходит от лат. глагола *compilare*, который означает «грабить» (в том числе чужие мысли). Ее автор, по выражению польского историка первой половины XIX века

Иоахима Лелевеля, смотрит на прошлое чужими глазами.

Несмотря на ненаучность всякой компиляции, она может быть полезна для популяризаторских целей (например, очевидно научно-популярное значение небольшой книги К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»).

Понятно, что компилятивность студенческих сочинений, преследующих, по идее, учебные задачи, неприемлема.

Шутки ради напомним, что хуже компиляции — плагиат, то есть грабеж не просто чужих мыслей, а чужих слов. Если приведенные в кавычках и со ссылкой чужие слова являются цитатой, то списанные без кавычек и ссылки — квалифицируются как плагиат, зачастую заслуживающий не только моральной, но и правовой оценки.

3. Историческое описание и проблема исторических законов в историческом исследовании

Специфика исторических фактов. Труден весь процесс исторического познания, начиная с осмысления отдельного исторического факта.

49

Историческому факту будет посвящена следующая лекция. Сегодня — лишь об одной его черте.

Особенностью исторических фактов (вообще фактических материалов в историческом исследовании) является то, что они имеют в известной степени самостоятельное, самодовлеющее значение.

По этому вопросу между философами и историками идет давний спор, восходящий еще ко второй половине 1820-х годов, когда преподававшие в Берлинском университете профессора Гегель и Ранке обвиняли друг друга в неправильном отношении к факту.

До сих пор некоторые философы отрицают за историей право на простое изложение фактов, ссылаясь на то, что фактология не наука, а «ползучий эмпиризм»¹.

Полемика вокруг этой проблемы вспыхнула с большой силой на дискуссии в Академии наук СССР в начале 60-х годов и, похоже, была историками выиграна². «Философскую» точку зрения поддерживал академик Кедров, а «историческую» — как это ни странно на первый взгляд — тоже философ, доктор философских наук А. В. Гулыга (говорят, что Кедров, в институте которого работал Гулыга, даже сравнил его с «троянским конем» и предложил официально перейти на работу в какое-либо историческое учреждение). Конечно, выступали и историки, но аргументация Гулыги

¹ Исходя из того, что наука начинается с обобщения и выведения закона, некоторые философы отрицают такую специфическую особенность исторической науки, как относительная самостоятельность исторического факта.

² См. материалы дискуссии в сборнике «История и социология» (М., 1964).

представляется особенно убедительной. В одной из своих статей он писал по этому вопросу: «Эмпиризм в истории проявляется не в том, что обращаются к фактам, а в том, как обращаются с ними, в беспомощности перед лицом фактов».

50

Работа, содержащая лишь нагромождение фактических данных, непроверенных, несистематизированных, необъясненных, теряет качество научного исследования и примыкает к разряду источников, нуждающихся в обработке»¹.

В этой же статье Гулыга убедительно разъяснил место факта в исследовательской работе историка: «Историк изучает законы и в равной степени факты. Этим его труд отличается от деятельности представителей многих других научных дисциплин, видящих свою цель исключительно в обнаружении закономерностей... В науках, которые наряду с обобщением преследуют цели описания, фактический материал играет особую роль, иную, чем в чисто теоретических дисциплинах. Последние используют фактические данные лишь в качестве подспорья для обобщения. Эти науки проходят стадию накопления эмпирического материала, но целью их всегда остается установление закона, и когда это достигнуто, эмпирический материал отходит на задний план. Историческое исследование также начинается со сбора фактов... Вместе с тем исторический факт — это не только материал для обобщения, это не просто пример, иллюстрирующий действие общественного закона, который можно опустить или заменить другим. Историческое обобщение не снимает факта»².

Еще раз: задачей истории является и описание фактов, и их обобщение, то есть выведение законов.

Специфика исторических законов. В одной из книг аргентинского ученого Марио Бунге есть слова: «Теперь я обращусь к щекотливой проблеме общественно-исторических законов»³. Щекотливость проблемы исторических законов заключается в сомнительности их существования. Горьковский персонаж Клим Самгин для успокоения нечистой совести задавал себе вопрос: «А был ли мальчик?» Но у историков действительно нет единого мнения относительно наличия «мальчика» — исторических законов.

51

Закон может быть установлен на основе повторяющихся явлений. Например, И. Ньютон открыл закон тяготения, наблюдая многократные падения предметов (басня об упавшем ему на голову яблоке, якобы подсказавшем закон, басней и является). Но история изучает единичные,

¹ Гулыга А. В. О характере исторического знания // Вопр. философии. 1962. №9. С. 35—36.

² Там же.

³ Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке: Пер. с англ. М., 1962. С. 299.

неповторяющиеся явления — и, стало быть, выводить законы как будто не в состоянии.

Рассматривая «деликатный» вопрос, признавал ли Н. И. Кареев исторические законы, исследователь его творчества В. П. Золотарев приходит к выводу, что собственно исторический закон Кареев называл «химерой»¹, хотя признавал наличие социальных и психологических законов, откуда, мол, вытекает и признание маститым русским ученым закономерностей в истории². Как Кареев в конце XIX — начале XX века считал исторический закон «химерой», так и в начале XXI века решительно отвергает существование исторических законов В. Ф. Коломийцев³.

Однако категорическое и безусловное отрицание возможного наличия исторических законов представляется неправильным.

Диалектика вопроса такова, что у изучаемых историей единичных и неповторимых явлений прошлого имеются какие-то сходные черты, которые выступают своеобразным общим знаменателем или могут быть как бы вынесены за скобки. Скажем, неповторимые Пушкин, Байрон, Гёте — поэты. Монтеспань, Помпадур, менее известная приближенная баварского короля накануне 1848 года Лола Монтес, Григорий Распутин — фавориты. Наличие властных фаворитов, некомпетентность и самодурство которых влияло на государственные дела, — свидетельство кризиса верхов.

52

Хотя индивидуальный облик событий в разных странах в разное время неповторим, но кризис верхов, невозможность верхов управлять и нежелание низов жить по-старому, резкое ухудшение положения низов и рост их активности — предреволюционная закономерность (всякой революции предшествует революционная ситуация), установленная на базе обобщений.

Однако если возвести (пусть с натяжкой) эти закономерности в ранг законов, то необходимо одновременно признать, что они имеют свою весьма характерную и резко выраженную специфику. Какова же она, то есть в чем особенности исторических законов?

Основной особенностью исторических законов является их приблизительность. Любой закон осуществляется лишь приблизительно, как господствующая тенденция. Руководствуясь им, можно предсказать только общее направление общественного процесса в будущем, но нельзя точно определить, когда именно произойдет событие и какова будет его индивидуальная физиономия⁴.

Причины этой приблизительности хорошо объяснил Ф. Энгельс (в

¹ См. мысли Кареева об отсутствии исторических законов и наличии лишь некоторых закономерностей в его мемуарах «Прожитое и пережитое» (Л., 1990. С. 289 и след.).

² Золотарев В. П. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 190. Рец. на кн.: Сафонов Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.

³ Коломийцев В. Ф. Методология истории. М., 2001. С. 157.

⁴ Поясним примером. Если бур у геологов проходит через определенные пласты земной коры, то мы можем установить определенную закономерность: пласт данного вида будет пройден с такой-то скоростью; скорость проведения неизбежных грядущих реформ (тем более революций) предсказать невозможно.

письме об историческом материализме к Блоху), сравнивая законы истории с естественными, природными. В природе, вне общества, действуют слепые, бессознательные силы. Люди же, наделенные сознанием и волей, действуют целеустремленно. Они ставят перед собой определенные задачи и стараются осуществить их. Поэтому закономерность в обществе пробивается как равнодействующая множества поступков разных людей или множества разных «воль».

4. Релятивность исторического познания

Гносеологический оптимизм XIX века. «Золотому» XIX веку с его бурным научно-техническим прогрессом и отсутствием мировых социальных катаклизмов присущ был и «познавательный оптимизм» — вера в безграничные мыслительные возможности человека, в том числе и исследователя-историка.

53

Эта вера была присуща также К. Марксу и В. И. Ленину. Пафос главного философского произведения Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм» — заключался в критике релятивизма, который рассматривался как веха к агностицизму.

Эти самоуверенные антирелятивистские установки были догматически и безоговорочно восприняты советской исторической наукой и царили до перестройки. Они ощущаются даже в дефиниции из Философского энциклопедического словаря (М., 1983): «Релятивизм (от лат. *relativus* — относительный), методологический принцип, состоящий в метафизич. абсолютизации относительности и условности содержания познания»¹.

Поворот к признанию релятивности истории. Тезис об относительности исторического знания был выдвинут Дройзеном, развит Дильтеем и особенно неокантианцами.

Неокантианцы отвергли основополагающий тезис позитивистов о единстве естественного и исторического знания и показали специфику знания собственно исторического. Пик релятивистских представлений был достигнут в первые десятилетия XX века, когда американцы К. Беккер и Ч. Бирд провозгласили принципиальную невозможность объективно истинного знания в истории. По обоснованному высказыванию Б. Г. Могильницкого, «эта релятивизация научного знания в XX веке в значительной мере прошла мимо марксизма»².

Признание релятивности решающим образом связано в отечественной

¹ Впрочем, и скептиков всегда хватало. В. В. Вересаев, учившийся в конце XIX в. на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, рассказывает о лекциях эрудита-античника с феноменальной памятью профессора Ф. Ф. Соколова, который сообщал студентам множество зачастую друг с другом не связанных фактов и цинично завершал: «Вы теперь сами видите: никто ничего не может рассказать достоверного про плебеев» (Вересаев В. В. Воспоминания. М.; Л., 1946. С. 210—211).

науке с появившейся уже в постперестроечное время и цитированной выше статьей Б. Г. Могильницкого «Историческая наука и проблемы гносеологии», пафос которой — в отказе от марксистского и всякого иного «гносеологического оптимизма».

54

Видный отечественный историк А. Я. Гуревич писал: «Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано»¹.

Ныне, кажется, никто не сомневается, что труд историка, по большому счету, это жалкий обедненный сколок огромной, многоплановой и яркой реальной жизни, свершавшейся в прошлом, и, кажется, все согласны с Федором Тютчевым:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Причины релятивности исторического знания. Релятивность знаний о прошлом объясняется, прежде всего, зависимостью историка от источниковой базы: когда источников мало, фрагментарность чрезвычайно затрудняет восстановление из дошедших до нас осколков и черепков общей картины. Когда же источников много, возникает другая трудность: трудность отбора, которая при отсутствии четких критериев значимости источников может привести к произволу. На ограниченность исторических знаний влияет и невозможность использования историком эксперимента. Чрезвычайно искажают достоверную картину прошлого конъюктура и пропаганда.

Главные причины релятивности исторического знания кратко и чеканно суммировал отечественный философ А. И. Ракилов: «Исследование исторической истины осложняется тремя обстоятельствами: неполнотой информации о прошлом, невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым, тесной связью исторического познания с идеологией»².

55

Понять релятивизм описаний историков-исследователей помогают их

² Могильницкий Б. Г. Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 711.

¹ Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 84.

² Ракилов А. И. Историческое познание. М., 1982. С. 84.

собственные иронические сравнения: видение прошлого историком сужено до:

— обзора зашоренной лошади (как известно, шоры — наглазники, мешающие лошади смотреть в стороны), — кругозора телеграфистки в клетке (в новелле Генри Джеймса «В клетке» запертая в своей будке телеграфистка лишь по отрывкам получаемой и передаваемой ею информации может в какой-то степени понять события окружающего мира),

— взгляда моряка, наблюдающего мир в перископ подводной лодки (А. Тойнби).

Не менее убедительно ироничное сравнение английского ученого Э. Карра, которому историк-исследователь напоминает рыбака, добывающего нужную ему рыбу (исторические факты)¹ и — добавим от себя — готовящего ее с помощью соусов и приправ (трактовка фактов).

Подведем итоги сегодняшнего разговора об особенностях исторического познания.

1. Историческое познание весьма сложно.
2. Ненаблюдаемое и экспериментально невозпроизводимое прошлое может быть восстановлено лишь опосредованно — через источники. Их неполнота и различные трактовки значительно сужают возможность реконструкции. Достоверность реконструкции проверяется с помощью новых источников.
3. В завершеном историческом исследовании описание решительно преобладает над обобщением, исторические законы, наличие которых признается не всеми, существуют в сугубо приблизительном виде.
4. С трудом добытые историком-исследователем знания релятивны и дают картину обедненную — менее полную и яркую, чем реальная жизнь в прошлом.

Мы рассмотрим историческое познание подробнее в последующих лекциях, прежде всего в ближайших, которые будут посвящены историческому факту и источниковедению.

¹ Carr E. H. What is History? L.; N. Y., 1971. P. 23.

Лекция пятая ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

План

1. Понятие и особенности исторического факта.
2. Познавательная природа исторического факта.
3. Типология исторических фактов.

Литература

Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. 1976. № 6.

Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности: (Логические заметки) // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? // Там же.

Дорошенко Н. М. Проблема факта в историческом познании. Л., 1968.

Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973.

Сапов В. И. Исторический факт // Вопр. истории. 1973. № 6.

Значение темы. Факты — исходный пункт любой науки, первичный элемент исследования. С рассмотрения фактов начинает работу всякий ученый. Анализ фактов приводит его к созданию концепций, теорий, законов. Обращаясь к молодым ученым, академик И. П. Павлов говорил: «Факты — воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши "теории" — пустые потуги»¹.

59

Сказанное Павловым относится и к историческим фактам — фундаменту всего здания исторической науки. Понимание истории без исторического факта так же невозможно, как, скажем, понимание физики без атома.

Литература об историческом факте очень велика. О нем написаны десятки статей или глав в общих трудах. Их авторы среди отечественных ученых — М. А. Барг, В. С. Библер, О. Л. Вайнштейн, А. Я. Гуревич, Н. М. Дорошенко, В. А. Дьяков, М. М. Жуков, Г. М. Иванов, А. Ф. Килупов, И. Д. Ковальченко, В. Ф. Коломийцев, И. С. Кон, В. В. Косолапов, Л. С. Мерзон, И. Д. Парфенов, В. М. Подосетник, В. И. Салов, С. Л. Утченко, В. А. Ядов и др. Из зарубежных авторов, писавших об историческом факте, наиболее известны К. Л. Беккер (США), Э. Х. Карр (Англия), Ц. Бобиньска и Е. Топольски (Польша) и др.

¹ Павлов И. П. Письмо к молодежи // Избр. произведения. М., 1949. С. 19.

«Острый интерес к проблеме исторического факта никогда не угасал, и поныне эта проблема по-прежнему остается эпицентром "подземных" толчков в методологии и гносеологии истории, чем и объясняется злободневность ведущихся вокруг неё споров»¹.

Вот почему тема «Исторический факт» в курсе методологии истории имеет принципиально важное значение. Проблема исторического факта, видимо, центральная в теоретических основах исторической науки.

1. Понятие и особенности исторического факта

Понятие факта. Слово «факт» — латинского происхождения. Латинский глагол *facere* означает «делать», причастие *factum* переводится на русский язык как «сделанное». Слово «факт» («фактум») вошло во все языки, и только немцы, также применяя его, создали и синоним-эквивалент *Tatsache*.

В общих словарях факт разъясняется как нечто реальное, достоверное, действительно имевшее место, на чем можно основываться.

60

Любая наука рассматривает всякий факт, факт вообще в двух смыслах: 1) для обозначения «эмпирических фактов», то есть фактов, относящихся к объективной реальности, или действительности, 2) для обозначения «научных фактов», то есть элементов знания, с помощью которых объективная реальность описывается (факт-реальность и факт — описание реальности).

Понятие исторического факта также включает оба этих значения: 1) реального события прошлого — фрагмента прошлой жизни, 2) отражения этой реальной действительности в труде историка.

Современный методолог дает историческому факту следующую дефиницию: «Исторический факт можно определить как сведения, почерпнутые из достоверного источника и подвергшиеся истолкованию, а именно установлению причинно-следственных связей. Имея, таким образом, двойственную природу, исторический факт никогда не может быть тождественным источнику»². Обладая такими же двумя сторонами, что и всякие иные факты, исторический факт имеет свои особенности, и каждая из них влияет на специфику исторического исследования — как говорят, «имеет выход в практику». Обратимся далее к этим особенностям.

Социальная значимость. Историческим фактом может быть не каждый из бесконечного множества фактов прошлого, а лишь социально значимое явление в истории общества или отдельного лица, то есть сыгравшее значительную роль в истории и наложившее свой отпечаток на ее последующее развитие (Герострат если и получил известность, то, может

¹ Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977. С. 151.

² Коломийцев В. Ф. Методология истории. М., 2001. С. 40.

быть, из-за «приоритета», но не всякий поджигатель — историческая личность).

Как определить, какие факты прошлого социально значимы и могут получить «пропуск в историю»? Скажем, вправе ли претендовать на такой пропуск взаимоотношения царицы Александры Федоровны и Григория Распутина?

Определение социальной значимости факта прошлого — задача сложная.

61

Она зависит от характера времени и условий деятельности исследователя, от уровня развития исторической науки, профессионализма историка, его моральных качеств и других факторов.

В Средние века «пропуск в историю» имели лишь упоминавшиеся в Библии народы. Долгое время в истории царил европоцентризм. До XVIII века историки считали заслуживающими внимания только политические факты, то есть те, что были связаны с деятельностью носителей власти — королей, их министров, полководцев, придворных, а факты, отражавшие жизнь и борьбу народных масс, игнорировались, как и экономика, умственная жизнь, быт и нравы. Еще в XVIII веке историки зачастую отбирали для повествования преимущественно те факты, с помощью которых можно было поучать и развлекать читателей. Очевидно, что с тех пор критерии определения значимости фактов прошлого изменились.

Во всяком случае, из этой особенности исторического факта вытекает проблема отбора фактического материала: уже в самом начале исторического исследования ученый историк должен искать, находить, выделять исторические факты из беспредельного множества фактов прошлого.

Взаимосвязь с другими фактами. Даже социально значимый факт может считаться историческим лишь во взаимосвязи с другими фактами: выхваченный из контекста, даже социально значимый факт историческим не является. «...Некий факт становится историческим в его связях, в его отношении к другим фактам. Вне связей нет ни фактов истории, ни самой истории»¹.

62

Вне связи с другими фактами не определить, являлась ли длина носа египетской царицы Клеопатры или глубина вхождения английского штыка в грудь артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта под Тулоном в 1793 году историческим фактом.

¹ Утченко С. Л. Глазами историка. М., 1966. С. 160. Автор считает, что даже «утверждения типа "Цезарь был убит 15 марта 44г. н.э.", "Французская революция произошла в 1789 г.", в том случае, если не сказано ни слова о том, что предшествовало этим событиям и что последовало за ними (в результате этих событий), не могут еще быть расценены как утверждения об исторических фактах. Это лишь констатация фактов как таковых...» (Там же).

Вне связи с другими фактами также не определить, являлись ли историческими фактами третьестепенные события, повлиявшие на поведение и характер голосования о судьбе Людовика XVI (в январе 1793 года после долгих и бурных 37-часовых прений при поименном голосовании в Национальном конвенте из 721 присутствовавшего депутата 361 депутат голосовал за смертную казнь) или о принятии Третьей республики (как будто и здесь судьба строя была решена «случайным» большинством в 1 голос: обычно голосовавший с монархистами, но обидевшийся на их лидера герцога де Брольи нотариус Сенар дал республиканцам перевес — 353 голоса против 352).

Исторический факт, выдернутый из совокупности фактов, превращается в не имеющий значения «фактик», в не имеющий силы доказательства пример. Непременным условием научности исследования является анализ всей совокупности относящихся к данному вопросу фактов. «Факты, если взять их в целом, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем похуже. <...> Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится "субъективная" стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹.

63

Существуют две основные категории объективных связей между фактами: 1) **пространственно-временные** — всё, происходящее в мире, может иметь место только во времени и пространстве, 2) **причинные**, которые далеко не всегда лежат на поверхности, которые мы ищем и открываем, — без них мы имели бы хаотический набор фактов, но не историческую науку.

Выход в практику исторического исследования, вытекающий из этой особенности исторических фактов: иллюстративный метод («например») в исследовании противопоказан («пример — не доказательство»); исследователь обязан отобрать максимальное количество исторических фактов, в идеале — все исторические факты, выяснив характер связей между ними. Поскольку этот идеал на практике редко достигим, встаёт вопрос, когда допустимо прекращение сбора фактов, ответ на который может быть следующим: когда исследователь пришел к определенным выводам и видит, что новые факты этот вывод лишь подтверждают.

¹ Ленин В. И. Статистика и социология // Поли. собр. соч. Т. 30. С 350—351.

Опосредованность изучения факта. Чрезвычайно важной особенностью реального изучения исторического факта (факта-события, эмпирического факта) является то, что в подавляющем большинстве случаев историк не может его наблюдать и не может восстановить в эксперименте, — исторический факт может быть изучен и описан лишь опосредованно, через источник. Отсюда следует, что исторический факт имеет не только отмеченные выше два смысла (факт-событие, эмпирический факт, реальный факт прошлой жизни — и научный факт, факт-исследование, описание реального факта в исследовании), но и еще один, как сказать промежуточный, смысл: факт-источник.

Эта особенность исторического факта имеет для практики исторического исследования совершенно исключительное значение, поэтому несколько далее мы остановимся на ней особо.

Самодовлеющее значение факта. Особенностью исторического факта является и то, что он имеет в науке, в известной мере, самостоятельное, самодовлеющее значение. «Историк изучает законы и в равной степени факты»¹.

64

Этим его труд отличается от деятельности представителей многих научных дисциплин, видящих свою цель преимущественно в обнаружении закономерностей. В науках, которые наряду с обобщением преследуют цели описания, фактический материал играет особую роль, иную, чем в обобщающих дисциплинах. Последние используют фактические данные лишь в качестве подспорья для обобщения. Эти науки проходят стадию накопления эмпирического материала, но целью их всегда остается установление закона, и, когда это достигнуто, эмпирический материал отходит на задний план.

В истории этого не происходит. Исторический факт — это не только материал для обобщения, это не просто пример, иллюстрирующий действие общественного закона, который можно опустить или заменить другим. Историческое обобщение не снимает факта. В этом смысле факты в истории имеют самодовлеющее значение»².

Так, знаменитое дело об «ожерелье королевы» — не только сырье для выведения закономерности о финансовом кризисе как составной части революционной ситуации; взаимоотношения Людовика XVI, Марии-Антуанетты и кардинала Рогана интересны для историка Французской революции и сами по себе.

Выход в практику из этой особенности исторического факта —

¹ С этой фразой из цитаты А. В. Гулыги, в отличие от смысла цитаты в целом, нельзя согласиться. **История, прежде всего описательная дисциплина**, она, конечно, и обобщает, но закономерности для нее — отнюдь не «в равной степени»; само существование исторических законов сомнительно, а если они и существуют, то носят сугубо приблизительный характер, о чем выше уже говорилось (см. лекцию «Особенности исторического познания»).

² Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 21—22.

повышенный интерес к нему историка в любом случае, даже если он не играет первостепенной роли в выведении закономерности.

Неповторимость исторического факта. Исторический факт единичен, индивидуален и неповторим, но в то же время у него имеются общие черты с некоторыми другими историческими фактами. Именно благодаря этому диалектическому единству единичного и общего в исторических фактах историк может и описывать, и обобщать, выводя закономерности.

65

Это общее является их своеобразным общим знаменателем, его можно как бы вынести за скобки.

Так, уже упоминавшийся кризис верхов имеет свои особенности во время революционных ситуаций в разных странах, но везде ему присущи финансовые невзгоды и пустая государственная казна, падение правительственного авторитета, анекдоты о носителях власти и т. п.

Сочетание у единичных исторических фактов индивидуального и общего является предпосылкой выведения исторических закономерностей и позволяет истории претендовать на звание науки и являться ею.

Неповторимость исторического факта. Исторический факт потенциально неисчерпаем. М. В. Нечкина писала, что «факт неисчерпаем как атом, ибо он имеет бесконечное количество качеств, свойств, сторон, взаимоотношений»¹. Потенциальная неисчерпаемость исторического факта объясняется следующими обстоятельствами:

1) его разложимостью, которая означает, что даже самый простой факт может быть разложен на ряд еще более простых. Например, простой факт «Убийство Авраама Линкольна в Вашингтоне 14 апреля 1865 г.» может быть разложен на составляющие: Линкольн приезжает в театр — он занимает ложу рядом со сценой — в соседнюю ложу пробирается ставленник и агент южан актер Бутс — он стреляет в президента, затем спрыгивает на сцену, пытаясь скрыться — смертельно раненного президента увозят в больницу, где он умирает и т. д.;

2) наличием у него таких сторон и элементов, которые, не будучи замеченными современниками, обращают на себя внимание потомков;

3) успехами источниковедения, методики исторического исследования и других наук.

Приведем пример. Президент Джон Кеннеди был убит 22 ноября 1963 года в Далласе. Общеизвестно, что уже сейчас удалось разложить этот печальный исторический факт на многие составные. Известно и то, что в должной мере, до конца этот трагический исторический факт еще не исчерпан — не познан.

66

¹ Вопр. истории. 1980. № 5. С. 190.

Мы надеемся, однако, что со временем он будет разложен на более простые; что потомки обратят внимание на обстоятельства, мимо которых прошли современники; что возникнут новые методы исторического исследования, которые позволят более полно исчерпать — познать — этот исторический факт.

«Молчаливость» исторического факта. Исторический факт является источником (единицей) информации, но сам по себе он «молчит» — до тех пор, пока исследователь не извлечет из него информацию с помощью вопросов о его происхождении и содержании. Среди этих вопросов: кем, где, когда, в какой обстановке (условиях), почему и с какой целью предпринято данное действие? Каждый из заданных вопросов, в свою очередь, может уточняться, например, «кем?» — это не только имя исторического персонажа, но и его происхождение, социальная, национальная, семейная и иная принадлежность, образование, рабочий стаж и т. и.

Частный и тривиальный, казалось бы, вывод: необходимость высокого профессионального уровня исследователя.

Неполнота содержащейся в факте информации. Даже при умелой и квалифицированной постановке вышеобозначенных вопросов исторический факт дает нам не полную, а частичную, относительную информацию о прошлом. Н. И. Кареев раскрывает эту относительность в следующем рассуждении: «Обозначим исторический факт как сумму отдельных элементов: a, b, c, d, e, f, g, h, выразим его формулой $a + b + c + d + e + f + g + h$, а затем представим себе, что о некоторых слагаемых, например a, d, f, g, у нас нет никаких данных, а о некоторых других есть лишь отрывочные данные; тогда все наше знание о факте выразится, положим, такой формулой: $b + c / 2 + e / 3 + h$. Конечно, такое знание не будет полным, явится знанием со множеством пробелов, которые историк-художник или исторический романист восполнит работой своего воображения, а историк-ученый или мыслитель постарается восполнить путем логических рассуждений»¹.

67

2. Познавательная природа исторического факта

Три облика исторического факта. Как уже отмечалось, одной из особенностей исторического факта является наличие у него трех (а не двух, как в других науках) сторон, обликов, ипостасей — он предстает перед нами в трех разновидностях:

— факт-событие, эмпирический факт, реальный факт объективная реальность, существовавшая в прошлом вне и независимо от нашего сознания;

— факт-источник — отражение в источнике реально существовавшего

¹ Цит. по: Коломийцев В. Ф. Указ. соч. С. 44.

объективного факта, но с гримом субъективности автора источника;

— факт-исследование, научный факт — отражение в исследовательском труде, через посредство источника, объективной реальности прошлого, но с гримом двойного субъективизма: автора источника и автора исследования.

68

Практические следствия. Диалектика познания исторического факта такова, что, с одной стороны, непосредственно наблюдать его невозможно, но, с другой стороны, точному познанию реального события прошлого мешает субъективность автора источника, которая затем еще усиливается субъективностью автора исследования.

Для лучшего понимания сказанного представляются допустимыми следующие сравнения:

— врач, стремящийся выяснить состояние пришедшего на прием пациента, должен увидеть его в натуральном виде, без одежды, и предлагает ему раздеться («голый факт»). Привнесенная в факт-событие субъективность, и даже двойная субъективность, подобно одежде на пациенте, не дает увидеть факт в его первоначальном состоянии, освободиться же от этой субъективности нелегко;

— «Историк, пробиваясь к истине, буквально снимает слои интерпретаций, ставших традицией (подобно тому, как реставратор удаляет с оригинала поздние подмалевки)»¹;

— историк подобен кулинару-рыболобу, который сначала добывает нужную ему рыбу (факты), а затем prepares блюда, используя нравящиеся ему способы, соусы и подливы (трактует факты)².

Попытки создания четвертой ипостаси — «исторический факт в художественной литературе» — некорректны: такой факт в подавляющем большинстве случаев не был бы историческим вследствие права литератора на вымысел и специфики отражения им действительности, в том числе прошлой действительности, в образах (вспомним суждение М. Горького о воплощении в литературном образе попа личных черт сотни виденных им попов или пафосное утверждение К. Паустовского о более убедительном изображении литературного персонажа, «озаренного слабым сиянием вымысла»).

69

Выход в практику этих как будто абстрактных рассуждений очевиден.

¹ Гулыга Л. В. Указ. соч. С. 17.

² «Факты вовсе не подобны рыбе на столе торговца. Они подобны рыбам, плавающим в просторном и подчас недоступном океане; и что историк поймает, будет зависеть частью от случая, но преимущественно от того, какую часть океана он выберет для рыбной ловли и какую снасть он использует — эти два фактора, конечно, определяются тем, какого рода рыбу он хочет поймать. Вообще говоря, историк поймает ту рыбу, какую он хочет поймать. История означает интерпретацию» (Car E. H. What is History? L.; N. Y., 1971. P. 23).

Соображения о познавательной природе исторического факта, о «гриме», «двойном гриме» и «подмалевках», которые вынужден снимать историк-исследователь, или, используя образ Д. Тоша, о «катаракте», ликвидируемой хирургом-окулистом, — популярно изложенная важнейшая часть теоретической базы исторической критики, которая лежит в основе исторического метода.

Еще раз: изучение исторического факта в трех его ипостасях в теоретическом аспекте необходимо для последующего практического исследования прошлого. Поэтому едва ли можно согласиться с утверждением академика Е. М. Жукова, будто «существует тенденция к искусственному усложнению проблемы исторического факта»¹. Дело не в нарочитом усложнении вопроса об историческом факте методологами, а в сложности процесса исторического познания.

3. Типология исторических фактов

В каждой науке существует огромное количество фактов, и для удобства и результативности изучения их обобщают, группируют, классифицируют. В исторической науке факты типологизируют. В литературе об историческом факте, насколько мне известно, приемлемую типологизацию дал томский ученый Г. М. Иванов².

70

Он обоснованно, на мой взгляд, выделил 3 типа исторических фактов, положив в основу деления следующие признаки: содержание, структуру, значение (значимость). Попытка изображения типологизации Иванова может выглядеть следующим образом:

По содержанию:

- Экономические
- Политические
- Идеологические

По структуре:

- Простые
- Сложные

По значению:

- Существенные
- Несущественные

¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 208. Далее автор пишет: «Нам не представляется, однако, целесообразным бесконечно усложнять понятие исторического факта» (Там же. С. 211).

² Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973. С. 209—219.

Факты по содержанию. Исторические факты, объединяемые по признаку содержания, могут быть: экономическими (производство амфор в Древней Греции, торгово-промышленный кризис в Европе в 1847 году), политическими (революции, государственные перевороты, войны), идеологическими (подготовка умов к свержению феодально-абсолютистского строя во Франции, общественная психология и джингоизм в Великобритании во время войны с бурами).

Историки-марксисты уделяли особое внимание, экономическим факторам, а позитивист Г. Т. Бокль, формально признавая множественность причин прогресса, приоритетную роль отводил умственному развитию.

Факты по структуре. По структуре различаются исторические факты простые и сложные.

71

Простой факт тесно привязан к определенному месту и времени (битва при Марафоне в 490 году до н. э., открытие Колумбом Америки в 1492 году, изобретение Кэем «летучего челнока» в 1733 году). Сложный факт — и это сразу бросается в глаза — состоит из многих простых фактов, часто представляет собой длительный процесс с нечеткой локальной и временной определенностью (греко-персидские войны, Великие географические открытия, промышленная революция в Англии).

Конечно, структурное членение исторических фактов на простые и сложные относительно и условно, непреходимой границы между ними нет, простой факт может быть разложен на еще более простые.

Факты по значению. По степени значимости исторические факты можно разделить на существенные и несущественные. Конечно, разница между ними приблизительна и относительна, дать определение тем и другим сложно. Все согласны, что изобретение Кэем ткацкого челнока в 1733 году было в системе промышленного переворота в Англии существенным фактом, но уже насморг Наполеона в день Бородина в системе наполеоновских войн встречает разные трактовки, особенно у французских и российских историков.

Г. М. Иванов определяет различие исторических фактов по значению следующим образом: «Существенные исторические факты являются, как правило, реконструкциями тех событий, которые наиболее полно и ярко выразили закономерности данной области общественного развития, сконцентрировали в себе своеобразные и типические черты изучаемой эпохи и оказали значительное влияние на ход последующих событий. Наоборот, несущественные исторические факты — это реконструкция сравнительно незначительных событий, сыгравших второстепенную роль в данном историческом процессе и не оставивших глубокого следа в последующем его развитии»¹.

¹ Иванов Г. М. Указ. соч. С. 216—217.

Существует ли объективный критерий отнесения исторических фактов к существенным либо к несущественным? Очевидно, надлежит исходить из места, которое занимает данный факт в становлении и развитии формации, цивилизации, эпохи, уклада, производительных сил, данных общественных отношений и т. д. Затем при выяснении степени значимости факта определенное влияние оказывает предмет исследования и даже аспект его.

72

Очень многое зависит от самого исследователя: его мировоззрения, теоретической основы, профессионального мастерства.

Один и тот же исторический факт может быть существенным в одной связи, в одном отношении и несущественным в другой связи, в другом отношении. Например, освобождение в результате танкового броска Праги ¹ мая 1945 года было существенным историческим фактом с точки зрения судеб Чехословакии и установления в ней определенного строя, хотя несущественным с точки зрения окончания Второй мировой войны, исход которой был уже решен.

Кроме того, «в процессе исторического развития степень значимости того или иного исследуемого историком явления меняется: не играя первоначально существенной роли, оно может впоследствии оказывать значительное влияние на ход истории и, наоборот, являясь первоначально существенным моментом в развитии, оно впоследствии может играть лишь второстепенную роль в истории. Это обстоятельство особенно важно иметь в виду при анализе переходных периодов в развитии истории, когда происходит зарождение новых и ломка, отмирание старых общественных отношений» ².

В заключение приглашаю вас сопоставить предыдущую лекцию («Особенности исторического познания») с сегодняшней («Исторический факт»).

Не кажется ли вам, что темы обеих лекций очень близки и тесно взаимосвязаны, только анализ исторического познания осуществлен на разных уровнях: макро- и микро-?

М. В. Нечкина сравнила роль исторического факта с ролью атома в физике. Ее сопоставление можно продолжить. Исторический факт — что клетка в биологии, слово в лингвистике, кирпич в строительстве.

73

Как биологию можно изучать на уровне целых живых организмов — и

¹ Там же. С. 217.

² Там же. С. 217.

на уровне отдельной клетки, так историческое познание мы рассмотрели сначала на общем уровне, а сегодня присмотрелись к нему на уровне отдельного исторического факта.

Теория исторического факта имеет в методологии истории основополагающее значение, так как разъясняет гносеологическую природу исторической критики — главного метода исторической науки. Выход теории в практику исторического исследования здесь особенно нагляден.

Лекция шестая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ ВСЕХ ВИДОВ

План

1. Историческая критика (критика).
2. Этапы исторической критики.
3. Отцы-родоначальники исторической критики.
4. Методы искажения и восстановления исторической правды.

Литература

- Биск И. Я. История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983.
Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971.
Корников А. А. Теоретическое введение в источниковедение. Иваново, 2000.

1. Историческая критика (критика)

Понятие, термин. В прошлой лекции мы говорили о том, что источники являются сырьевой базой исторических исследований, без источников изучение прошлого невозможно. Но источники следует использовать критически. Что означает слово «критика»?

Историк должен отличать научное понимание этого слова от повседневно-бытового (которое особенно утвердилось у нас в сталинское время, когда пытались увидеть замену частной собственности как стимула к труду в «критике и самокритике движущих силах социалистического строя»).

77

В бытовом смысле критика — это отрицательные суждения о чем-то или о ком-то (вплоть до ругани). Так слово «критика» не надо понимать; а как его надо понимать? В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский бы ли критиками — значит, они ругали русских и иных писателей, чьи произведения рассматривали? Нет, они по-другому понимали этот термин и, соответственно, свои задачи как литературных критиков.

Белинский писал: «...критика получила в глазах массы превратное понятие: критиковать — для многих значит ругать... Понимать таким образом критику все равно, что правосудие смешивать только с обвинением

и карою, забывая об оправдании»¹.

У Чернышевского читаем: «Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-либо литературного произведения»².

Слово «критика» происходит от греческого *kritikē* — «судить» и означает суждение. Историческая критика — это суждение об источнике: выяснение его достоверности, его положительных и отрицательных сторон, его общей ценности, иными словами — источниковедческий анализ, короче — анализ. Критика источника — это анализ источника.

Историческая критика — главный и основополагающий метод источниковедения и всей исторической науки.

Кажущаяся простота исторической критики. Иногда вынести суждение об источнике просто — с позиции элементарной логики это может сделать любой здравомыслящий человек, но чаще суждение в состоянии осуществить лишь историк-профессионал. Приведем, соответственно, два примера.

15 октября 1987 года в «Известиях» была опубликована корреспонденция собкора из Троицко-Печорска Коми АССР П. Новокшенова «Клюнули... на щуку» следующего содержания. Весной того года районная газета «Заря» сообщила: охотничья лайка по прозвищу Туман была целиком проглочена обитавшей в р. Печора щукой, но щука попалась в невод, из пасти ее торчал собачий хвост, и когда ей вспороли брюхо, из него выскочил живой здоровый Туман и принялся облаивать свою обидчицу.

78

Об этой почти библейской истории затем рассказали другие газеты, радио, телевидение. Как выяснил собкор «Известий», направившийся к подножию седого Урала, «первоисточником» этой истории был словоохотливый пенсионер Василий Васильевич Попов из Троицко-Печорска, который сам ничего не видел, но слышал об этом от рыбаков по возвращении с войны в 1945 году.

Если критика этого газетного сообщения элементарно проста, то гораздо сложнее анализ описания О. Кромвеля современником (другом или врагом?): «Он был очень скромно одет в простой суконный костюм, который был, по всей видимости, сшит плохим деревенским портным, в простом белье, притом не очень чистом... Он был довольно высокого роста; шпага его плотно прилегала к боку, лицо его было одутловатое и красное, голос резкий и некрасивый, но его речь была полна пыла»³.

Требуются определенные знания для выяснения авторства: характеристика принадлежит роялисту, и она негативна.

Сомнение как исходный момент исторической критики. Во всех науках сомнение является важнейшей формой познания объективной

¹ Цит. по: Русские писатели о литературном труде: В 4 т. Л., 1954. Т. 1. С. 705.

² Там же. Л., 1955. Т. 2. С. 207.

³ Цит. по: Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1950. С. 113.

истины. Без сомнения немислим творческий поиск в науке. Известный физик Р. Фейман неоднократно подчеркивал необходимость сомнения в научном творчестве. По его мнению, либо мы оставим открытой дверь нашему сомнению, либо никакого научного прогресса не будет: «Нет познания без вопроса, нет вопроса без сомнения»¹. Французский ученый Ги Докуа утверждал: «История — это постоянное сомнение»². Девиз Маркса-исследователя гласил: «*De omnibus dubitandum!*» («Подвергай все сомнению!»).

Сомнение — «катализатор мысли», всякой мысли, в том числе исторической. (Разумеется, речь идет о продуктивном, творческом, созидательном сомнении, — нормальному человеку не пристало сомневаться в аксиомах и уподобляться чеховскому учителю словесности Ипполиту Ипполитычу.)

79

Г. Т. Бокль поет гимн сомнению и скептицизму, которые являются предпосылкой «умственного прогресса». Они приходят на смену слепой вере и порождают дух поисков. Бокль подробно прослеживает, как скептицизм породил религиозную терпимость религия основана на слепой вере и не выдерживает аргументов разума. «...Без сомнения не может быть исследования, а без исследования не может быть знания... Кто не сознает темноты, тот не станет искать света... Пока не родилось сомнение, до тех пор не начинается и изучение. Итак, в акте сомнения начинается прогресс или, по крайней мере, он служит необходимым переходом ко всякому прогрессу... скептицизм... заставляет даже самые ленивые умы задать себе вопрос, действительно ли все так есть, как обыкновенно полагают, и все ли то в самом деле справедливо, чему с самого детства их учили верить»³.

«Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнение, он должен сам начинать с сомнения. Он никогда не должен забывать различия между свидетельством автора, каков бы он ни был, и научно установленной истиной»⁴.

Скептицизм родился в Древнем мире. В Средние века сомнение не было в чести: тому причиной было легковерие средневекового человека и его слепая вера в написанное, усиленные опасностью сомнения с инквизиционной перспективой.

В Средние века не анализировали Библию, а верили и не было базы для науки, в частности исторической науки. Критикуя религиозную нетерпимость, просветители-рационалисты XVIII века подвергли Книгу книг логическому анализу, усомнившись в состоятельности легенды о библейском потопе (Целых 40 дней и ночей лил ливень? Каких размеров должен был

¹ Цит. по: Соловьева Г. Г. О роли сомнения в познании. Алма-Ата, 1976. С. 7.

² Цит. по: Коломийцев В. Ф. Методология истории. М., 2000. С. 39—40.

³ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1866. Т. 1. С. 252—253. Очень интересна в 1-м томе вся глава 7.

⁴ Ланглуа, Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 126.

быть ковчег, чтобы вместить «всякой твари по паре»? Плюс корма на 40 суток? Сена на 40 суток можно было запастись, но как быть с хищниками — как это кошки не съели мышей, а львы — антилоп? И т. д.).

80

Но легковерны были не только люди Средневековья. Пушкин: «...я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как может это быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано!»¹

Склад ума историка. Итак, исходным моментом источниковедческого анализа является сомнение, недоверие, критичность, скептицизм. Историк, приступающий к чтению источника, должен начинать с недоверия к нему. «В источнике сказано нечто... Может быть, это так, а может быть, и нет... Почему сведения в источнике могли быть искажены?..» За годы учебы у историка должен выработаться недоверчивый, сомневающийся, критический, скептический склад ума. Если эти качества не станут органической составной частью работы мозга, исходной вехой мышления человека, значит — всё: историк из него не получился. Он может заниматься историей, получить диплом историка, помнить историю, преподавать ее другим, но он — лишь воспроизводящий механизм, запомнивший сумму фактов и из года в год повторяющий их. Он не историк, а граммофон, магнитофонная лента, попугай...

Наглядно-образное выяснение феномена. Один мой знакомый коллега, профессор-физик и хороший лектор (Гамбовский химико-технологический институт, 1970-е годы) любил и считал методически целесообразным разъяснять, закреплять и украшать сложные и подчас малопонятные теоретические категории с помощью общедоступных и легче воспринимаемых наглядно-графических и образно-литературных средств, включая яркие цитаты. Он использовал такие средства в своих лекциях и книгах и называл их «обрамлением» (как рама для художественного полотна, постамент для скульптуры).

Конечно, нелегко найти адекватное — совершенно точное — отражение научных постулатов в простом чертеже или в образном сравнении, но, думается, достоинства такого «обрамления» превосходят его возможные недостатки.

81

Приведу два «обрамления» для лучшего восприятия феномена исторической критики.

Первый пример. Прошлое находится в законном пространстве, наблюдать которое можно только через окно (= через источник). Но в окне вместо стекла — искажающая призма: проходящие через нее лучи

¹ Цит. по: Русские писатели о литературном труде. Т. 1. С. 393.

преломляются, искажают за законное пространство и нуждаются в выпрямлении (= исторической критике) ¹.

Второй пример (он связан с тремя ипостасями исторического факта: факт-событие, факт-источник, факт-исследование).

Реальное эмпирическое событие прошлого в факте-источнике уже «загримировано» («текущий ремонт»), а в факте-исследовании на него наложен «двойной грим» («капитальный ремонт»). Чтобы увидеть это событие, с него надо снять весь грим (как с актера после спектакля, как с женщины после косметического кабинета, как позднейшие подмалевки с древней иконы), то есть надо подвергнуть 2-ю и 3-ю ипостаси исторического факта исторической критике.

Напомним еще одно сравнение, принадлежащее современному кембриджскому ученому: «Стремящийся к истине историк пытается снять катаракту, уподобляясь хирургу-окулисту...» ²

Эти грим, косметика, подмалевки, катаракта подобны одежде на больном, которую врач для диагностирования предлагает снять.

Вопросы к источнику. Овладение всеми источниками – тот идеал, к которому надо стремиться при невозможности его полного достижения, но обнаружение (нахождение) источника — полдела, надо уметь правильно его использовать: источник «молчит», а чтобы он «заговорил», надо к нему обратиться — умело, на профессиональном уровне задавать ему вопросы, помня, что он, подобно ребенку, «никогда не станет говорить с незнакомцем» ³.

82

2. Этапы исторической критики

Критика происхождения и критика содержания. Обычно в исторической критике различают две стороны: критику происхождения и критику содержания. Правда, некоторые источниковеды отрицают необходимость такого деления, подчас разные историки вкладывают в каждое из этих понятий не совсем одинаковое содержание. Но при всей нечеткости понятий и подвижности граней между ними без деления на критику происхождения и критику содержания при анализе источников трудно обойтись.

Критика происхождения имеет и другие названия, в какой-то мере помогающие понять ее сущность: «внешняя», «начальная», «предварительная», «подготовительная». Критика происхождения должна

¹ Это образное сопоставление восходит к высказыванию Л. Я. Гуревича: «Исторический источник... это не окно, через которое очень просто увидеть прошлое, а сложно-преломляющая призма, и если мы хотим ослабить эффект ее преломления, следует использовать целую систему источников» (Вопр. истории. 1992. № 8/9. С. 162).

² Тош Д. Стремление к истине. М., 2000. С. 30.

³ Тош Д. Стремление к истине. М., 2000. С. 84.

выявить: вид (тип) источника, его подлинность, оригинальность или копияность; автора источника, его социальное происхождение и положение, возраст, образование, партийность, национальность, личные симпатии и антипатии (бесстрастный автор источника, который «спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева», существовал лишь в воображении гениального поэта); время, место, условия создания, цель появления источника и т. п. Критика происхождения дает источнику общую характеристику и облегчает критику содержания.

Критика содержания («внутренняя критика») — главный элемент критического процесса. Ее цель: выяснить достоверность содержания источника или, иными словами, «распознать, что может быть принято за истину». Ее методы: «она проверяет отдельные свидетельские показания, контролирует одни другими и взаимно их взвешивает»¹.

83

Важнейшей задачей исторической критики является выяснение идейно-политической направленности источника. Этот постулат, однако, не следует вульгаризовать, действуя по принципу: источник из близкой нам среды — всегда достоверен, а источник из враждебной среды — всегда недостоверен.

В качестве общего правила можно считать, что источники, относящиеся к категории исторических остатков, более достоверны, чем принадлежащие к исторической традиции, однако и те и другие нуждаются в источниковедческом анализе.

3. Отцы-родоначальники исторической критики

Лоренцо Валла. Лоренцо Валла (1407—1457) был блестящим знатоком латыни и даже написал трактат «Шесть книг о красотах латинского языка», в котором ратовал за возвращение от испорченной, варварской средневековой латыни к латыни классической. Как и другие гуманисты, Валла был противником церкви, выступал против аскетизма как одного из начал средневековой церковной морали и проповедовал счастье и наслаждение в качестве цели жизни. Валла считал главными виновниками политической раздробленности Италии римских пап, претензии которых на светскую власть во времена Возрождения держались еще очень прочно.

Юридическим основанием таких претензий служила фальшивка, известная под названием «Константинов дар». Это была подложная грамота, сфабрикованная в папской канцелярии в VIII веке, согласно которой римский император Константин (306—337) будто бы предоставил папе Сильвестру I светскую власть над всей западной частью империи.

¹ Ланглуа, Сеньобос. Указ. соч. С. 113.

В трактате «Рассуждения о подложном и вымышленном дарении Константина» Валла убедительно доказал, что это подделка, которая не могла быть составлена в IV веке. Аргументы его анализа были таковы: 1) зачем бы Константин стал лишать себя половины владений; 2) упоминания о мнимом дарении не встречаются ни в каких других свидетельствах; 3) грамота была написана не на классической латыни, еще бывшей в ходу в IV веке, а на поздней варварской, и, следовательно, она написана позже и подложна. Дату составления фальшивки (VIII век) установили позднее.

Нас творчество Баллы интересует со стороны не антицерковной, а источниковедческой. Валла заложил основы источниковедческого анализа, хотя пройдут еще века, пока историческая критика станет широко применяться как важнейший метод исторического исследования.

Дальнейшее развитие источниковедческого анализа с конца XVIII века было связано с именами немецких университетских профессоров-античников Вольфа и Нибура, особенно же историка нового времени Л. Ранке.

Вольф и Нибур. Ф. А. Вольф (1759—1884) в своем «Введении к Гомеру» (1795) исследовал гомеровский эпос.

Поэмы Гомера историки использовали и ранее, но главным образом для заимствования исторических фактов. Вольф же исследовал сам источник, в частности выдвинул проблему его авторства. Он утверждал, что «Илиада» создана не одним человеком, а является записью фольклорных произведений, в которых греческий народ отразил свое старинное прошлое.

Идя, как и Вольф, по пути филологической критики, **Б. Г. Нибур** (1776—1831) исследовал произведения римского историка Тита Ливия и утверждал, что в их основе лежат народные сказания. Он доказывал, что историческое повествование невозможно без предшествующей оценки свидетелей, рассказывающих о прошлом, то есть без предварительной оценки авторов источников: их осведомленности, их симпатий и антипатий, способности к достоверной передаче событий.

Вольф и Нибур критически изучили конкретные источники по своим темам (Гомера, Тита Ливия). Каждый из них исследовал свои определенные источники ощупью, интуитивно. Правил, из которых должен был состоять критический метод, они не сформулировали. Поэтому сами они не могли применять этот метод систематически и всесторонне, тем более не могли сознательно и преднамеренно обучить ему других историков.

Творческий путь Ранке. Дальнейшее развитие источниковедческого анализа связано, прежде всего, с именем Ранке.

В жизни скромного учителя Леопольда Ранке (1795—1886), преподававшего историю и латинский язык в гимназии захолустного Франкфурта-на-Одере, неожиданно началось стремительное продвижение по

учебной, научной и социальной лестнице. Он оказался профессором и заведующим кафедрой Берлинского университета, членом Академии наук Пруссии, был возведен в дворянское достоинство, превратившись в Леопольда фон Ранке, стал воспитателем некоторых германских престолонаследников. Бисмарк даже сравнивал по полезности чтение произведений Ранке с изучением Библии. Этот взлет Ранке начался в 1824 году, когда он опубликовал свой первый труд «История германских и романских народов в 1494 – 1535 годах» с сопутствующим источниковедческим этюдом «К критике новейших историков», и продолжался до конца жизни — умер Ранке в апогее славы. Между тем взгляды Ранке были консервативны, лекторские данные посредственны. В чем же причины его феноменальной карьеры? Каковы его заслуги?

«**Метод Ранке**». Используя предшествующие достижения, в частности методы филологического анализа Вольфа и Нибура, Ранке разработал систему приемов анализа источников, которую современники стали называть «методом Ранке». Основы этого анализа содержались уже в этюде «К критике новейших историков» — фактически части его первого труда с рассказом об использованных при его написании источниках и способах их применения. Среди источников были произведения флорентийского политика Гвиччардини и римского мемуариста Джовио, живших в конце XV — начале XVI века. Примирить их свидетельства было невозможно ввиду большой противоречивости, и для установления исторической правды Ранке привлек показания других современников, облик которых предварительно выяснил, как бы подвергнув их «перекрестному допросу». Это и есть основа «метода Ранке»: он выясняет происхождение каждого источника, компетентность автора источника, степень доверия к нему, а затем сравнивает используемые источники для установления действительной картины прошлого.

Хотя «метод Ранке», или, точнее, метод исторической критики, не возник на пустом месте, он представлял собой открытие в науке. Несколько раз историки использовали этот метод непреднамеренно, ощупью. «Ранке отвлек его от бессознательного фактического применения и обобщил в логическую формулу, которую можно было отныне школьным путем передать целому поколению второстепенных историков»¹.

86

С приходом в 1825 году в Берлинский университет Ранке превратил историческую критику в учебную дисциплину. Удобной формой академического обучения исторической критике стали впервые введенные им в университетскую практику семинары. В их работе участвовали студенты и молодые историки, со временем и не только немецкие, жаждавшие приобщиться к новейшим методам исследования исторических источников. Ранке создал обширную школу, его ученики заняли кафедры в большинстве

¹ Щепкин Е. Автобиография Ранке // Русская мысль. 1893. №8. С. 166.

германских университетов. Благодаря деятельности семинара Ранке и растущему авторитету его школы принципы исторической критики получили распространение не только в Германии, но и за ее пределами.

Кроме того, Ранке стал изучать архивные материалы и раскрыл их значение для исследования прошлого, и именно с него началось использование архивов, без которого историки с тех пор себя не представляют.

Вот почему Ранке заслуженно называют «отцом исторической критики».

4. Методы искажения и восстановления исторической правды

Приёмы искажения прошлого. Естественно, что для обнаружения искажений исторической правды в источниках исследователь должен отчетливо представлять себе средства, приемы искажения. Основные из них следующие: прямая ложь, замалчивание фактов (так называемая фигура умолчания), нарушение пропорций (смещение акцентов).

1. **Прямая ложь** может быть преднамеренной и неумышленной.

87

Изучая источник, историк должен думать над тем, какие причины могли побудить его автора к преднамеренной лжи: выставить в наилучшем свете себя и своих друзей, членов своей семьи, партии, класса; очернить противников; обеспечить себе практические выгоды с помощью лести власть имущим; понравиться читателям (в частности, путем драматизации изложения) и т. д. Многие из указанных причин побудили, например, ко лжи битых гитлеровских генералов, стремящихся поддержать честь мундира и доказывающих, будто в их поражениях на советско-германском фронте виноваты лишь русские морозы и пространства, да еще бездарный фюрер.

Автор источника мог исказить историческую правду и неумышленно: находился в положении, вынуждавшем его солгать (например, под пыткой) или невыгодном для наблюдения; не имел достаточных знаний для понимания наблюдаемого; подвела память и т. п.

2. В тех случаях, когда авторы источников не хотят напоминать о невыгодных им событиях или когда они считают, что никакими средствами им не удастся оправдаться, они **предпочитают прибегать к фигуре умолчания** и не муссировать неприятные для них факты, как бы важны для истории эти факты ни были¹. Так, Т. М. Талейран, писавший «Мемуары» после реставрации Бурбонов, предпочитал не вспоминать свое участие в

¹ М. Т. Цицерону принадлежат слова: «Первый закон истории не сметь говорить неправды, второй — говорить всю правду» (Цит. по: Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 206); 25-летний Л. Н. Толстой оставил нам убедительную рекомендацию: «Эпиграфом к истории я бы написал: "Ничего не утаю". Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая» (Толстой Л.Н. // Дневники, 1847—1894 // Собр. соч.: В 22т. М, 1985. Т. 21. С. 106).

Великой французской революции; составители английской публикации дипломатических документов о внешней политике Великобритании в 1919—1939 годах умышленно - под предлогом ненахождения в архивах — не напечатали ряд документов об активном участии Великобритании в мюнхенском стоворе 1938 года, так как эти документы подтвердили бы неприглядную роль английских правящих кругов в политике «невмешательства».

3. Историческая правда может быть искажена в источнике и путем **нарушения пропорций** или **смещения акцентов**. Иные источники напоминают старинные географические карты, не выдержанные в одном масштабе, на которых — тогда по незнанию — огромный континент подчас изображался в виде пятачка, а крохотный остров занимал половину карты. Так, некоторые мемуаристы, писавшие во время нахождения Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева у власти, неоправданно преувеличивали их роль как участников Великой Отечественной войны; хотя Сталинградская битва была переломным сражением Второй мировой войны, в иных документальных фильмах, смонтированных на Западе, ей уделяется мало внимания, второстепенным же театрам военных действий посвящены сотни метров пленки, что создает у зрителя неправильные представления об удельном весе в войне Сталинградского сражения и роли советско-германского фронта в целом.

Методы устранения искажений. Каковы пути проверки достоверности источника, методы устранения искажений?

1) Это может быть логический анализ содержания источника, с выяснением имеющихся в нем противоречий. Например, не могут быть приняты за истину некоторые недоброжелательные замечания немецкого инженера и воздухоплатателя Г. Экенера о нашей стране, ибо, по его же словам, он никогда ее не посещал и лишь единожды пролетел над ней на большой высоте и при низкой облачности¹.

2) Для проверки правдивости автора источника полезно сравнить его слова с его же делами, например миролюбивые заявления правительств фашистских держав перед Второй мировой войной и их агрессивные действия.

3) Главным методом установления исторической правды является сопоставление и сравнение источников как одного вида (газеты разных политических направлений), так и разных видов (мемуары политического деятеля и его письма).

Так, мемуарист фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, стремясь воспитать молодых немцев в милитаристском духе, о своем участии в битве при Кёниггреце (Садовой) (1866) повествует в бравых тонах: «Это было гордое чувство, когда я, тяжело дыша, с текущей из легкой раны на голове

¹ Eckener H. Im Zeppelin über Länder und Meere: Erlebnisse und Erinnerungen. Elensburg, 1949.

кровью, стоял среди захваченных у противника пушек», но более прозаично и правдиво молодой лейтенант Гинденбург по свежим следам писал матери: «Я свалился без сознания, и мои люди окружили меня, считая мертвым»¹.

Нетрудно заметить, что во всех трех случаях мы фактически прибегаем к сравнению: разных мест из одного источника, слов и дел, разных источников. Конечно, сравнивать можно источники, генетически друг с другом не связанные, в противном случае ложь из одного источника может перебраться в другой или во многие другие.

Audiatur et altera pars! Деятельность историка, выясняющего историческую правду, напоминает работу следователя или судьи, который не может вынести решения на основании заявления только одной из тяжущихся сторон, а выслушивает и истца, и ответчика, и свидетелей.

Римские судьи хорошо знакомы были с принципом, ставшим пословицей: «Audiatur et altera pars!» («Да будет выслушана и другая сторона!»). Разными сторонами, показания которых сопоставляет историк-исследователь, являются свидетельства разных источников.

Сравнительно-исторический метод — один из важнейших в методологии истории. В новейшей литературе он обстоятельно рассмотрен М. Ф. Румянцевой².

Сегодня мы говорили об общих правилах источниковедческого анализа, которые применяются при использовании источников всех видов; в следующих лекциях будут рассмотрены особенности исторической критики каждого из этих видов — от статистических материалов до произведений литературы и искусства.

¹ Цит. по: Emil Ludwig Hindenburg und die Sage von der Deutschen Republik. Amsterdam, 1935. S. 240.

² Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002. Разд. 3.

Лекция седьмая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ

План

1. Анализ статистических материалов.
2. Историческая критика парламентских документов.
3. Анализ дипломатических документов.

Литература

Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971.

Коломийцев В. Ф. Методология истории: (От источника к исследованию). М., 2001.

1. Анализ статистических материалов

Определение и значение. Статистика (от лат. status - состояние, итал. stato — государство) — наука, которая изучает количественную сторону массовых общественных явлений для выведения обобщающих показателей. Статистические материалы фиксируются в цифрах, специфическим языком статистики является язык цифр. Ее отрасли: демографическая статистика (статистика населения), промышленная статистика, сельскохозяйственная статистика, статистика транспорта, статистика здравоохранения и др.

93

Сбором статистических материалов занимаются международные организации, государственные учреждения, монополии, профсоюзные организации, как для решения текущих задач, так и в специальных целях (переписи населения, выяснение общественного мнения и др.). Впоследствии эти материалы используются историками как источники.

Материалы социально-экономической статистики являются фундаментом знаний о разных сторонах жизни Земли, страны, региона. О многих сторонах жизни, как это видно уже из перечисления ее отраслей, но не всех; невозможно, например, вычислить, на сколько процентов углубился кризис французского абсолютизма при Людовике XV или на сколько процентов выросло исполнительское мастерство И. С. Козловского за определенные годы.

Статистический метод. Статистические материалы могут

использоваться в качестве орудия политической борьбы и фальсифицироваться. Известна ходячая поговорка: «Существуют три вида лжи: ложь, ложь наглая и статистика». Сталин расстрелял организаторов переписи 1937 года и наградил организаторов переписи 1939 года, но материалы обеих переписей загнал в спецхраны, сделав их недоступными для исследователей.

Очевидно, что статистические материалы нуждаются в жёстком критическом подходе. Однако в чем должна заключаться критичность подхода к голой и, казалось бы, беспристрастной цифре? К отдельной цифре (численности населения, потерях в войне, внутреннему валовому продукту, росту зарплаты) или к статистической таблице, диаграмме, схеме, в которых обычно суммированы результаты статистических исследований?

Важнейшей предпосылкой успешного анализа статистических материалов является знание способа их создания — «статистического метода». Он имеет две стадии: статистики наблюдения — сбора первичных сведений и статистики обобщения — их обработки. Фактически эти стадии являются вариантами анализа происхождения и анализа содержания исторического источника.

Статистика наблюдения. Одни сведения могут быть зафиксированы в ходе текущей деятельности отдельных лиц и учреждений (загсов, автодорожной службы и т. п.); другие сведения специально собирались для статистической обработки (переписи, анкетирования и т. п.).

94

Анализируя данные текущего учета, исследователь должен установить, был ли учет обязательным и своевременным; очевидно, что необязательность учета и проведение его в чрезвычайных условиях стихийных бедствий или гражданских войн неблагоприятно сказывались на точности полученных данных. Важно установить, являлось ли специальное обследование сплошным (охватывались все изучаемые единицы) или несплошным, выборочным, и в этом случае надлежит установить, какими принципами руководствовались статистики при отборе, например, какие семьи отбирались для обследования бюджета, каким адресатам направлялись для заполнения анкеты. Историк-исследователь должен ознакомиться с планом и программой статистического наблюдения: первый раскроет цель, объект и единицу наблюдения, наблюдателей и обработчиков их данных и т. д.; вторая должна установить ясность и общую состоятельность вопросов, задаваемых обследуемым лицам.

Статистика обобщения. Собранный в результате статистического наблюдения материал представляет собой хаотический набор цифр, которые сами по себе ни о чем не говорят, поэтому в ходе второй стадии их обобщают, а для наглядности и удобства использования придают собранным данным вид таблиц, схем, диаграмм и т. п.

Основные правила и приемы этой обработки следующие. Надо

использовать всю совокупность добытых в ходе статистического наблюдения цифр, помня, что «пример — не доказательство» и что статистика оперирует массовыми данными и опирается на так называемый закон больших чисел (совокупное действие большого числа случайных факторов приводит к результату, почти не зависящему от случая). Для систематизации добытых цифр их группируют, причем в одну группу можно объединять только однотипные предметы или явления; суммирование пудов зерна и пудов картофеля для выяснения урожая так же недопустимо, как сложение лошади и курицы для выяснения поголовья домашних животных (пример В. К. Яцунского). Характер группировки принципиально важен и может привести к диаметрально противоположным выводам, например, группировка умеющих лишь расписаться заключенных то с грамотными, то с неграмотными дает разные результаты для суждений о влиянии образования на преступность (пример Д. П. Журавского).

95

Наряду с группировкой важным приемом обобщения данных статистического наблюдения является выведение среднего показателя. Это очень убедительный показатель, который, однако, можно выводить только из однородных совокупностей, ибо если, например, сложить состояние миллионера, имеющего особняк на набережной Сены, с содержимым карманов нищего под мостом через Сену, то в среднем у них окажется по полмиллиона. Предпосылкой успешного использования статистических материалов как источника является знакомство не только с литературой о статистике, в частности о статистическом методе, но и с политэкономией.

2. Историческая критика парламентских документов

Как известно, парламент в новое и новейшее время — это высший избираемый орган государственной власти, имеющий исключительное право принимать законы, в частности законы о бюджете, а также контролировать действия правительства. Система правления, при которой парламент действительно реализует эти функции, носит название парламентаризма. Парламентаризм является составной частью демократической организации общества. Разумеется, диктаторский режим, лишь маскирующийся наличием якобы представительного органа (например, нацизм при Гитлере или власть в Иране при Реза-шахе), парламентом не является.

Предпосылкой успешного анализа парламентских документов является знакомство с организацией и функционированием парламента данной страны в изучаемое время, как и с некоторыми сведениями из истории парламентаризма.

Виды и значение. Парламентские документы разнообразны: это записи прений в палатах и приложения к ним: материалы о личном составе

палат (списки депутатов по алфавиту, по избирательным округам, по фракциям), внесенные законопроекты, постановления комитетов, интерpellации депутатов, послания и заявления глав государств и правительств и т. д. Наиболее объемны и информативны, разумеется, стенограммы заседаний палат.

96

Парламентские документы дают представление о становлении закона — о внесенных законопроектах, об их обсуждении, возражениях и поправках к ним; эти документы помогают лучше понять закон, причем не только его историю и содержание, но и характер его последующего проведения в жизнь. Так, варварский закон о принудительном отчуждении польских земель, принятый в Германии в 1908 году, фактически не проводился в жизнь, столь сильны были возражения против него даже проправительственных фракций и негодование прогрессивного общественного мнения во всем мире.

Но историк изучает парламентские документы не только для понимания законодательства данной эпохи. Зачастую содержащиеся в выступлениях депутатов разные сведения о жизни страны в исследуемый период не менее ценны, чем мысли об обсуждаемом законопроекте.

Обильный и интересный для историка материал по вопросам внутренней политики содержат ежегодные прения о бюджете. В наше время законопроекты о бюджете почти повсеместно вносят правительства, бюджет фактически является выраженным в цифрах планом их деятельности и одновременно средством проведения правительственной политики. В хитросплетениях бюджета могут разобраться лишь узкие специалисты, но депутаты имеют возможность высказаться о политике страны в целом и политике отдельных министерств, чьи бюджеты обсуждаются.

Внешняя политика отражена в парламентских документах в гораздо меньшей мере, чем внутренняя. Внешняя политика — общепризнанная прерогатива исполнительной власти, доступ парламентариев в МИДы ограничен, а текущие дипломатические документы после отработки в МИДах отправляются в архивы, которые открываются обычно лишь через несколько десятилетий. Внешнюю политику и надлежит изучать преимущественно по дипломатической документации.

Критика происхождения. Прежде чем перейти к анализу содержания прений и других парламентских документов, исследователь должен выяснить ряд вопросов предварительной критики. Необходимо установить место и роль парламента в государственном механизме данной страны в изучаемый период. Понятно, например, что разной была роль парламента в различные периоды французской истории, в частности в 3, 4, 5-й республиках, или роль рейхстага в кайзеровское, веймарское, нацистское время, в ФРГ и ГДР.

97

Поскольку характер выступлений и всей работы парламента зависит от его состава, а состав — от избирательной системы, историк должен представлять себе, как выглядело избирательное право в данной стране ¹.

Надлежит предварительно ознакомиться с организацией, функционированием данного парламента, с регламентом его работы, так как без знания парламентской процедуры ориентироваться в парламентских документах трудно. Может затруднить работу над документами даже незнание различных способов голосования (поднятие руки, вставание, поименное голосование, тайное голосование с помощью бюллетеней или шаров, вхождение в палату через дверь «да» или через дверь «нет» и др.). Регламент публикуется в томах парламентских документов, в справочниках о парламентах, ему посвящена специальная литература.

Историк должен также предварительно установить, кем были депутаты, выступающие по интересующему его вопросу, каковы программы партий, во фракции которых они входили, каким избирательным округом послан в парламент данный депутат (ибо даже при наличии императивного мандата депутат не может забыть о наказах своих избирателей). Результаты выборов, распределение голосов избирателей по партиям, состав парламента и фракций, биографические данные о депутатах и аналогичные сведения в компактном виде публикуются в специальных справочниках о парламентах (по легислативам), издающихся во всех странах.

Полезно иметь представление даже о здании данного парламента и разных его помещениях, особенно о зале пленарных заседаний палат с расположением в нем фракций и кресел отдельных депутатов.

Полезно и ознакомление с мемуарами бывших парламентариев, часто содержащими интересные сведения о различных сторонах жизни парламента, документы которого собирается использовать историк.

Парламентские документы являются обильным источником. Заседая 5—6 месяцев в году (100—150 дней заседаний), парламентарии наговаривают многие тысячи страниц стенограмм.

98

Целесообразнее не читать их подряд в поисках нужного материала, но вначале установить (по историческим календарям, прессе и др.), когда именно обсуждался интересующий историка вопрос, а затем уже искать соответствующие выступления в парламентских дебатах.

Анализ стенограмм. В Англии, на родине парламентаризма, не очень точные протоколы, предназначенные для сугубо внутреннего пользования, велись клерками палаты лордов с 1503-го, палаты общин с 1547 года. Дословная фиксация дебатов стала возможной в Англии лишь с изобретением стенографии в конце XVI века, но систематически прения здесь стенографировались только с середины XVIII века. У Англии стенографию заимствовала Франция, где с 1790 года стенографируются

¹ См., напр.: Избирательные системы стран мира. М., 1961.

заседания Учредительного собрания. В Германии заседания Франкфуртского парламента 1848—1849 годов уже стенографировались. Большинство парламентов XIX—XX веков систематически и в обязательном порядке публиковали стенографические отчеты о своих заседаниях.

Хотя стенограммы почти всегда воспроизводят прения дословно, это не значит, что содержание выступлений отражает историческую правду.

В некоторых случаях можно предположить, что оратор, выступая без предварительно написанного текста (например, в английской палате общин чтение по тексту запрещено), неверно или неточно излагал свои мысли; это могло быть следствием волнения, особенно у молодых парламентариев, плохого самочувствия, обструкционного шума в палате и других причин.

Парламентарий мог преднамеренно лгать из личных побуждений, стремясь очернить своих недругов или зарабатывая демагогическими, невыполнимыми требованиями политический капитал у незрелых избирателей в надежде на переизбрание во время очередных выборов. Иногда парламентарии вносят и защищают законопроекты, идущие вразрез с их собственными взглядами и доктриной своей партии, исходя при этом из того, что при наличном соотношении сил в парламенте законопроект будет отклонен независимо от ораторских аргументов в его пользу. Такого рода демагогические законопроекты и выступления не должны приниматься исследователем всерьез, за чистую монету, им надлежит давать соответствующие оценки.

99

Следует помнить, что, поскольку парламент состоит из разных партийных фракций, одно и то же событие сплошь и рядом трактуется ораторами диаметрально противоположно. Такими, например, могут быть оценки таможенных пошлин помещиком и фабрикантом, социального страхования — представителями разных социальных групп, гражданского равноправия — шовинистами господствующей нации и представителями национальных меньшинств, национализации — консерватором и лейбористом и т. д. Лишь сопоставляя точки зрения выступавших депутатов, историк может восстановить достоверную картину прошлого, не искаженную классовыми, партийными, национальными, профессиональными и просто субъективными пристрастиями и оценками. Единодушие депутатов должно насторожить исследователя еще больше, чем борьба мнений, так как оно может свидетельствовать о фиктивном парламентаризме, маскирующем деспотическую диктатуру.

3. Анализ дипломатических документов

Дипломатическая служба. Под дипломатией мы понимаем повседневную работу ведомств иностранных дел и их зарубежных

представителей, глав правительств и государств по осуществлению внешнеполитических задач. Отношения между государствами осуществляются при помощи командированных за границу лиц — дипломатических представителей, которых — независимо от рангов — мы будем далее именовать послами. Послы осуществляют представительство своего государства, ведут переговоры, изучают все стороны жизни страны пребывания и информируют обо всем этом свое правительство, защищают интересы организаций и отдельных граждан своего государства в стране пребывания. Письменные сношения между органами и лицами, осуществляющими дипломатическую работу, в первую очередь отношения послов с МИДом своей страны и с МИДом страны, в которой они аккредитованы, приводят к созданию дипломатической документации, которая впоследствии используется историками в качестве исторического источника.

100

Анализ происхождения. Для такого использования исследователь должен предварительно получить представление о принципах организации дипломатической службы, видах и языке дипломатической документации¹, методах и приемах дипломатической работы. Конкретизируя свою предварительную осведомленность, историк должен выяснить ряд дополнительных вопросов. Во-первых, какова была структура МИДа данной страны в изучаемый период? Во-вторых, что собой представляли его руководители, задававшие в нем тон лица, а также аккредитованные за рубежом дипломатические представители? Каким было их общественное и материальное положение, степень независимости суждений и оценок, способности и опыт (кадровый дипломат или выскочка, обязанный своим выдвижением очередному перевороту или высочайшей протекции); характер связей и знакомств в стране пребывания и вытекающая отсюда осведомленность, а, следовательно, и потенциальная достоверность донесений, глубина анализа в этих документах; если посол не был знаком с языком страны пребывания и решающую роль в формировании представлений о ней играли его советники, то, что они собой представляли?

Анализ содержания донесений. Самым многочисленным видом дипломатической документации являются донесения послов. У нас есть благоприятная возможность познакомиться с анализом происхождения и содержания донесений российского посла в Париже в конце XVIII века И. М. Симолина².

Иван Матвеевич Симолин (1720—1799) был дельным и многоопытным дипломатом. Пост посла в Париже он занял в 1784 году, фактически отозван

¹ Лучшее пособие о языке дипломатии: Ковалев А. Азбука дипломатии. М., 1968.

² Они были опубликованы в «Литературном наследстве» (Т. 29/30. М., 1937) и проанализированы Н. М. Лукиным в его работе «Царизм и Французская буржуазная революция 1789 г. по донесениям И. М. Симолина» (Избранные труды: Т. 1. М., 1960).

7 февраля 1792 года, но и в последующие годы жизни, находясь в сопредельных с Францией государствах, продолжал заниматься сбором и передачей в Петербург информации о ней.

101

Донесения Симолина основаны на личных наблюдениях вдумчивого посла, на официальной информации французского МИДа, на информации, которую Симолин добывал, бывая при дворе и в роялистских салонах, встречаясь с зарубежными дипломатами и известными французскими деятелями, в частности с Мирабо и Талейраном, а также изучая текущую, преимущественно роялистскую, французскую периодику. Кроме того, его информировали тайные агенты, из которых особенно ценные сведения поставлял подкупленный чиновник французского МИДа. Последние из опубликованных донесений, написанные после отъезда Симолина из Франции, основаны не на личных наблюдениях посла, а на информации из вторых рук и зачастую менее достоверны и ярки. Наконец, донесения Симолина являются свидетельствами не только очевидца, но и участника событий (например, он выполнял отдельные деликатные поручения гбнущей французской монархии).

В ряде случаев Симолин ошибался (так, не сбылось его предсказание о падении роли Франции в международных отношениях в связи с революцией). Донесения Симолина пристрастны, и, хотя его взгляды не всегда совпадали с точкой зрения Екатерины II, в целом это — донесения бесспорного противника революции. Но при корректировке донесений Симолина другими материалами и критическом к ним подходе они являются ценным историческим источником.

Во-первых, они повествуют о франко-русских и иных международных отношениях того времени, в частности рассказывают о положении дел в Турции и Швеции, с которыми Россия тогда воевала; во-вторых, что особенно важно, они содержат ценный материал о Великой французской революции и об отношении к ней царизма. Следует также помнить, что донесения Симолина были главным источником, из которого Екатерина Алексеевна черпала сведения о Французской революции.

Анализ других документов. Более сложна, чем анализ дипломатического донесения, историческая критика внешней дипломатической переписки (личных и вербальных нот, памятных записок, меморандумов), межгосударственных договорных актов (договоров, соглашений, конвенций, протоколов, обменов нот, деклараций, иногда — заключенного в письменной форме джентльменского соглашения) и, конечно, подчас многотомных сборников дипломатических документов.

102

Формулировки международного акта зависят не от одного

дипломатического представителя, а зачастую являются взаимоприемлемыми и компромиссными для двух или нескольких его участников (по выражению А. Ковалева, это уже не ария, а дуэт или даже хор). Необходимо учитывать обстоятельства заключения договора. Например, для правильного понимания Брестского мирного договора 1918 года следует помнить, что он был подписан молодой Советской республикой под дулом приставленного к ее виску пистолета. Надо различать договоры между капиталистическими государствами — и неравноправные договоры (капитуляции), в которых за парадными формулировками о равенстве «Высоких Договаривающихся Сторон» скрывается закабаление развитой капиталистической страной отставшего в развитии государства. Нельзя поддаваться на удочку мнимогуманных (пацифистских, оборонительных, культуртрегерских и иных) мотивов заключения договоров, в которых с помощью пышных фраз могут скрываться неблагоприятные или грязные цели. Ни один агрессивный договор в истории не раскрывал захватнических планов подписавших его сторон, маскировавшихся миролюбивой фразеологией (так было с Тройственным союзом и Антантой, так было с фашистскими «осями» и «треугольниками» перед Второй мировой войной, так же поступают современные агрессоры).

Особенно сложен анализ сборников дипломатических документов. Надлежит выяснить, кем, когда, с какой целью была предпринята публикация, какое место она занимала в общественно-политической борьбе своего времени. Очень важно понять цель публикации, ибо ею определяется и подбор документов, и структура сборника, и характер комментариев¹. Целесообразно также установить составителей публикации: хотя составители важных сборников документов о внешней политике исходят из полученных от правительства инструкций, но на реализации этих указаний сказываются опыт, эрудиция, стиль и творческий почерк составителей, присущий им характер аргументации.

103

Еще до детального анализа отдельных документов сборника следует подумать над характером их подбора, хронологическими рамками совокупности помещенных документов, структурой сборника.

При анализе сборников дипломатических документов следует предпринять следующие шаги:

- а) если в сборник не были включены документы, опровергающие тенденцию составителя, то такие документы надо привлечь, ибо на основе односторонне подобранных документов невозможны объективные выводы;
- б) изъять текст, которого не было в оригиналах документов;

¹ Так, после начала Первой мировой войны правительства воюющих стран, стремясь убедить свои народы, будто их страна ведет справедливую оборонительную войну, опубликовали сборники документов с многочисленными искажениями (тенденциозный подбор, дописывание в нужном духе и т. п.) — за этими «цветными книгами» (они издавались в цветных обложках) впоследствии закрепилось название «книг лжи».

в) при наличии купюр необходимо восстановить первоначальный текст документов, включив в него изъятые слова или предложения, как и знаки препинания;

г) восстановить хронологическую последовательность появления документов;

д) если составители разбили текст документа на части и разместили последние в разных разделах сборника, то исследователь должен проделать определенную реконструктивную работу и восстановить документ в первоначальном виде, собрав его части воедино;

е) отнестись особо критически к комментариям составителей.

Во всех вышеперечисленных случаях необходимо сопоставление анализируемого документа или сборника документов с другими документами, сборниками документов или даже с иного вида источниками, например с мемуарами. При этом для сопоставления полезно использовать публикации, изданные разными лагерями, в разных странах. Действуя по принципу «*Audiat et altera pars!*», историк не станет основывать свои суждения на односторонних доказательствах и сможет сделать исторически достоверные выводы.

Следующая лекция — окончание данной темы — будет посвящена методам исторической критики других видов источников: прессы, мемуаров, художественной литературы.

Лекция восьмая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИСТОЧНИКОВ (Окончание)

План

1. Периодическая печать.
2. Мемуарная литература.
3. Художественная литература.

Литература

Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971.

Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984.

1. Периодическая печать

Определение. Для периодического издания характерна предполагаемая бесконечность (в этом его отличие от многотомника), единство идейного направления и определенное единообразие оформления всех его выпусков. Главные виды периодических изданий — газета и журнал.

Газета — периодическое издание на несброшюрованных листах, содержащее новости, то есть информацию о текущих событиях, а также другие материалы: статьи на политические, экономические, культурные темы, литературные произведения, но лишь как дополнение к главному содержанию — новостям, без которых нет газеты.

107

Журнал — периодическое издание на сброшюрованных листах, содержащее статьи, литературные произведения и другие материалы. Журнал (уже потому, что обычно он выходит реже газеты) не в состоянии давать информацию столь же оперативную, как газета, зато журнальные статьи, в частности, публикуемые в ежемесячных, так называемых «толстых», журналах, отличаются от газетных большей обстоятельностью и «академичностью»: автор журнальной статьи подводит итог за более обширный период, у него глубже перспектива, больше времени и места.

Основное различие между газетой и журналом не во внешнем виде (формат и сброшюрованность листов), не в общественно-политическом характере большинства газет (при профессионально-отраслевом характере

подавляющего большинства современных журналов), а в новизне информации.

Значение. В газете регулярно фиксируются события истекшего периода. Подобно тому, как дневник отражает жизнь отдельного человека за определенный период, так газета усилиями ряда людей отражает жизнь общества за прошедший отрезок времени. Поэтому газета, как говорят, является дневником эпохи — она содержит рассказ эпохи о себе самой. Перед мысленным взором историка, листающего пожелтевшие страницы старой газетной подшивки, раскрывается день за днем, неделя за неделей жизнь прошлого в самых различных ее проявлениях: от изменений в экономической конъюнктуре и в составе правительств до откликов на новые спектакли и фильмы, сведений о погоде и стихийных бедствиях.

Пользуясь комплектами газет, историк может восстановить непрерывную картину развития прошлого в течение продолжительного времени. Газета в гораздо большей степени, чем другие виды исторических источников, характеризуется комплексностью содержания: наряду с чисто газетными материалами, она публикует различные документы, стенограммы парламентских выступлений, данные статистических обследований и т. п. Непрерывность и многоплановость содержания повышают источниковое значение прессы. В ряде случаев опубликованные в газете материалы — единственный источник наших знаний о событиях прошлого.

108

Являясь ценным историческим источником, пресса особенно важна при изучении недавних событий. Когда еще не стали доступными архивы, не опубликованы документы, не написаны мемуары, когда еще не завершился этап развития и неизвестны его результаты, пресса — дневник эпохи — уже в распоряжении исследователя.

Как известно, общественное мнение, под которым мы понимаем мнение большинства народа, является активным фактором общественной жизни. Пресса отражает и вместе с тем формирует общественное мнение. Значение прессы как одного из сильнейших средств формирования общественного мнения сохранилось и после появления кино, радио, телевидения в силу ряда ее преимуществ: ее можно изучать в удобное для читателя время, напечатанное можно неоднократно перечитывать и т. д.

Из истории прессы. Хотя газета родилась в Древнем Риме, а корни современной газеты находятся в венецианском средневековье (рукописный листок с новостями продавался за монету, называвшуюся «gazetta», впоследствии это название стало относиться к самому листку), пресса является все же типичным продуктом нового времени и источником преимущественно по новой и новейшей истории.

Современная газета резко отличается от первых газет по внешнему виду, периодичности, тиражу и содержанию. XVI век был веком расцвета рукописных газет. В XVII веке появляются первые печатные газеты

(книжного формата) и возникают первые журналы, но до конца XVIII века пресса еще не была массовой. Изобретение линотипа (1854) и ротационной машины (1863) в сочетании с развитием образованности, транспорта и связи обусловили быстрое печатание и распространение огромных тиражей, превратили прессу в доходное предприятие, сделали возможным появление сенсационной «желтой» прессы. Огромное влияние на характер прессы оказали нараставшие в течение всего XX века концентрация и монополизация газетно-журнального дела.

109

Анализ материалов прессы. Многочисленные вопросы исторической критики, интересующие исследователя, можно свести в следующие группы:

— *экономическая база и кадры* (владелец-издатель, редакторы и видные сотрудники, бюджет, цены на бумагу и другое сырье, гонорары, отпускная цена и цена объявлений, тираж и др.);

— внешние данные (формат, периодичность, верстка и оформление, иллюстрации и фотографии, социальный состав читателей, область распространения);

— история газеты (журнала);

— вопросы содержания: источники информации, характер периодического издания (общественно-политическое, профессионально-отраслевое, спортивное и пр.), партийно-политическое направление, удельный вес различных материалов (отделов), отношение к основным проблемам текущей жизни.

Наиболее важные из этих вопросов будут рассмотрены далее.

Коренным вопросом источниковедческого анализа прессы является установление ее принадлежности. Историк, собирающийся использовать данное периодическое издание в качестве источника, должен прежде всего задаться вопросом, чей это орган. Кому он принадлежит, кто его финансирует, каковы источники его дохода?

Так, газета может быть официальным органом (правительства, партии, монополии, организации) и официозом, то есть изданием формально независимым, но проводящим линию своих хозяев (лат. *officiosus* — услужливый). Например, газета «Норд-дойче альгемайне цайтунг» была официозом Бисмарка, который такую прессу назвал «рептильной». Чтобы разобраться в замаскированных формах воздействия на ориентацию газеты (журнала), надо иметь представление о ее бюджете, то есть росписи доходов и расходов. Историк должен знать, что основной доход владельцу периодики дает реклама (объявления), точнее — поставщики систематической и обильной рекламы, дирижирующие таким образом ее содержанием.

Несмотря на зависимость содержания периодики от воли владельца, ее качество связано и с редакторами и видными сотрудниками, с которыми историку надлежит познакомиться.

Большую роль в исторической критике материалов прессы играет знание источников ее собственной информированности. Качественная информация достоверна, оперативна (короткий временной отрезок между событием и сообщением о нем в газете), обильна, убедительна.

110

Газету информируют главным образом корреспонденты, телеграфные агентства и агентства печати.

Собкоры и спецкоры состоят в штате газеты, обладают — в наше время — профессиональной подготовкой. Тем не менее, возможность ошибок в их материалах всегда налицо. Корреспонденты пребывают в постоянной погоне за свежей информацией, которую они стремятся как можно скорее передать в редакцию, зачастую не имея возможности ее проверить. В нервной обстановке редакций и типографий ошибки также возможны. Приведенные по свежим следам комментарии могут быть неверны и из-за отсутствия исторической перспективы. Газета несет ответственность за материалы своих корреспондентов, перепечатки же из других газет ни к чему ее не обязывают.

Поскольку даже самые крупные и богатые газеты не имеют финансовой возможности держать очень многих корреспондентов в собственной стране и тем более за рубежом, они приобретают информационные материалы и статьи у телеграфных (информационных) агентств и агентств печати. Все эти агентства отнюдь не беспристрастны, характер поставляемых ими сведений зависит от партийно-политических установок их владельцев, и эти установки историк-исследователь должен выявить. Так, в Веймарской республике коммунистическая пресса пользовалась преимущественно материалами агентства «Инпрекор», созданного Коминтерном, буржуазно-демократические издания часто состояли клиентами официального агентства Вольфа, правая пресса получала информационные материалы в первую очередь от националистического агентства «Телеграфен-Унион», принадлежавшего Гугенбергу.

Приведу пример возможных ошибок в газетной информации о пожаре.

Реальные события развивались по следующим этапам:

- узнав о пожаре, редактор посылает репортера;
- примчавшись на пожар, репортер застаёт головешки и толпу зевак — действительных и мнимых свидетелей;
- он выслушивает их противоречивые показания и пытается воссоздать картину событий;

111

— он передает материал для ускорения (устаревшая новость — не новость!) из телефонной будки в редакцию;

— уличный шум и плохая слышимость приводят к искажению его слов при их записи редакционным работником;

— свою лепту в искажения вносят машинистка, наборщик, корректор, печатник.

Вследствие этого опубликованный в газете текст (исторический источник!) весьма отличается от реального события.

Познакомившись с газетным репортажем, исследователь должен мысленно (ретроспективно — в обратном порядке) воссоздать ход событий и думать при этом о возможных ошибках на каждом этапе: от газетной полосы до реального события. Иными словами: он обязан подвергнуть источник исторической критике.

2. Мемуарная литература

Оценки мемуаров разными лицами пестры и противоречивы. Так, Ф. Шиллер подчеркивал, что благодаря достоинствам содержания и непринужденности формы мемуары одновременно удовлетворяют самых разных читателей¹, а Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос рекомендовали относиться к мемуарам «с особым недоверием, как к второстепенным свидетельствам»². Не подлежит сомнению, что современные студенты при написании курсовых и дипломных работ используют мемуары чаще других исторических источников. Разобраться в мемуарах нам предстоит в этой лекции.

Определение и особенности. Слово «мемуары» происходит от латинского «*memoria*» — память. Под мемуарами мы понимаем исторический источник, основанный на памяти участника или очевидца событий.

112

От произведений художественной литературы, имеющих автобиографическую основу, мемуары отличаются тем, что их автор должен излагать подлинные факты и, в отличие от литератора, не имеет морального права на вымысел.

Важнейшими особенностями мемуаров как источников являются их субъективизм и зависимость от несовершенной человеческой памяти. Субъективизм проявляется уже в индивидуальности восприятия (цвета, красоты человеческого лица и др.), оценки же людей и событий в мемуарах окрашены личными симпатиями и антипатиями и всегда пристрастны. Так, по-разному выглядит Парижская мирная конференция 1919 года в мемуарах ее участников Л. Тардье, Г. Никольсона, А. Марескотти³. Зависимость от памяти приводит к произвольным фактическим ошибкам или неточностям. Например, мемуаристы, пишущие на склоне лет о давно минувших событиях,

¹ Шиллер Ф. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1957. Т. 5. С. 404-405.

² Ланглуа, Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 140.

³ Тардье А. Мир. М., 1943; Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945; Марескотти А. Дипломатическая война. М., 1944.

иногда путают фамилии, приводят неверные даты, нередко модернизируют прошлое, излагая его сквозь призму позже сложившихся у них представлений.

Стремясь к ослаблению субъективизма и к устранению изъянов памяти, иные историки в своих рецензиях требовали от мемуаристов документирования их текстов. Такое ультимативное требование в принципе неправомерно, так как оно игнорирует саму природу мемуаров. Будучи последовательно осуществлено, оно привело бы к ликвидации мемуарных источников и их замене некачественными исследованиями, ибо мемуарист не обязан быть исследователем.

К особенностям мемуарных источников можно также отнести их широкое распространение в пору общей грамотности населения и силу воздействия на читательские массы. Популярность мемуарных источников и эффективность как средства пропаганды приводят к частому их использованию в качестве инструментов политической борьбы; иногда само появление мемуаров инспирировано заинтересованными политическими кругами.

Источниковое значение мемуаров. До конца XVIII века мемуары играли роль первостепенных источников.

113

На основании мемуарных свидетельств историки нередко создавали свои труды, почти не прибегая к исторической критике. Это исключительное значение мемуары уже к началу XIX века утратили: во-первых, потому, что с накоплением других — более достоверных и точных — видов исторических источников роль мемуаров в системе последних уменьшилась; во-вторых, потому, что развивавшееся искусство источниковедческого анализа вскрыло отрицательные стороны мемуаров как источников.

К какому бы периоду ни относились мемуары, можно говорить о тройном их значении как исторических источников.

1. Уникальность сообщаемых сведений: иногда мемуары являются единственным или важнейшим источником наших знаний об исторических событиях. Например, очень немного знали бы мы о смерти Павла I без мемуарных свидетельств¹, только в пересказах мемуаристов известно содержание второго тома гоголевских «Мертвых душ», знаменитые воспоминания герцога Сен-Симона полнее любого другого источника характеризуют жизнь французского двора в период начавшегося упадка феодально-абсолютистского строя². Мемуары могут быть важным материалом к биографиям.

2. Часто в мемуарах зафиксированы новые детали или стороны событий, в своей основе уже известных по другим источникам. Так, с речами депутатов парламентов можно познакомиться по стенографическим отчетам,

¹ См.: Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников. СПб., 1907

² Сен-Симон Л. Мемуары: В 2 т. Л., 1934 — 1936.

но мемуары дают возможность понять, как готовилось то или иное выступление, в какой обстановке оно проходило ¹.

3. Первостепенную роль мемуары играют как источники по истории повседневной жизни. Чаще исследователь знакомится с новыми гранями в основном уже известных явлений, но иногда жемчужиной блеснет в мемуарах новый факт — открытие для истории. И все-таки в наше время мемуары важны в первую очередь не для открытия нового, ибо точные факты мы стараемся заимствовать из хотя и более сухих, но более достоверных, чем мемуары, источников.

114

Основная ценность мемуаров в другом. Мемуары знакомят нас с одеждой, питанием, жилищем, работой, отдыхом, развлечениями — с разными сторонами быта прошлого; со складом ума, логикой мышления, пониманием проблем добра и зла, с надеждами, чаяниями и идейными стремлениями прошлых поколений — с нравами прошлого; с общим колоритом и атмосферой, с фоном событий изучаемой эпохи (например, обстановка ненависти к разлагавшемуся «старому порядку» во Франции перед революцией 1789 года или «смутные времена» нашей отечественной истории, в частности последнее десятилетие минувшего века).

В исследовании, которому присущ настоящий историзм, должна наличествовать не только точная внешняя канва событий, но и характеристика побуждений, которыми были движимы совершившие данные события люди. Мемуары как раз и позволяют историку судить о «делах давно минувших дней» без модернизации мышления наших предков, смотреть на них не с точки зрения человека начала XXI века, а глазами людей прежних времен, по-своему и отлично от нас понимающих «что такое хорошо и что такое плохо».

Таким образом, хотя мемуары теперь сравнительно редко открывают новые факты, они дают возможность глубже понять факты уже известные, то есть предоставляют в распоряжение историка-исследователя своеобразный ключ к осмыслению прошлого.

Необходимость жесткой критики. Рассказ мемуариста зачастую кажется неискушенному читателю убедительным и искренним. Однако, по меткому выражению Белинского, мемуары это еще не сама история, это только материалы для истории ². Для их использования историк должен отбросить недостоверные либо малоинтересные факты и утверждения, чтобы, отсеяв пустую породу, включить в свой труд драгоценные мемуарные блестяшки.

115

¹ См., например, воспоминания депутата дореволюционной Государственной думы: Самойлов Ф. // По следам минувшего. М, 1954.

² См.: Белинский В. Г. Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 1. С. 379.

Особенности анализа мемуаров связаны с их субъективизмом и зависимостью от памяти. Поэтому повышенную роль играет критика происхождения, выяснение авторства и времени создания источника.

Кто автор мемуаров. Это коренная проблема анализа. Комплекс вопросов, связанных с личностью мемуариста, многообразен. Его возраст, образование, профессия? К какой социальной группе принадлежал? Был лично участником либо свидетелем событий или рассказывает с чужих слов? Каковы обстоятельства, повлиявшие на правильность наблюдения? Отношение к описываемым событиям, заинтересованность в той или иной версии либо трактовке событий? Какова цель создания им мемуаров? Исследователь должен выяснить не только мировоззрение мемуариста, но и эволюцию его взглядов, возможную трансформацию из молодого либерала в пожилого заядлого консерватора.

Необходимо решительно отказаться от бытующего среди непрофессионалов мнения, будто лишь выдающиеся деятели могут быть авторами ценных мемуаров. Плодотворными мемуаристами зачастую оказываются переводчики, секретари, адъютанты и другие лица, которые занимали второстепенные должности, но работали рядом с крупными деятелями, имели доступ к секретным документам, были наблюдательны и сознательно исподволь готовились к написанию в будущем воспоминаний. Такими, например, были переводчик Сталина В. Бережков или переводчик Гитлера П. Шмидт.

Декларируемые мемуаристами цели далеко не всегда совпадают с подлинными, но не следует а priori видеть в каждом авторе воспоминаний сознательного фальсификатора — свое видение событий человек перенес на бумагу.

Время создания. Влияние фактора времени на достоверность мемуаров имеет два аспекта: зависимость памяти от временного расстояния и условий их создания. «Время властно врывается в мемуары. И то, которому они посвящены, и то, в которое они пишутся»¹.

116

3. Художественная литература

Постановка вопроса. Проблема этого раздела нашей лекции такова: хотя литература является базой исторических представлений широкой публики и используется для иллюстративных целей в преподавании, может ли она быть источником исторического исследования и если может, то в каком смысле?

В предыдущих лекциях мы уже отмечали черты сходства и различия Истории и Литературы. Обе играют огромную и близкую воспитательную и

¹ Кардин В. Сегодня о вчерашнем. М, 1961. С. 33.

гуманизирующую роль, но различия в их методах познания значительны. Являясь наукой, История стремится к точности, Литературе как искусству присущи образность изложения и неотъемлемое право на вымысел.

Катюша Маслова из «Воскресения» — не слепок с ее отдаленного прототипа — участницы судебного процесса, о котором А. Ф. Кони как-то рассказал Л. Н. Толстому, а Павел Власов из романа М. Горького «Мать» лишь частично связан с прототипом — Петром Заломовым. Смешон был бы историк-исследователь, вздумавший перенести в свой труд в качестве реально существовавшего лица героя Дюма Д'Артаньяна или Гринева из пушкинской «Капитанской дочки».

В этом смысле произведения художественной литературы историческими источниками не являются. Однако они являются таковыми в нескольких иных планах.

Значение литературы как источника. Мы видим три аспекта значения литературных произведений как исторических источников.

1. Эти произведения являются материалом для воссоздания творческой биографии писателя, в более широком смысле — источниками по истории культуры времени их создания.

2. Если литератор был современником описываемых событий, его произведения являются одним из основных источников по истории быта и нравов — повседневной жизни населения.

117

Так, подлинной летописью быта и нравов Англии периода расцвета, мощи и мирового первенства являются произведения Ч. Диккенса, блестящим бытописателем Франции первой половины XIX века был О. Бальзак.

3. Произведения художественной литературы могут быть источниками по истории общественной мысли и общественно-политической борьбы, развернувшейся вокруг этих произведений. Например, художественные (и иные) произведения французских просветителей были гигантским арсеналом, в котором ковалось оружие для штурма «старого порядка», а «Записки охотника» И.С. Тургенева сыграли определенную роль в подготовке отмены крепостного права.

Особенности источниковедческого анализа. Источниковедческий анализ художественной литературы предусматривает как изучение самого текста произведения, так и ознакомление с личностью писателя, его мировоззрением, его воспоминаниями, письмами, речами, черновиками и вариантами его трудов, дневниками и записными книжками, творческой лабораторией в целом.

Важно учесть, был ли автор современником описываемых событий, ибо лишь в этом случае оно может быть источником по истории быта и нравов. Так, памфлет В. Гюго (1802—1885) «Наполеон Малый» или сборник его стихов «Везде» являются источниками по истории культуры, быта и

нравов, общественно-политической борьбы времен Второй империи, но исторический роман «93 год» не может быть источником по истории повседневной жизни времен Великой французской революции, современником которой писатель не был.

Необходимо выяснить место писателя и его произведений в общественно-политической борьбе его времени. Так, комедии Бомарше, высмеивавшие привилегированное дворянское сословие в лице графа Альмавивы и восхвалявшие податное третье сословие в лице сообразительного и деятельного цирюльника Фигаро, вызвали бурную общественную реакцию во Франции и явились вкладом в идеологическую подготовку Великой революции.

Для успешного источниковедческого анализа произведения художественной литературы следует учитывать особенности литературных жанров, ибо разную ценность в качестве исторических источников имеют более достоверный художественный очерк, повесть на автобиографической основе, исторический роман, научная фантастика, приключенческие и детективные произведения и т. п.

118

Необходимо иметь в виду, что второ- и третьестепенные по общей источниковой ценности литературные произведения могут стать первостепенной важности источниками по истории быта и нравов.

Мы завершили цикл из трех лекций, посвященных методологии источниковедения. Этот цикл имеет в методологии истории базовое значение, так как историческая наука зиждется на источниках, и методы их анализа — методы всей исторической науки. Источниковедение, как и историография, является специальной исторической дисциплиной. Их роднит аксиологический фактор — оценка источников и литературы.

Методология историографии будет рассмотрена на следующей лекции.

119

Лекция девятая МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

План

1. Развитие отечественной методологии историографии.
2. Понятийный аппарат: историография и близкие дисциплины.
3. Историографические источники.
4. Компоненты и модель историографического исследования.

Литература

- Биск И. Я. История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983.
- Биск И. Я. Мой XX век: Записки историка. Иваново, 2003.
- В. А. Дунаевский: педагог, ученый, солдат: К 80-летию со дня рождения. М., 2000.
- Зевелев А. И. Историографическое исследование: Методологические аспекты. М., 1987.
- Мерцалов А. И. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.
- Нечкина М. В. История истории: Некоторые методологические вопросы исторической науки // История и историки. М., 1965.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004.

1. Развитие отечественной методологии историографии

Трудности развития. Теоретические основы исторической науки понимались по-своему разными исследователями в разное время. Даже слагаемые этих основ виделись и разрабатывались неодинаково: философская база, теория исторического процесса, методы исторического исследования, методика преподавания истории и др.

Из специальных исторических дисциплин источниковедение родилось раньше историографии более чем на столетие.

123

Позднее развитие историографии объясняется, прежде всего, сложностью предмета: для занятий историографией необходимо предварительно знать, естественно, саму историю, ее источниковую базу, философские предпосылки и др. Поэтому Н. Л. Рубинштейн, главный труд которого «Русская историография» вышел в 1941 году и составил эпоху в исторической науке, в начале 1960-х годов утверждал, что ввиду трудности этой дисциплины она может изучаться не студентами и аспирантами, а лишь

зрелыми историками.

Поэтому же и в 1980 году В. Л. Дунаевский обоснованно полагал, что исследовательские труды по истории исторической науки — «это самый высокий по своему теоретическому уровню вид научного творчества в области историографии, находящийся в значительной степени еще в состоянии становления»¹.

К тому же после хрущевской «оттепели» в брежневскую пору начался ресталинизационный откат, затруднивший развитие историографической мысли.

Становление отечественной теории историографии относится ко второй половине XX века и связано с деятельностью академика М. В. Нечкиной и руководимого ею Научного совета «История исторической науки» при Отделении исторических наук АН СССР.

Научный совет «История исторической науки». Милица Васильевна Нечкина (1901—1985), известная еще в довоенную пору прежде всего как историк декабристского движения, возглавила в 1958 году Научный совет «История исторической науки» и до конца жизни оставалась его душой и руководителем. Эта небольшого роста круглолицая женщина с неброской внешностью обладала абсолютной порядочностью, мощным интеллектом и блестящим пером («серебряным стилем», по выражению академика Ю. Л. Полякова). Нечкина являлась генератором идей и инициатором всех значительных начинаний Научного совета. Она собрала под своим началом талантливых сподвижников (в этом качестве она на своем уровне — напоминала Екатерину II).

124

Ее правой рукой и помощником в научно-организационной деятельности стал Владимир Аронович Дунаевский (1920—1998)².

Для развития отечественной методологии истории большое значение имели научные форумы, проводившиеся под эгидой Научного совета. Особенно значимыми были историографические среды и конференции в Москве (в здании Отделения истории по ул. Д. Ульянова, 19), а также конференции в Смоленске (1973), Калининне (1975), Калининграде (1979), Томске (важном центре историографических исследований, где конференции собирались регулярно раз в 2—3 года), других городах и региональных центрах. Материалы этих конференций затем публиковались и способствовали развитию теоретико-методологической мысли.

Благодаря деятельности Научного совета были опубликованы масштабные 5-томные «Очерки истории исторической науки в СССР», выходили альманахи «История и историки»³.

¹ Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 39.

² Важным источником по истории Научного совета стал сборник «В. А. Дунаевский: педагог, ученый солдат: К 80-летию со дня рождения» (сост. Е. В. Чистякова, С. А. Малышкин, А. А. Орлов. М., 2000).

³ После смерти М. В. Нечкиной ее детище было трансформировано и под руководством источниковеда академика И. Д. Ковальченко центр тяжести деятельности Научного совета был перенесен в область

Мне довелось участвовать в ряде перечисленных форумов, выступать там с сообщениями. Попыткой суммировать некоторые обсуждавшиеся на них дискуссионные вопросы явилось мое учебное пособие «История исторической мысли в новое время» (Иваново, 1983), в котором впервые, насколько мне известно, в связном и доступном для студентов виде были охарактеризованы историографические источники и модель историографического исследования¹. Более подробно о них позже рассказал А. И. Зевелев².

125

Существенный вклад в развитие методологии истории внесли историографические учебные пособия кафедры новой и новейшей истории МГУ, в частности, опубликованные в последнее десятилетие XX века³.

2. Понятийный аппарат: историография и близкие дисциплины

Предмет историографии. Знакомство с происхождением слова «историография (греч. *histoná* — рассказ и *grapho* — пишу) мало помогает раскрытию его содержания. А. В. Гулыга говорит о шести, А. Л. Витухновский — о восьми значениях слова «история»⁴. В прошлом не видели разницы между историей и историографией, разве что «историография» звучала более увесисто, фундаментально. Поэтому слова эти употреблялись как синонимы, например, Л. Ранке имел титул «прусский историограф», И. Г. Дройзен — «историограф Бранденбургского дома». В самом широком смысле понятия «история» и «историография» иногда употребляются в качестве синонимов и в наше время.

Из ряда значений слова «историография» наиболее распространены два:

- 1) анализ совокупности исторических трудов по определенной теме или проблеме;
- 2) история развития самой истории, то есть история развития исторической мысли, или исторической науки.

В соответствии с этими значениями предметом любого историографического курса может быть либо характеристика исторической литературы по определенной тематике (проблематике), либо анализ развития исторической мысли (науки) в целом.

источниковедения. В ИвГУ подготовлена к защите кандидатская диссертация о Научном совете.

¹ Это отмечено в фундаментальном труде: Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990. С. 7.

² Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.

³ Историография истории нового времени...; Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. М., 2000.

⁴ См.: Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 7—8; Витухновский А. Л. История: о чем она рассказывает, чему учит, как помогает преобразовывать мир. Петрозаводск, 1975. С. 9.

Практика чтения историографических курсов за последние десятилетия и обсуждение этого сюжета историографами привели их к выводу: характеристику литературы по узловым темам целесообразно включать в общие исторические курсы, курсы же историографические должны собой представлять историю исторической мысли как науки, имеющей большое мировоззренческое и познавательное значение. Впрочем, до сих пор подчас слово «историография» употребляют в обоих этих смыслах, хотя очевидно, что далеко не каждая книга, существенная для понимания истории отдельной страны или темы, получает глобальное значение для истории исторической мысли (науки).

Отграничение предмета. Не следует смешивать историографию как историю исторической науки со смежными или близкими ей историей общественной мысли (экономических, политических, философских идей) или науковедением (включающим и вопросы истории науки).

Особенно часто путают историографию с библиографией — описанием основных данных о книге. Известно, что это описание может быть кратким — состоять лишь из фамилии и инициалов автора, названия книги, места и года издания, может быть более подробным и даже включать аннотацию. Очевидна полезность библиографии как рабочего инструмента историка. Но история исторической науки гораздо шире самого обстоятельного каталога аннотированных книг. Попытки подмены историографического анализа библиографическим описанием — «детская болезнь» (М. В. Нечкина) или даже «младенческий этап» (Л. М. Сахаров) становления историографии как науки. «Библиографию называют лоцией в море исторических знаний, исторических исследований. Историографию можно было бы назвать инструментом познания глубинных процессов, происходящих в самой исторической науке, инструментом познания закономерностей развития исторических знаний» (Е. Н. Городецкий) ¹.

Сопредельной с историографией дисциплиной является и источниковедение. Соотношение историографии и источниковедения своеобразно, в известном смысле каждая из этих наук шире другой, входит в другую, изучается другой. История развития источниковедения — это историография источниковедения (здесь историография шире), источники же историографии изучает источниковедение историографии (здесь источниковедение шире).

¹ История и историки. М., 1982. С. 252.

3. *Историографические источники*

Виды источников. Историографическое исследование (будь то общая история исторической науки или книга либо статья об отдельном ее представителе), как и всякое историческое исследование, базируется на исторических источниках, имеющих, однако, в данном случае свои особенности.

Важнейшими источниками историографии являются труды историков-исследователей, двигавших вперед историческую мысль. По справедливому замечанию М. В. Нечкиной, «без изучения трудов ученых нет истории исторической науки, как без изучения произведений писателей нет истории литературы»¹. Труды историков могут иметь разную форму: отдельно изданные книги, статьи в периодике, застенографированные устные доклады на ученых форумах и т. п. Среди этих трудов, прежде всего, должна быть названа монография — основанное на источниках, часто впервые вводимых в научный оборот, самостоятельное исследование, которое содержит новые, оригинальные идеи, продвигающие науку вперед². Источником историографии являются и компилятивные сочинения: имея для историографа неизмеримо меньшее значение, чем исследовательские труды, они помогают понять пути распространения исторических знаний, могут свидетельствовать о застое в науке³.

128

В качестве источника историографии немалое значение имеют материалы творческой лаборатории ученого: конспекты и выписки из источников и литературы, черновики и пробные наброски, варианты плана и текста, карточки, свидетельствующие о библиографических поисках. Так, выясняя историографию империализма и место в ней ленинского труда «Империализм как высшая стадия капитализма», мы обращаемся к «Тетрадам по империализму», дающим отличное представление о методике научно-исследовательской работы В. И. Ленина.

Источниками историографии являются не только научные труды, но и рецензии и отклики на них: во-первых, рецензии и отклики в ряде случаев позволяют установить отношение научной общественности к вышедшему труду, борьбу мнений вокруг последнего, во-вторых, квалифицированная и умная рецензия не просто пересказывает содержание вышедшего сочинения, но может содержать вариант решения выдвинутой в нем проблемы⁴.

¹ Нечкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965. С. 11.

² См.: Нечкина М. В. Монография: ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9.

³ См.: Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981. С. 133—134.

⁴ Анализируя рецензии как историографический источник, исследователь должен особенно жестко применять историческую критику, помня о малоквалифицированных и недобросовестных критиках, похожих, по язвительному замечанию А. П. Чехова, «на слегшей, которые мешают лошади пахать землю» (цит. по: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 395).

В материалах научной дискуссии, используемых в качестве историографического источника, раскрыта система доказательств, иногда намечены пути решения спорных проблем.

Источником историографических исследований является мемуарная и эпистолярная литература, в частности воспоминания и письма видных деятелей исторической науки и историков¹.

Важным источником по истории исторической науки служат также руководящие материалы: документы правительственных и научных учреждений о развитии исторических знаний, в частности о кадрах историков; стенограммы съездов и аналогичных форумов историков; передовые и проблемные статьи в исторической периодике.

129

Неравноценность историографических источников. Относятся ли к предмету историографии и являются ли ее источниками (а, следовательно, и объектами историографического исследования) философские, публицистические, художественные и иные произведения авторов, не бывших профессиональными историками? В результате многолетней полемики наши историографы пришли к выводу: история исторической науки должна включать не только «официальную», «академическую», «университетскую», «профессорскую» науку, но и непрофессиональную, «непризнанную». Говоря словами М. В. Нечкиной, «развитие исторической науки должно браться исследователем в целом, без искусственного отсечения ее живых, хотя и своеобразных ветвей»².

Никакие ветви исторического древа познания не подлежат отсечению по разным причинам. Прежде всего, официальная историческая наука могла быть консервативна из-за реакционного политического строя страны — передовые воззрения высказывались представителями нелегальной прогрессивной мысли, не являвшимися историками-профессионалами. Кроме того, на профессиональных историков оказывали воздействие не только взгляды философов и политиков, но и произведения художественной литературы и искусства³; это воздействие было особенно значительным в пору становления истории как науки, хотя проявлялось и впоследствии, например, весьма сильным было влияние на историческую мысль не только Англии, но и всего мира исторических романов В. Скотта.

Итак, источниками историографии являются произведения как научной, так и «внеаучной» исторической мысли.

130

¹ См.: Критский Ю. П. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. — 1917 г.) // История и историки. М., 1975.

² Нечкина М. В. История истории. С. 15; см. также: Ерофеев П. Л. Что такое история? М., 1976.

³ Г. И. Серебрякова передает мнение Е. В. Тарле: «Мы, историки, не раз уясняли себе многое благодаря писателям» (Из литературного наследия академика Е. В. Тарле / Сост. В. А. Дунаевский, В. И. Дурновцев, Е. И. Чапкевич. М., 1981. С. 298).

Однако качественная разница между ними не подлежит забвению: правильное и глубокое осмысление исторических явлений и процессов дает, прежде всего, научная, а не другие формы исторического знания, поэтому источники историографии неравноценны, в частности исследование профессионала для историка исторической мысли обычно важнее книги литератора.

Наконец, следует отметить существование некоторого качественного различия между источниками общеисторического и историографического исследования: учебники по истории, например, которые и студент-первокурсник не отнесет к общеисторическим источникам, выступают в качестве источников по истории исторической науки, дающих представление о том, чему и как обучали по истории в определенную эпоху. Однако вопрос о специфике историографических источников в литературе почти не разработан¹.

4. Компоненты и модель историографического исследования

Историографическая модель. Современный студент знает, что во введении к курсовой или дипломной работе он должен охарактеризовать использованную литературу и что это будет называться «историографией вопроса». Но и зная это, он часто подменяет историографическую характеристику библиографическим описанием использованных книг. Нередко историографический анализ не получается потому, что берущееся за него лицо не понимает, каким должно быть содержание этого анализа. Мне не раз доводилось слышать афористический ответ М. В. Нечкиной на этот вопрос: в историографической части введения надлежит выяснить, что сделано до сих пор, что предстоит сделать и какую часть нерешенных задач исследователь берет на себя.

131

Историографические задачи бывают разной степени сложности, или, как говорят, решаются на разных уровнях: 1) историографическое введение к общеисторическому труду (только что упоминался студенческий вариант такого введения), 2) труд об отдельном авторе², 3) синтетическая история исторической науки³. Но независимо от уровня в основе историографических произведений лежит приблизительно одинаковая

¹ На одну их существенную особенность обратил внимание С. О. Шмидт: «Историографические факты, т. е. объекты исследования, зачастую являются одновременно и основным историческим источником для исследования (например, сочинения историков). Это предопределяет тесную взаимосвязь историографических и источниковедческих исследований, взаимопроникновение методики» (История и историки. М., 1982. С. 347).

² См., напр.: Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977; Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М, 1978.

³ См., напр.: Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 т. М., 1955—1985.

модель.

Как же выглядит историографическая модель? Иными словами, что входит в историографическую характеристику, какие вопросы надлежит рассмотреть в историографическом исследовании, из чего складывается историографический анализ, каковы его составные части (как синонимы этих «составных частей» в нашей литературе применялись термины: аспекты, компоненты, элементы, задачи, стороны, факторы, методы, объекты).

Основными составными частями историографического анализа являются: выяснение личности автора и обстановки появления анализируемого труда, методология, источниковая база, концепция. Рассмотрим каждую из них порознь.

Автор и условия создания труда. Совершенно очевидна необходимость всестороннего выяснения личности автора анализируемого труда. Так, биографические сведения являются составной частью историографических в своей основе сочинений М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском или А. С. Кана о Г. В. Форстене¹.

На проблематику исторических трудов в огромной степени влияют текущие экономические, общественно-политические, идеологические условия их создания — объективная обстановка.

Эта обстановка в значительной мере определяет направление исторических исследований на данном этапе. Для историографа недостаточно констатировать появление в определенном месте и году такой-то книги такого-то автора.

132

Он должен ответить на вопрос, почему вышла эта книга в данном году, какие общественные потребности обусловили ее появление. Мало знать, что было сказано в некотором исследовании об определенных исторических событиях, следует установить, почему так, а не иначе. Следует выяснить меры поощрения власть имущими, например, с помощью премий, одной проблематики и пресечения путем прямых запрещений или даже репрессий другой, нежелательной для них.

Проблематика зависит не только от объективных условий развития, но и от предшествующего, ранее достигнутого состояния исторических знаний, от уже накопленного мыслительного материала. Исторической науке как форме идеологии присуща относительная самостоятельность. Проблематика определяется, конечно, и белыми пятнами на карте исторических знаний, то есть не только политической, но и научной актуальностью.

Историограф должен поинтересоваться и организацией исторической науки: научными учреждениями и подготовкой кадров историков в высшей школе, доступом к архивам и издательскими возможностями, исторической периодикой и др. Все это — «механизм воздействия общества на развитие

¹ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974; Кап Л. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

исторической науки»¹.

Методология. Важным аспектом историографии является изучение теоретико-методологических основ исторического познания, мировоззренческой базы историков. Идеи гуманизма, рационализма, романтизма, гегельянская, позитивистская, неокантианская и другие философские системы оказали большое влияние на проблематику и содержание исторических исследований. Поэтому, например, для историографического осмысления трудов французских просветителей XVIII века необходимо иметь представление о теории естественного права, для понимания творчества прусской «исторической школы права» (Ф. К. Савиньи, К. Ф. Эйхгорн) надо быть знакомым с идеями романтизма, а книги Г. Т. Бокля и И. Тэна следует изучать после ознакомления с эволюцией позитивизма в XIX веке.

133

Источниковая база. Естественно, что историографический анализ произведения предусматривает и выяснение источников, на которых оно основано. Выяснению подлежит не только источниковая база, но также состояние и других специальных исторических дисциплин в изучаемый период: историограф должен знать, какова была методика и техника анализа источников, на основе которых создавались те или другие труды по истории, в какой степени в данное время умели устанавливать подлинность используемых источников и т. и.

Концепция. Анализ концепции, то есть системы взглядов на определенное историческое явление, — центральный момент историографического исследования. Концепция может быть четко выражена в одном труде. В других случаях составляющие концепцию взгляды сформулированы нечетко и к тому же разбросаны по разным трудам, требуя значительных усилий по их выявлению и суммированию. Бывают разновидности одной и той же концепции.

В концепции обобщаются известные исследователям исторические факты. Часто на основе данной суммы фактов возникают одновременно или разновременно несколько концепций. Но хотя в таком смысле можно говорить о неизменных фактах и вечно меняющихся концепциях, именно эти меняющиеся концепции составляют суть историографии. «Ядром историографии в целом и сердцевиной отдельных историографических исследований продолжает оставаться история формирования, взаимной борьбы и смены различных исторических концепций...»².

Многоплановость аспектов историографии. Для удобства изложения — в педагогических целях мы выделили четыре элемента модели историографического анализа. Конечно, такой анализ не исчерпывается рассмотренными аспектами. В немалой степени он зависит от темы и

¹ Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 43—44.

² Вопросы историографии в высшей школе. С. 32.

характера историографического источника.

М. В. Нечкина следующим образом формулирует некоторые сюжеты, относящиеся к ведению истории исторической науки: «Какова степень изученности этого вопроса? Что сделано и что подлежит разработке? Какие концепции для решения избранного вопроса предлагались ранее в науке?»

134

Как связана избранная вами тема с современностью? Почему науке необходимо исследование вопроса? Какие источники привлекались ранее учеными для его решения и какие не были привлечены?»¹

Комплекс вопросов, подлежащих выяснению в историографическом исследовании, обстоятельно рассмотрел С. О. Шмидт:

«Что оказывало воздействие на развитие исторической мысли? (факторы общественно-политической жизни; уровень развития других наук...). Что изучалось? (проблематика исторических трудов... источниковая база исследований).

С каких позиций изучалось? (источниковедчески-методические приемы работы историков; взаимосвязь методики и методологии).

Кем изучалось? (сведения о научных коллективах и об отдельных историках, включая весь комплекс данных о научной творческой биографии и общественно-политической деятельности ученого).

Как изучение становилось достоянием других? (распространение исторических знаний и в среде специалистов, и среди широкой общественности; возможности, пути и формы пропаганды исторических знаний; обучение истории в средней и в высшей школе; воспроизводство кадров исторической науки).

Каково воздействие исторической мысли на общественную жизнь?

Каковы причинно-следственные связи историографических явлений?»²

Суммируем вкратце сказанное.

1. Вследствие сложности историографии, для занятий которой необходимы обширные предварительные знания, эту специальную историческую дисциплину начали теоретически разрабатывать позже других дисциплин и в освоении ее имеются лакуны.

135

2. Несмотря на практически состоявшееся отделение историографии как характеристики исторической литературы от истории исторической

¹ История и историки. М., 1982. С. 250.

² Шмидт С. О. О методах выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1965. Т. 22. С. 5—6.

мысли, до сих пор в историографию иногда включают и историю исторической мысли, что приводит, в частности, к неоправданному расширению изучаемого поля и к появлению неподъемных для студентов учебных пособий.

3. Осмысление рассмотренных проблем историографического источника и модели историографического исследования является существенной предпосылкой становления историка-профессионала.

Лекция десятая ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИОПИСАНИЮ В XVIII—XIX ВЕКАХ

План

1. Соотношение философии и методологии.
2. Рационализм — теоретическая основа Просвещения.
3. Историография романтизма.
4. Господство позитивизма.
5. Марксистский исторический материализм.

Литература

Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979.

Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002.

Философия и методология истории: Сб. ст. / Под ред. И. С. Копа. М., 1979.

Философия истории: Антология / Сост. Ю. Л. Кимелев. М., 1995.

В методологии истории различают: философские (общетеоретические) подходы, исследовательские принципы и конкретные методы. О философских подходах речь пойдет в этой и следующей лекциях.

«Философские подходы» мы далее будем понимать не обязательно как принадлежность к конкретному философскому направлению, течению, школе, но и как систему воззрений (общетеоретических, мировоззренческих, идейных, этических, богословских, иных), оказавших на историографию значительное влияние.

139

1. Соотношение философии и методологии

Философию рассматривают как общетеоретическую основу всех наук, и, поскольку это так, она является также теоретической основой методологии истории — теория в широком плане становится основой теории в более узком смысле, основой частной теории, отдельной научной дисциплины.

Но существует много философских систем, и от историка зависит выбор одной или нескольких из них для использования, а именно той, которая, как он полагает, может оказать ему оптимальную помощь в исследовании. Он может и вовсе обойтись без выбора определенного философского подхода, то есть создать исторический труд, совсем не обращаясь к философии. По шутливому замечанию Дэн Сяопина, неважно,

какого цвета кошка, — ловила бы мышей.

История — самодостаточная, автономная наука со своими целями и способами их достижения. Так что зависимость истории от философии относительна и опосредована. На практике видные историки были знакомы с существовавшими философскими системами и применяли их положения при исследовании прошлого, но это была не зависимость, а средство для повышения эффективности исследования.

Следует иметь в виду, что зачастую историков так же мало интересуют тонкости философских построений, как философов — специфика исторических исследований. Поэтому выход и полезность философских концепций для исторических исследований относительны. Но имеются поразительные примеры взаимопомощи обеих наук, содружества философов и историков. Столичный философ Л. В. Гулыга известен своими крупными историческими трудами, а томский философ Г. М. Иванов внес в развитие исторической науки не меньший вклад, чем в развитие философии.

Далее будут рассмотрены некоторые философские концепции, оказавшие определенное влияние на историческую науку.

140

2. Рационализм — теоретическая основа Просвещения

Теория естественного права. Разложение феодальных и становление капиталистических отношений обусловили развитие в XVIII веке широкого и многопланового идейного движения — Просвещения. Экономически окрепшая буржуазия выдвинула ученых и писателей, которые своими произведениями подрывали идеологические основы феодализма; впоследствии Н. И. Кареев скажет, что это был «гигантский арсенал, в котором ковалось оружие для штурма старой Франции».

Просветители исходили из теории естественного права. Они считали, что люди наделены природой естественными правами: на свободу, равенство, частную собственность и др. По образному замечанию Ж.-Ж. Руссо, никто не рождается со шпорами на ногах или с седлом на спине. Поскольку естественные права в феодальном обществе нарушались, просветители считали его неразумным. Они полагали необходимым построить новый (фактически буржуазный) мир, в котором эти права будут соблюдаться. Для создания построенного на началах разума рационального (от лат. ratio — разум) общества люди должны избавиться от невежества, стать просвещенными и понять необходимость установления такого общества, и это, прежде всего, относится к правителям (отсюда требование «просвещенного абсолютизма»).

В течение XVIII века мыслители поднимаются от бывшего представления об истории как узкопрагматической и развлекательной дисциплине, дающей отдельные полезные картины прошлого, до понимания

ее как науки, которая «не заслуживала бы названия науки, если бы ей на помощь не пришла философия»¹. В вышедшей в 1751—1780 годах знаменитой Энциклопедии история трактуется, как могущие быть полезными для человечества сведения о событиях прошлого; история позволяет осмыслить опыт прошлого и особенно полезна для государей, она важна и для нравственного совершенствования человечества².

141

Согласно английскому просветителю лорду Г. Болингброку, история воспитывает как патриотизм, так и национальную, расовую, религиозную терпимость³.

Теории прогресса. Просветители окончательно сорвали с истории покровы святости, изгнали из нее потусторонние и сверхъестественные силы: история — это прошлое людей, и она связана только с их характерами, желаниями, страстями, предрассудками, любимыми деяниями.

Просветители тематически и географически расширили круг изучаемых проблем, создавая «универсальные», то есть всемирные, всеобщие истории (лат. *universalis* — всеобщий), которые еще представляли собой не связанные внутренним единством «копилки» исторических фактов. Однако некоторые просветители, не ограничиваясь кропотливым сбором фактов, стремились обнаружить логику, причины, закономерности описываемых событий: «естественные законы» истории должны были также выбить почву из-под ног у провиденциализма.

Глобальное значение имели теории прогресса, в которых история человечества рассматривалась как закономерное поступательное движение по восходящей линии. Историко-философские построения, основанные на теории прогресса, во Франции выдвигались рядом просветителей, в том числе Ф. Вольтером, который, по мнению А. С. Пушкина, «первым пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории»⁴. Они нашли завершение у Ж. Л. Кондорсе (1743—1794) и особенно обстоятельно были разработаны немецким просветителем И. Г. Гердером (1744—1803).

142

Главный историософский труд представителя младшего поколения энциклопедистов Кондорсе был написан в 1794 году накануне самоубийства в якобинской тюрьме. Прогресс разделен Кондорсе на 10 эпох, каждая из которых представляет шаг вперед в эволюции человечества, и связан с развитием разума. Среди тормозящих прогресс причин — отвращение

¹ Шиллер Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения // Собр. соч.: В 7 т. М., 1956. Т. 4. С. 19, 27.

² См.: История в Энциклопедии Дидро и Даламбера. Л., 1978.

³ Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В Ют. М.; Л., 1949. Т. 10. С. 95.

невежд к новшествам, физическая и особенно умственная лень, употребление табачных и алкогольных изделий, наркотических средств и почти все известные религии ¹.

Друг Гёте и энциклопедически образованный человек, Гердер завершил свой фундаментальный труд в 1791 году. Исходя из возможности проследить прогресс при изучении значительного временного периода, Гердер на базе современных ему знаний смело нарисовал картину возникновения Земли, жизни на ней, развития человеческого общества до XIV века. Прогресс проявляется в росте культуры всех народов и носит не прямолинейный, а противоречивый характер ².

Труд Гердера владел умами в течение нескольких десятилетий — вплоть до появления гегелевской «Философии истории».

3. *Историография романтизма*

Понятие, течения. Под романтизмом понимается господствовавшее в первой трети XIX века сложное по составу и многоплановое идеологическое течение, общим признаком которого была идеализация, или романтизация, прошлого, главным образом Средневековья. Романтизм наложил отпечаток на литературу, искусство, философию, политэкономия, право, по прежде всего— на историческую мысль.

Романтизм, родоначальниками которого были французский дворянин-эмигрант Ф. Р. Шатобриан и немецкий барон Гарденберг (литературный псевдоним Новалис), возник в самом конце XVIII века как орудие европейской реакции.

143

Реакционные дворянские романтики пытались доказать, будто идеи Просвещения полностью обанкротились в ходе оказавшейся якобы бесплодной Великой французской революции, воспедали принесшие им привилегии Средние века.

Приблизительно с 1820-х годов под модифицированным романтическим знаменем против реакционного дворянства все активнее выступает либеральная буржуазия. Синтезируя просветительские идеи с романтическими, либеральные романтики также обращаются к истории, с ее помощью показывая, как в Средние века возникла и сколь крупную роль сыграла буржуазия, и используют историю как орудие борьбы за ее господство.

Основные заслуги романтической историографии в прогрессе исторической мысли следующие: внесен решающий вклад в становление историзма как принципа мышления и исследования, достигнуты большие

¹ Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М, 1936.

² Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М, 1979.

успехи в развитии источниковедения, заложены основы теории классовой борьбы.

«Теория завоевания». Поскольку историзм складывался в XVIII веке постепенно и решающий вклад в его становление внесли романтики, после чего он стал главным исследовательским принципом профессиональных историков, мы рассмотрим его в специальной лекции о принципах исторического исследования.

Поскольку, далее, источниковедение также складывалось постепенно и об огромном вкладе Л. Ранке в его развитие уже шла речь в лекциях по методологии источниковедения, мы ограничимся здесь рассмотрением «теории завоевания» как предшественницы, по Марксу, теории классовой борьбы.

Эту теорию называют также «романо-германской проблемой», «теорией двух рас или народов», а наиболее полное ее название — «теория возникновения общественного неравенства в результате завоевания».

Она была тщательно разработана в вышедшем во Франции с 1727 года труде графа Буленвилье и сводилась к следующему: в результате завоевания германским племенем франков романизированной Галлии победители-франки превратились в господ, в дворян, в феодальную аристократию, а побежденные галлы стали зависимыми крестьянами, простонародьем, позже — третьим сословием.

144

Буленвилье обосновывал и оправдывал феодальный строй как исторически сложившийся и потому естественный.

В модифицированном виде старая теория всплыла в 1814—1815 годах в трудах графа Монлозье, которые взволновали французскую общественность: далеким прошлым можно было оправдать либо осудить современность — Реставрацию Бурбонов. Идеологи либеральной буржуазии, исходя из этой же теории, доказывали: так как «старый порядок» утвердился в результате военного насилия франков над галлами, то он был незаконен и незаконно его полное или частичное восстановление при Реставрации.

4. Господство позитивизма

Возникновение и сущность позитивизма. Родоначальником позитивизма и автором самого термина «позитивизм» был французский ученый Огюст Конт (1798—1857). Он занимался сначала точными науками, затем стал философом и социологом. Конт отстаивал право на существование социологии как самостоятельной науки и первым назвал науку об обществе «социологией» (лат. *societas* — общество), введя этот термин в научный оборот. Главным сочинением Конта был 6-томный «Курс позитивной философии», вышедший в свет в 1830—1842 годах.

Конт назвал свою философскую систему «позитивистской», то есть «положительной» (лат. *positivus* — положительный), так как это отвечало сущности его взглядов. До возникновения позитивизма в общественных науках царил спекулятивный (умозрительный) метод с мелочным фактоописанием, история объяснялась действиями отдельных лиц, законы исторического развития не были известны. Математику Конту такой подход претил. Но законы были ранее открыты в естественных науках, математике, физике, биологии. Конт пытался создать позитивную, положительную, точную — подобно естественным — общественную науку и выяснить законы развития общества. Историки должны были поставлять факты социологам.

145

Конт считал, что человеческое общество является прямым продолжением природы; человек сближался с другими живыми существами¹, общество — с природой, например, железные дороги сравнивались с кровеносной системой живого организма. Отсюда вытекало, что общественные законы тождественны законам естественных наук, в частности биологии. Как в биологии, по Конту, различают анатомию и физиологию, в социологии надо различать статику и динамику: статика изучает строение общественного организма и условия его существования на данном этапе, динамика — его функционирование, развитие или эволюцию (именно эволюцию, так как развитие общества Конт рассматривал как плавное движение без конфликтов и скачков от примитивного состояния к более сложным общественным формам).

На эволюцию общества влияют, ускоряя или замедляя ее, различные факторы: политический, экономический, географический, социальный, биологический, психологический, идеологический, эмоциональный и др. Исследователь прошлого должен заниматься всеми этими равнозначными и одновременно действующими факторами, выясняя влияние на исторический процесс личности и плотности населения, климата и хозяйства, а также других факторов — в этом сущность позитивистской множественной (плюралистической) «теории факторов».

Формально не отдавая предпочтение ни одному из факторов, историки-позитивисты, однако, в своей исследовательской практике обычно выделяли один из них, преувеличивая его значение. В связи с этим в позитивистской историографии различают ряд школ: «социального дарвинизма», «неомальтузианства», «социальной психологии», «экономического материализма» и др. Это выделение одного фактора характерно и для классического произведения позитивистской историографии — труда

¹ Теоретик позднего позитивизма французский ученый И. Тэн (1828—1893), который свой главный исторический труд написал для заведомого развенчания Великой французской революции, сравнивал якобинцев — в духе позитивизма — с кровожадной гориллой, которая вырвалась из клетки и с помощью ужасов террора и гильотины крушила все до тех пор, пока ее не загнали обратно в клетку, на чем революция-де и завершилась (Тэн И. Происхождение современной Франции: В 4 т. СПб., 1907).

английского исследователя Г. Т. Бокля.

146

Г. Т. Бокль как классик позитивизма. Наследник зажиточного буржуа, ученый-либерал Г. Т. Бокль (1821—1862) задумал написать историю мировой цивилизации, но успел к 1861 году лишь завершить опубликование фундаментальной «Истории цивилизации в Англии». Написанная в эпоху расцвета британского мирового первенства, книга Бокля проникнута оптимизмом и верой в прогресс. Убежденный в том, что история — великая и благороднейшая наука, Бокль, однако, подчеркивает ее отставание от естественных наук. Оно проявляется в неспособности открытия законов и объясняется сложностью предмета истории и недостаточной квалификацией историков.

Задачу своего исследования Бокль видит в обнаружении законов истории. На примере Англии и ряда других стран Бокль доказывает, что главным фактором прогресса европейской цивилизации было интеллектуальное развитие. Он пишет: «Политическая история каждой страны может быть объяснена историей ее умственного развития»¹. Разные стороны исторического процесса интересуют Бокля преимущественно с одной точки зрения: как они сказались на росте интеллектуального потенциала страны. Именно под этим углом зрения он рассматривает правления Елизаветы Тюдор, Стюартов, Вильгельма III, первых Ганноверов. Так, он показывает, что крушение политики Георга III объясняется тем, что последний тормозил умственный прогресс в Англии. Видя в умственном развитии базис истории Европы, Бокль стремился отыскать законы человеческого ума. Он пришел к выводу, что предпосылкой и двигателем умственного прогресса являются сомнение и скептицизм: когда на смену слепой вере приходит сомнение, то зарождаются пытливість, тяга к исследованию, знание и наука. Однако причины зарождения сомнения идеалист Бокль не сумел вскрыть и обосновать.

147

«История цивилизации в Англии» была переведена на все европейские языки. В России, где перевод огромной книги Бокля был осуществлен уже в 1862 году, до 1914 года вышло около 30 ее изданий.

Расцвет и общая оценка позитивизма. Возникнув в 1830—1840-х годах, позитивизм получил в последующие десятилетия XIX века самое широкое распространение и царил почти безраздельно и в странах Запада, и в России. Превращение истории в «царицу наук» было связано, прежде всего, с успехами позитивистской историографии. Включив экономику в «теорию факторов», позитивизм способствовал повороту внимания историков к социально-экономической проблематике. Очень велик был вклад

¹ Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1866. С. 419.

позитивистов в дальнейшую разработку методов источниковедческого анализа. Л. Ранке, начавшего писать в эпоху романтизма, но творившего преимущественно в позитивистскую эру, называют «отцом исторической критики», он был также родоначальником широкого использования архивных материалов в качестве источников. Велик был вклад позитивистов и в развитие статистического и сравнительно-исторического методов. Крупного позитивиста Ж. Кегле (1796—1874) называют «отцом современной статистики».

К концу XIX века позитивизм находился в зените, казалось, что поступь позитивистского Командора неостановима. Своеобразным апогеем позитивизма в историографии явился лекционный курс «Введение в изучение истории», прочитанный Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом в Сорбонне в 1897—1898 годах, через год он уже был опубликован и в России¹.

Однако в конце XIX века позитивизм подвергся жесткой критике как нечто устаревшее; основной поток критики шел из Германии, где родившийся во Франции позитивизм никогда не имел широкого распространения. (Ещё раньше резко критиковали позитивизм основоположники марксизма, но надо помнить, что они не писали ни историю философии, ни историю исторической мысли, а вели борьбу с системой воззрений, мешавшей распространению их собственного учения.)

148

Для правильной оценки места позитивизма в историографии следует иметь в виду ряд обстоятельств. Развиваясь в течение нескольких десятилетий и преимущественно правая, позитивизм не являлся цельным учением: он был многопланов, включал разные течения и школы, имел разные теоретические оттенки и разную политическую направленность в разных странах и у разных его представителей. Историки-позитивисты могли исходить не из всей совокупности позитивистской философии, отбрасывая ее слабости, схематизм, упрощенчество.

Сближая естественные науки с общественными, в частности с исторической, позитивисты не подчеркивали специфичность последней, что делало невозможным понимание многих явлений прошлого. Кажется, допустимо сравнение: подобно древним грекам в искусстве, позитивисты в историографии — с высоты современных представлений — были «гениальными детьми» (по А. Я. Гуревичу — «наивными»).

Специфику истории позже начали подчеркивать другие ученые.

¹ Непреходящее значение позитивистской историографии привело к факсимильному переизданию этого труда (М., 1995). «В первой половине XX века большую часть своих позиций все еще сохранял позитивизм (да и ныне было бы опрометчиво полагать, что это пройденный, преодоленный этап развития исторической мысли)» (Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 109).

5. Марксистский исторический материализм

Хотя позитивистская и марксистская философии сложились и развивались в странах Западной Европы параллельно и почти одновременно, их собственные исторические судьбы и влияние на историописание существенно различались как в XIX, так и в XX веке. Обе философские системы возникли приблизительно к середине 1840-х годов, развивались во второй половине столетия, подверглись жесткой критике во второй половине 1890-х годов («методологическая дискуссия» и выступление Бернштейна), но влияние позитивизма на историков было в XIX веке неизмеримо большим, чем марксизма, а в XX веке марксизм в догматизированной модификации безраздельно царил только в «социалистическом лагере».

149

Становление марксизма. Выходцы из Германии, К. Маркс (1818 - 1883) и Ф. Энгельс (1820 -1895) значительную часть жизни прожили в Англии, ставшей после завершения промышленного переворота мировым лидером, намного опередившим другие страны. Развитие капитализма и классовой борьбы в Англии сказалось на творчестве основоположников марксизма.

Маркс и Энгельс создавали свое учение в течение полувека. Их взгляды зародились в 1842—1843 годах, «Немецкая идеология» была написана «для уяснения вопроса самим себе» в 1845-1846 годах (опубликована в 1932 году), первое систематическое изложение марксизма дано в «Манифесте коммунистической партии» (1848), чеканная формулировка марксизма содержится в Марксовом предисловии к «Критике политической экономии» (1859). С появлением «Капитала» (1-й том — 1867) материалистическое понимание истории оказалось научно доказанным, его систематическое изложение содержится в энгельсовском «Анти-Дюринге», а самый термин «исторический материализм» впервые появился и был включен Энгельсом в научный оборот во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» (1892).

Распространявшийся с 1870-х годов вширь, исторический материализм воспринимался многими как вульгарный материализм, так что Энгельсу в начале 1890-х годов пришлось разъяснять действительное соотношение между базисными и надстроечными явлениями (особенно в письме к Блоху в 1892 году).

Основы учения. Маркс и Энгельс считали, что конечной причиной и решающей движущей силой общественного развития является экономика, производство. Это развитие обуславливает восхождение общества по ступеням роста производительности труда, которые они называли общественно-экономическими формациями. Восхождение совершается в процессе классовой борьбы в результате революционного разрешения конфликта между развивающимися производительными силами и

тормозящими это развитие старыми производственными отношениями.

150

Классовая борьба приводит к установлению диктатуры пролетариата, которая обеспечивает переход к бесклассовому социалистическому и коммунистическому обществу.

Основоположники марксизма подчеркивали творческий характер их учения как руководства к действию, необходимость его дальнейшего развития, недопустимость превращения в догму.

Судьбы учения. Будущее показало, что марксизм действительно подлежал развитию и усовершенствованию уже потому, что в нем имелись три компонента: а) непреходящий, состоятельный до наших дней (например, важнейшая роль производства); б) преходящий — состоятельный при Марксе и Энгельсе, но потерявший силу при последующих изменениях условий и состояния общества (скажем, современный рабочий по характеру его труда и даже по внешнему облику иной); в) несостоятельный с самого начала (прежде всего, тезис об абсолютном обнищании рабочего класса, которому-де нечего терять кроме своих цепей и который неизменно революционен).

Опираясь на изменившуюся обстановку, взгляды Маркса и Энгельса подверг пересмотру Э. Бернштейн, ортодоксы же во II Интернационале критиковали ревизионистов весьма умеренно (по оценке К. Каутского, «Бернштейн заставил нас думать, будем ему за это признательны»).

В советскую эпоху марксизм в догматизированном виде стал государственной идеологией, и историописание было возможно лишь на его «гранитной основе»¹.

В постсоветское время при плюрализме подходов марксизм был сначала подвергнут разгрому, особенно со стороны публицистов, но затем установились более взвешенные оценки², так что иные историки до сих пор используют марксистскую философию в качестве основы своих построений (в частности, как уже отмечалось, на ней зиждется вышедшая в 2001 году «Методология истории» В. Ф. Колумийцева).

151

Из вышеизложенного видно, что в 1890-х годах марксизм и господствовавший в XIX веке позитивизм были подвергнуты жёсткой критике. «В XX столетие историческая наука вошла с позитивистским опытом и, отталкиваясь от него»³. Когда возможности дальнейшего прогресса позитивистской историографии оказались исчерпанными,

¹ Естественно, Маркс так же непричастен к превращению его взглядов в икону в советское время, как Аристотель — к аналогичному превращению его воззрений средневековыми схоластами.

² См. особенно: Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3—33.

³ Ястребицкая А. Л. Предисловие // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 16.

историософы стали искать пути дальнейшего развития нашей науки. Этот выход был найден уже на рубеже XIX—XX веков — независимо друг от друга и почти одновременно — неокантианцами (преимущественно в теоретическом аспекте) и предшественниками школы «Анналов» (в теоретико-практической историографии). Но о них мы поговорим в следующей лекции.

Лекция одиннадцатая ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИОПИСАНИЮ В XX ВЕКЕ

План

1. Неокантианский прорыв.
2. Теоретические основы и характерные черты методологии «Анналов».
3. Постмодернизм в истории.

Литература

Афанасьев /О. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка (любое изд.).

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV -XVIII вв.: В 3 т. М., 1986—1992.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. 1. Роль среды. М., 2002.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» М., 1993.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Томск. 2001—2003. Вып. 1, 2.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология, XX век: Антология. М., 1995.

Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002.

Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

155

1. Неокантианский прорыв

Предшественники. В конце XIX века у историсофов возникло ощущение неблагополучия в исторической науке: теоретическими постулатами позитивизма стало невозможно объяснить все расширяющуюся историографическую практику, родилась идея своеобразия исторического познания, его несводимости к естественно-научному познанию, пробивала себе дорогу мысль о специфике познавательных основ исторической науки.

Об этом писали Н. И. Кареев, В. Дильтей, Э. Дюркгейм, но важнейшее обоснование особенностей исторического познания дали философы-неокантианцы.

Термин, основатели. Каково происхождение термина «неокантианцы»? Просветители (рационалисты) XVIII века были уверены во всемогуществе разума, и эта точка зрения продолжала господствовать в XIX веке. Однако И. Кант еще в конце XVIII века доказывал, что ни чувством, ни разумом человек не может достоверно познать существующую вне его объективную реальность: она остается «вещью в себе». Столетие спустя, в конце XIX века, кантовская критика разума возобновилась в течении неокантианства под лозунгом «Назад к Канту!» Имелось несколько неокантианских школ, но на историческую науку наибольшее влияние оказала баденская, или фрайбургская, школа неокантианцев — от названия южногерманской земли Баден, где находился Фрайбургский университет, в котором трудились основатели этой школы Вильгельм Виндельбанд (1848—1915) и Генрих Риккерт (1863—1936), а затем и неокантианец Макс Вебер (1864—1920).

Концепция. Изучая в конце XIX века в свете кантовской критики разума его познавательные возможности, Виндельбанд и Риккерт разделили все науки по их методам познания на две группы: науки о природе с обобщающим (генерализирующим) методом и науки о культуре — среди них история — с индивидуализирующим методом. Как уже упоминалось, первые могут выводить законы и являются номотетическими, вторые — лишь описывать, это науки идиографические.

156

Как будто отвергая в целом «вещь в себе», основатели баденской школы акцентировали кантовскую критику разума применительно к историческому познанию следующим образом: поскольку история занимается единственным, уникальным, неповторимым, то законы устанавливать не может и в состоянии лишь описывать их в хронологической последовательности в упорядоченном и систематизированном виде.

Такая постановка вопроса таила в себе опасность превращения истории в субъективистское изложение историка и лишения ее статуса науки, и эту угрозу Виндельбанд и Риккерт хорошо понимали.

Чтобы избавиться от опасности вторжения в историю субъективистского произвола, основатели баденской школы выработали учение о ценности. Они различали ценность и оценку. Ценности — категории сознания, принимаемые всеми (общезначимые) и имеющие градационную шкалу: высшими ценностями являются религиозные, за которыми по убывающей следуют эстетические, этические, логические. Согласно Риккерту, «благодаря этой всеобщности культурных ценностей и уничтожается произвол исторического образования понятий, на ней, следовательно, покоится его "объективность"»¹. В отличие от ценности, оценка субъективна, так как, подчеркивал Риккерт, представляет собой

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология, XX век: Литология. М., 1995. С. 89.

пристрастную похвалу или осуждение¹. Еще раз: касающаяся всех ценность объективна, зависящая от пристрастий одного лица оценка — субъективна.

Развивая идеи основателей баденской школы, крупный немецкий ученый Макс Вебер, в течение полувека их современник, учившийся с Риккертом в одной гимназии и с середины 1890-х годов также преподававший в Фрайбургском университете, несколько сгладил резкость деления наук на номотетические и идиографические, а главное — продолжил попытки приблизить изложение историка к объективному, создав учение об идеальном типе (идеально-типических понятиях). Идеальный тип — я бы назвал его «образцовым обобщением» — это не реально-историческое явление, а научная абстракция, мысленная модель, мыслительная конструкция, которую можно использовать для «приблизительного и вероятностного объяснения», для выработки «принципов рациональной реконструкции»².

157

Концепция идеального типа сложилась накануне Первой мировой войны, получила множество различных трактовок и была принята ученым миром лишь в последние десятилетия минувшего века.

Значение. Несмотря на неоднозначность неокантианских взглядов, их влияние на развитие исторической мысли огромно, они стали базисными — той «печкой», от которой «танцуют» последующие поколения историков. Выступление неокантианцев фактически вызвало появление методологии истории, которая отныне преподается в университетах. Значение этого прорыва известный отечественный историк характеризует так: неокантианское течение «в XX веке явилось наиболее продуктивным для теории и практики исторической науки». И далее: «Это была подлинная революция в историческом познании; рождение современного исторического знания можно датировать временем появления работ неокантианцев»³.

2. Теоретические основы и характерные черты методологии «Анналов»

Сциентизация. В течение всего XX века историки стремились радикально модернизировать теоретико-методологические основы своей дисциплины. Модернизация проходила под лозунгом «сциентизации» (от лат. *scientia* — наука). Лозунг сциентизации означал придание истории более научного характера. Сциентизация осуществлялась путем заимствования исторической наукой методов других наук.

¹ Там же. С. 83.

² Патрушев А. И. Макс Вебер и германская буржуазная историография в эпоху империализма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. С. 28—29.

³ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 43, 114.

Сциентизированная историческая наука в разных странах называлась по-разному: новая история, новая научная история, новая историческая наука, новая социальная наука и др. Самым сциентизированным направлением исторической мысли XX века стала французская школа «Анналов» (один из ее позднейших лидеров Жак Ле Гофф выступал против слова «школа», отстаивая термин «направление»).

Теоретические подходы. Доминируя в исторической мысли большей части XX века, школа «Анналов» не была однородна, воспринимала менявшиеся сторонние воззрения, но в основном вырабатывала свою теоретическую базу сама. Философско-мировоззренческие подходы «анналистов» создавали не столько философы (этнолог Клод Леви-Строс, социолог Э. Дюркгейм, более близкие предшественники основателей школы Франсуа Симиан и Анри Берр), сколько сами лидеры школы.

Видный отечественный историк, автор основательной книги об «Анналах» Ю. Н. Афанасьев обоснованно, хотя и несколько категорично, определил место структурализма в научной базе «Анналов» так: «Наиболее важные мировоззренческие установки... развивались в русле традиций позитивистского мышления... Однако главным и определяющим весь спектр вариаций и задач исследования стал для школы "Анналов" структурный подход»¹.

Зарождение идей «Анналов». В 1903 году Франсуа Симиан опубликовал работу «Методы истории и социальные науки». «Симиан придерживался точки зрения, что все гуманитарные дисциплины должны объединиться в единую социальную науку и подчиниться правилам социологического подхода. Историкам предлагалось отвернуться от единственного, случайного (индивид, событие, происшествие), дабы углубиться в то, что только и могло быть объектом научного исследования: повторяющиеся, регулярные процессы, которые можно вскрыть, чтобы из них выводить законы»².

Этими исходными задачами определялись и методы социальной истории: с помощью вычленимых серийных явлений и соответствующих источников изучить их эволюцию во времени и установить законы этой эволюции.

В 1920-х годах во Франции же Анри Берр выдвинул идею исторического синтеза. Анализом деятельности человека основательно занимались уже позитивисты, теперь была поставлена задача синтезировать разноаспектную деятельность человека.

¹ Афанасьев Ю. И. Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопр. истории. 1981. № 9. С. 86.

² Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей: Человек в истории, 1996. С. 111.

Так методологические поиски привели к рождению во Франции школы «Анналов». Первый номер журнала «Анналы», давшего название школе, вышел в 1929 году.

Периоды деятельности «Анналов». В 1989 году в Москве состоялась весьма представительная международная конференция, посвященная 60-летию журнала «Анналы»¹. Журнал продолжает выходить и сейчас.

За это время смещались акценты, менялись лидеры школы, И, в известной мере, даже некоторые ее основные положения.

Различают 3 периода в деятельности «Анналов»:

1) 20 -40-е годы, лидеры — Марк Блок и Люсьен Февр;

2) 50 -60-е годы — время расцвета школы, руководитель — Фернан Бродель;

3) с 1970-х годов, когда молодыми директорами журнала стали Эммануэль Ле Руа Ладюри, Жорж Дюби, Жак Ле Гофф.

Хотя облик школы «Анналов» за эти десятилетия менялся, существует несколько присущих ее методологии черт.

Характерные черты методологии. 1. *Изучается не «событийная история», а серийные процессы большой длительности (макроистория).* Из единичных событий невозможно извлекать выводы и делать обобщения, но многие явления, происходившие на протяжении десятилетий и столетий, можно подсчитать, проследить их эволюцию, выявить повторяющиеся серии и попытаться установить закономерности.

160

Так, по записям в церковных книгах рождений, браков и смертей выявляется демографическая динамика; подлежат выяснению с помощью исторической географии изменения в среде обитания человека, а также в климате; можно и должно изучать экономические процессы: движение цен, зарплат, торговый обмен, кризисы, развитие техники, колонизацию; ментальные процессы (лат. *metis* — дух): историческую антропологию, психологию, умонастроения, культуру. Меньше всего «анналисты» интересовались традиционными политическими событиями.

2. *Центр тяжести в исторических исследованиях переносится с отдельных личностей-индивидов на социальные структуры*, то есть социальные группы, сообщества людей: территориальные (деревня, пригород, городской квартал), профессиональные (скажем, ремесленный цех на протяжении столетий), сословно-классовые.

3. *Выдвигается идеал глобальной* (от лат. *globus* — шар) или тотальной (от лат. *totalis* — весь, целый) *истории*. Глобальная (тотальная) история означает всестороннее и многоплановое изучение человеческого общества как единой системы, «главными компонентами которой являются условия материальной жизни, экономика, социальные структуры и все

¹ Её работа отражена в сборнике «Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы "Анналов"» (М., 1993).

проявления духовной жизни»¹, а также общественный человек во всех его жизненных проявлениях — его производственная жизнь, семейная жизнь, быт и нравы, ментальность и даже жизненная среда, или среда обитания. Такое изучение включает анализ и синтез, причем новизна у «анналистов» не в анализе — им занимались и ранее, например позитивисты, — а в синтезе, точнее в историческом синтезе.

4. Вводится множественность методов исследования. Естественно, что всестороннее и многоплановое изучение объекта с помощью не только анализа, но и синтеза предусматривает полидисциплинарность. Историк должен знать и использовать в своей исследовательской практике методы смежных и несмежных наук — субдисциплин, от исторической географии и климатологии до психологии и математики.

161

Необходимость смены подходов. Зародившись в начале XX века, новая социально-структурная история с ее авангардом - школой «Анналов» доминировала в мировой исторической науке в течение большей части столетия. Она радикально расширила исследовательскую проблематику, обусловила появление ряда субдисциплин и, соответственно, новых методов вплоть до математических и несколько приблизила историческую науку к заветному идеалу — выяснению закономерностей исторического развития.

Но, подобно позитивизму в конце XIX века, новая социально-структурная история («Анналы») приблизительно к 1980-м годам в известной мере исчерпала свои прогрессивные возможности. Гениальные историки-энциклопедисты, которые вслед за Броделем могли бы выяснять картину развития мира на протяжении столетий, в массовом порядке не нарождались. Служители ставшей полидисциплинарной Клио — от климатологов и этнографов до психологов и математиков — переставали понимать друг друга, и еще меньше их понимали читатели-непрофессионалы. Забвение «событийной истории» обернулось на исторической ниве дремучим невежеством школьников.

Стала очевидной необходимость новых философско-мировоззренческих подходов к историописанию. Появление — наряду с макроисторией — микроистории не могло решить проблему. В этой обстановке возник постмодернизм.

3. Постмодернизм в истории

Приблизительно с 1970-х годов в гуманитарных науках, в частности истории, складывается система взглядов, которая получила разные названия, каждое из которых, однако, помогает понять ее содержание.

Термины-названия. Постмодернизм (самое распространенное

¹ Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М., 1980. С. 47.

название): царившая ранее «новая история» «Анналов» и других школ считалась современной — «модерновой», поэтому позже, после модерна — постмодерн (лат. post — после).

162

Сходно происхождение названия постструктурализм: после структурализма. Название лингвистический поворот: новейшие веяния пришли из лингвистики и литературоведения и тесно с ними связаны. Название метаистория: так именуется главный труд лидера постмодернистов Хейдена Уайта и дословно означает «после истории» (греч. meta — после). Реже встречается название «семиотический вызов».

Все эти названия — самоназвания: они выдвинуты самими представителями постмодернизма, призваны подчеркнуть разрыв с традиционными взглядами и стремление осуществить в исторической науке постмодернистскую революцию.

Становление теоретические постулаты. Хотя зарождение постмодернизма относят к 1960-м годам более определённой датой его рождения можно считать 1973 год, когда в США появилась новаторская книга родоначальника и признанного лидера постмодернизма Хейдена Уайта «Метаистория».

Постмодернисты пришли в историческую профессию преимущественно из лингвистики и литературоведения. Среди них нет историков-профессионалов, решительно преобладают американские теоретики и историки литературы.

Исходные постулаты постмодернистов направлены против привычных нам традиционных основ исторической науки, согласно которым историк изучает прошлое по проанализированным источникам и на их основе создает свое повествование. Постмодернисты критикуют эту историю и изображают себя ее реформаторами и даже революционными ниспровергателями.

Основное внимание постмодернисты обращают на завершающую стадию работы традиционных историков — на их рассказ, письменное повествование. Базовый тезис «Метаистории» Х. Уайта: история является «письмом», то есть письменным текстом (другого автора), который исследователю и надлежит изучать. Главным объектом интереса постмодернистов является не прошлое, а результат деятельности традиционных историков — их авторские тексты: язык этих текстов, жанр, стиль, построение сюжета (фабула, интрига) и т. п., то есть форма изложения. Эта форма для них главное.

163

В рассуждениях постмодернистов решительно преобладает не конструктивное начало (выяснить, как выглядело прошлое), а разрушительная сторона: показать ущербность созданных традиционными

историками описаний прошлого. И здесь — корни убедительности иных построений метакритиков-филологов, которые действовали, так сказать, на своем поле и с помощью своего инструментария (ведь у историков нет своего отдельного профессионального языка) и в завязавшемся споре были лучше вооружены.

Конечно, всякая форма влияет на содержание, форма исторического произведения — на его содержание. Но постмодернисты обращают главное внимание на форму и утрируют ее значение, у них даже возникло словосочетание «содержание формы» (у Уайта есть специальный труд «Содержание формы»).

Практика. Постмодернизм был встречен традиционными историками в штыки. Он вступил в полосу зрелости и получил признание ученого сообщества историков лишь после того, как на базе его теоретических постулатов появились конкретно-исторические труды. Это произошло в 1980 — 1990-х годах, когда состоятельность тезиса постмодернизма о радикальном влиянии формы текста на его содержание была подтверждена анализом произведений ряда видных историков.

Постмодернисты исследовали тексты, прежде всего европейских, преимущественно французских, историков-романтиков 1830—1850-х годов: Луи Блана, Франсуа Гизо, Франсуа Кенэ, Альфонса Ламартина, Жюль Мишле, Адольфа Тьера, Огюстена Тьерри, Алексиса Токвиля. Почему постмодернисты взяли для анализа произведения историков именно этого времени? Очевидно, потому, что в ту пору история только что отпочковалась от литературы и превратилась в науку и историческая достоверность нередко приносилась в жертву занимательности и яркости изложения, то есть постмодернистам легче было найти сюжеты для своей метакритики.

Впрочем, споры между метаисториками и традиционными историками не утихают и в начале нового тысячелетия.

164

Общая оценка. У постмодернистов имеются некоторые заслуги перед исторической наукой. Они вновь привлекли внимание историков к трудностям их ремесла, в частности методологии истории: к «непрозрачности» источника, близости нарратива (от лат. *narratio* — рассказ, повествование) к литературному повествованию; будучи сами лингвистами и литературоведами, они несколько усовершенствовали анализ исторических текстов и напомнили историкам о необходимости анализа собственной деятельности.

Однако, подчеркивая и утрируя трудности исторического познания, обращая преимущественное внимание на лингвистическую и стилистическую близость рассказа литератора и историка, доказывая, что историк так же суверенно творит свое повествование, как имеющий право на вымысел автор художественного произведения, постмодернисты — если довести их точку зрения до логического завершения — грозят разрушить

основы исторической науки.

В своем метаисторическом разрушительном азарте и в завышенном представлении о собственных заслугах постмодернисты в чем-то подобны насекомым, норовящим покопаться в обнаженной запущенной ране. Главная заслуга метаисториков не столько в том, что они лечат рану, сколько в том, что напоминают раненому о необходимости продолжить лечение. След, который оставляют в исторической науке постмодернисты, неизмеримо меньше сделанного их предшественниками — социально-структурными историками, в частности школой «Анналов».

Мы завершили рассмотрение философско-мировоззренческих подходов к историческим исследованиям. Разумеется, мы говорили лишь о важнейших системах, повлиявших на историческую науку, не характеризуя другие системы, в частности экзистенциализм, презентизм, неопозитивизм, религиозные подходы. Исследователь сам выбирает наиболее приемлемую для него философскую систему.

165

Однако наряду с избираемыми философскими подходами существуют обязательные для профессиональных историков принципы исследования. Мы рассмотрим эти исследовательские принципы в следующей лекции.

166

Лекция двенадцатая ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

План

1. Что такое исследовательские принципы?
2. Принцип историзма.
3. Принцип объективности.
4. Принцип причинности.

Литература

- Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987.
- Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке: Пер. с англ. М., 1962.
- Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Поли. собр. соч. Т. 12.
- Могильницкий Б. Г. Марксистский и буржуазный историзм: (Опыт сравнительного анализа) // Вопр. истории. 1982. № 7.
- Петров Ю. В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972.
- Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.
- Шмидт С. О. Историзм мышления // Наука убеждать. М., 1969.

1. Что такое исследовательские принципы?

Необходимо различать:

- а) философско-мировоззренческие подходы к историческому исследованию (им была посвящена предыдущая лекция),
- б) ведущие принципы исследования,
- в) методы, или конкретные способы исследования.

Сегодняшняя лекция посвящена исследовательским принципам. В методологической литературе даются разные дефиниции этих принципов и приводится разное их количество.

169

Мы будем далее понимать под принципами исторического познания твердые установки, которыми историк должен руководствоваться в своей исследовательской работе для ее оптимальной эффективности.

Ю. Н. Афанасьев насчитал в советской историографии 17 принципов марксистского исследования, П. А. Мининков рассматривает 5 принципов (научность, объективность, историзм, холизм и системность, ценностный

подход, или историческую аксиологию).

Мы полагаем целесообразным охарактеризовать три ведущих принципа: историзм, объективность, причинность. Они, соответственно, составляют разделы плана этой лекции.

2. Принцип историзма

Дефиниция. *Историзм — принцип мышления и исследования, предусматривающий рассмотрение всех предметов и явлений в их развитии, или в их истории, то есть выяснение того, как они возникли, менялись и стали нынешними; основные требования принципа историзма — рассматривать явления конкретно-исторически, представлять себе эти события теперь так, как они выглядели тогда, и благодаря этому исключать модернизацию, то есть осовременивание прошлого.*

Рассмотреть «французский абсолютизм» с позиций историзма значит не просто дать ему определение и рассказать о его классической вершине — времени Людовика XIV, но поведать о его зарождении, развитии, расцвете, кризисе и гибели при Людовиках XIII, XIV, XV, XVI.

Подлинный историзм пропитывает все стороны описания прошлого. Например, Иван IV ел — как выглядел «столовый прибор» еще средневекового человека, употреблявшего вместо тарелки ломоть хлеба, не знавшего вилки и салфетки? Карл I бежал на север и из Ноттингема объявил войну мятежному парламенту — на чем бежал, почему даже не в карете, а верхом?

170

Историзм мышления — разница в наполнении во времени понятий «что такое хорошо и что такое плохо» (так, до 1861 года не была предосудительной продажа рабов и крепостных. Наличествовал ли историзм мышления у Мартоса — автора скульптуры Минина и Пожарского, у создателей памятника Пушкину и няне в Пскове? ¹

Историзм языка — это исторически меняющееся внутреннее наполнение того или иного понятия, подобного сосуду с разным содержимым (слова «обувь», «корабль» и другие в разные времена).

Историки разъясняют понятие историзма. С. Л. Утченко: «Историзм — восприятие явления в его развитии. Что значит явления в его развитии"? Это значит, что явление должно быть рассмотрено в его прошлом (генезис) и настоящем, в его связях с другими явлениями. <...> История начинается там

¹ Известный деятель культуры Веймарской республики Курт Тухольский иронизировал над писавшими о прошлом, но незнакомыми с принципом историзма литераторами: «Любой исторический роман превосходно изображает эпоху, в которой живет ее автор» (цит. по: Мастера афоризма / Сост. К. Душенко. М., 2001. С. 820).

и тогда, когда явление, факт, событие рассматриваются в развитии»¹.

Н. Я. Эйдельман: историзм — это «осторожная оценка эпохи по ее внутренним законам, а не категориями другого века»².

Р. Дж. Коллингвуд: «История — не знание того, какие события следовали одно за другим. Она — проникновение в душевный мир других людей, взгляд на ситуацию, в которой они находились, их глазами и решение для себя вопроса, правилен ли был способ, с помощью которого они хотели справиться с этой ситуацией. До тех пор пока вы не сможете представить себя в положении человека, находящегося на палубе военного парусника с бортовыми пушками короткого боя, заряжающимися не с казенной части, вы даже не новичок в военно-морской истории, вы просто — вне ее. А если вы хоть на минуту позволите себе думать о тактике Трафальгара, исходя из предположения, что корабли приводились в движение паром, а пушки были дальнобойными и заряжались с казенной части, то вы сразу же выйдете за пределы истории вообще»³.

171

Д. Тош: «Фундаментальной предпосылкой историзма является уважение к независимости прошлого. Сторонники историзма считают, что каждая эпоха представляет собой уникальное проявление человеческого духа с присущими ей культурой и ценностями. Если наш современник хочет понять другую эпоху, он должен осознать, что за прошедшее время условия жизни и менталитет людей — а может быть, и сама человеческая природа — существенно изменились. Историк не страж вечных ценностей, он должен понять ее собственные ценности и приоритеты, а не навязывать ей наши»⁴.

Отсутствие историзма до нового времен. В Древнем мире и в Средних веках историзм как принцип мышления и исследования начисто отсутствовал. Это отсутствие хорошо прослеживается по поддельным документам. Например, известная фальшивка «Константинов дар», созданная в папской курии в VIII веке, призвана была имитировать событие IV века (мнимое дарение императором Константином западной половины своей империи папе Сильвестру), но ее авторы не задумывались над тем, что языком IV века была классическая латынь, а не варварская VIII века.

«Отсутствие историзма в мышлении сказывалось в том, что никто не утруждал себя воспроизведением стиля той эпохи, к которой якобы относилась подделка»⁵.

Историзм не мог сформироваться в Древнем мире и в Средних веках: истории как науки еще не было, исторические знания были очень несовершенны, история рассматривалась как нагромождение случайностей,

¹ Утченко С. // Глазами историка. М., 1966. С. 243—244.

² Эйдельман Н. Я. Пушкин. М., 1984. С. 41.

³ Коллингвуд Р. Дж. Автобиография // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории; Автобиография: Пер. с англ. М, 1980. С. 355.

⁴ Тош Д. Стремление к истине: Пер. с англ. М., 2000. С. 16.

⁵ Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974. С. 15.

была магазином поучительно-назидательных примеров, а в Средние века основывалась на богословско-провиденциалистской концепции, враждебной идее развития.

172

Рождение историзма в начале нового времени. Историзм является детищем нового времени» В XVII веке его ещё нет, а в XVIII он постепенно возникает. Первым увидел закономерность изменений в истории общества итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668—1774). В течение XVIII века историзм вызревал в теориях прогресса Монтескье, Вольтера, Тюрго. Венцом этой теории явились сформировавшиеся в конце XVIII века взгляды французского энциклопедиста Кондорсе и немецкого историософа Гердера.

Решающий вклад в рождение историзма внесла в первой трети XIX века романтическая историография: прусская «историческая школа права», французская «школа историков эпохи Реставрации», обособленно стоящий шотландец В. Скотт.

Среди романтиков, которые не только практиковали историзм в своих исследованиях, но и обосновывали его теоретически, видное место занимал представитель школы Реставрации Огюстен Тьерри (1795—1856). Тьерри требовал конкретности при описании прошлого, выступая против его модернизации, применения к нему современных категорий: надо «различать, а не смешивать», ибо «буква остается, а дух меняется». Слова «король», «парламент», «француз», «аристократия» имели в разные исторические эпохи разную наполняемость, например король Хлодвиг и король Людовик XIV были разными королями, а слово «француз» в IX веке означало совсем не то, что в XIX веке. Поэтому, по Тьерри, абстракции, схемы, оболочки, внешние контуры недостаточны для понимания прошлого, ибо они могут иметь разное содержание; надо изучать сущность людей и явлений пролого, воспроизводить их неповторимое конкретное своеобразие, кажущиеся мелочи и подробности, язык, стиль, имена, местный колорит, нравственный смысл¹.

Значительную роль в становлении и распространении историзма сыграл Вальтер Скотт (1771—1832).

173

Он был членом Шотландского исторического общества и способствовал публикации исторических источников; особенно важны его начавшие выходить с 1814 года исторические романы, в которых прошлое воспроизводилось с деталями быта и нравов описываемой эпохи.

Дальнейшее развитие историзма. Плодотворный вклад в развитие историзма внёс Гегель (1770—1831), сочетавший историзм с диалектикой. Гегель вскрыл сущность, внутренний механизм исторического развития —

¹ Реизов В. Г. Французская романтическая историография (1815— 1830). Л., 1956. С. 103—104.

борьбу противоположных начал. Он показал, что развитие — это не просто движение от несовершенного к более совершенному; в несовершенном уже содержится его противоположность. В ходе развития, в каждый данный момент имеются элементы господствующие, то есть старые, и элементы нового, которые отрицают сущее и за которыми будущее. «Изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни»¹.

Гегелевский историзм трактовался лишь как эволюционное развитие идеи и — в нарушение логики — оправдывал существующие режимы их историческим происхождением. Дальнейшее развитие историзма как важнейшей стороны диалектического метода связано с именем К. Маркса, который показал, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в голову человеческую и преобразованное в ней»².

Хотя историзм родился в первой трети XIX века, самого этого термина еще долго не существовало. Он был впервые употреблен, видимо, в 1879 году австрийским историософом Карлом Вернером (по другим данным — Нейге), а широкое применение получил накануне и особенно после Первой мировой войны. Впрочем, даже в 1923 году немецкий ученый О. Гинтце писал: «Историзм сравнительно новое и не совсем ясное понятие»³. В 1920-х годах исследованию историзма уделял внимание Э. Трельч, в 1930-х — Ф. Майнеке⁴.

174

В немецком языке, откуда пошел термин «историзм», он звучит как «хисторизмус», итальянская форма его — «сторицизм». Вслед за итальянцами в новейшее время сначала англичане, а затем историки других западных стран стали употреблять, наряду со словом «историзм», также термин «историцизм», но в отечественной литературе это слово не применяется.

В зарубежной историософии существует много разновидностей идеалистического историзма. Все они враждебны марксистскому историзму, но конкурируют между собой и подразумевают под «историзмом» разное содержание, причем амплитуда разноголосицы даже в определениях слова очень велика в зависимости от времени их возникновения, национальных особенностей и других факторов (например, «немецкий историзм», «романтический историзм» и др.)⁵. Зарубежные историософы зачастую трактуют историзм как описание — индивидуализацию событий, связанную с делением наук на идиографические и номотетические и

¹ Гегель. Сочинения: Т. 8. М.; Л., 1935. С. 69.

² Маркс К. Послесловие ко 2-му немецкому изданию 1-го тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 12.

³ Цит. по: Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках. Л., 1979. С. 70.

⁴ Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. München, 1936; см.: Данилов А. И. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм // Новая и новейшая история. 1962. № 2.

⁵ Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977 (см. гл. 2: Основные разновидности современного буржуазного историзма).

отнесением истории к идиографическим дисциплинам.

3. Принцип объективности

Постановка вопроса. Достаточно сложный сам по себе, принцип объективности усложнен и запутан в советской историографии. Нам следует исходить из следующего положения: речь пойдет об объективности, а не об объективизме. Трактовка слова «объективный» в словарях — соответствующий объекту, существующий вне нас и независимо от нас, 2) беспристрастный, непредвзятый.

Объективное (то есть соответствующее объекту и беспристрастное) исследование прошлого усложняется неизбежным наличием аксиологического (оценочного) фактора, привносимого исследователем, и субъективностью не только исследователя, но и объекта изучения.

175

Постановка вопроса такова: возможна ли объективность в истории, а если нет, то следует ли ей предпочитать открытую партийность?

Позиция сторонников объективности. Позитивисты, с их гносеологическим оптимизмом, не видевшие отличий в познании разных наук, были уверены в познаваемости прошлого при наличии источников и реализации исторической критики.

Одним из первых феноменов объективности начал теоретически осмысливать Л. Ранке. Ранке учил, что в задачу историка входит реставрация, но не оценка прошлого. Уже в первом своем крупном труде (1824) он писал, что историк должен не судить прошлое, а «лишь показывать, как, собственно, было дело»¹. Впоследствии Ранке часто, особенно во введениях к крупным трудам, повторял этот постулат². Условием его реализации он считал беспристрастность исследователя, обязанного при описании прошлого как бы забыть о своем «я», элиминировать (лаг. *eliminare* — исключать) свои симпатии и антипатии, погасить их (нем. *auslöschen*), уподобившись точно фиксирующему события прибору. Ранке упрекали, что в исследовательской практике он сам нарушал объективность в соответствии со своим консервативным и реакционным мировоззрением. Так, в «Истории Германии в эпоху Реформации» он некритично использовал тенденциозно отобранные свидетельства врагов крестьянской войны, которой уделил лишь одну небольшую главу, обрисовав это народное движение в черном свете. Противоречие между требованием объективности и пристрастным изложением у самого Ранке заметили уже его современники, в частности, язвительный Ф. Ницше писал о его «умной индугенции сильным мира

¹ Ranke L. von. Sämtliche Werke. Leipzig, 1877. Bd. 33/34. S. VII.

² Ranke L. Op. cit. Leipzig, 1874. Bd. 25/26. S. IX; 1868. Bd. 8. S. VIII.

сего»¹.

Однако критики Ранке пропускали одно важное обстоятельство: Ранке понимал невозможность абсолютной объективности, но провозглашал необходимость стремиться к ней как к заветному идеалу: «Я выдвигаю здесь идеал, о котором скажут, что его невозможно реализовать».

176

Дело обстоит так: идея беспредельна, выполнение по своей природе ограничено»².

Представляется, что К. Маркс, младший современник Ранке, при совершенно иной мировоззренческой и идеологической базе, как ученый также исходил из необходимости стремиться в исследовательской работе к беспристрастности и в этом смысле — к честности. Он писал, например: «...человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю "низким"»³.

Дж. Неру с помощью писем из английской тюрьмы в 1930-х годах стремился воспитать объективность в своей дочери: «Будучи индийцем, я не беспристрастен и боюсь, что не могу не встать на точку зрения сторонника Индии. Но я пытался сделать это и хотел бы, чтобы и ты попыталась рассмотреть эти вопросы как ученый, беспристрастно изучающий факты, а не националист, стремящийся доказать правоту одной из сторон. <...> ...При рассмотрении новой истории Индии мы должны быть настороже и не валить всю вину за наши несчастья на англичан»⁴.

Американский историк А. Шлезингер в 1963 году писал: «Беспристрастный ум — это идеал, а не реальность»⁵.

Французский ученый Антуан Про в конце XX века учил студентов Сорбонны: «...история, которая претендует на объективность и стремится к ней, никогда не может ее достичь. <...> ...В строгом смысле, объективность в истории... невозможна»⁶.

177

С. П. Рамазанов, более 30 лет, специально занимавшийся аксиологической проблематикой, в частности неокантианской теорией ценностей, пришел к заключению о «невозможности элиминации ценностного отношения из системы принципов исторического познания» и о том, что, хотя такое отношение «вносит элемент субъективизма», его можно

¹ Цит. по: Berding H. Leopold von Ranke // Deutsche Historiker. Göttingen, 1973. S. VII.

² Ranke L. Op. cit. 1876. Bd. 21. S. 114.

³ Маркс К. Теория прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 125.

⁴ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: Мер. с англ. М., 1981. Т. 2. С. 240—241.

⁵ Цит. по: Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 71.

⁶ Про Л. Двенадцать уроков по истории: Пер. с фр. М., 2000. С. 301.

лишь ограничить «приоритетом каузального подхода» и «сознательной ориентацией» на ценности изучаемой эпохи¹. Иными словами: новейшие исследования подтверждают точку зрения Л. Ранке.

Замечательный отечественный историк Н. И. Кареев, полагавший, что «совесть и честь... выше предписаний власти», был сторонником объективности, противником «вероисповедного, национального, партийного, классового» и всякого иного «незаконного» субъективизма, считал допустимым лишь этический субъективизм, но без морализирования².

Таким образом, глубокое изучение проблемы и практика историописания подтверждают базовую значимость честности и порядочности историка в его ремесле.

Позиция сторонников партийности. Категорическими противниками объективного историописания, пропаганда пропагандировавшими его партийность, были современники Ранке — историки малогерманской школы Г. Трейчке (1834—1896) и Г. Зибель (1817—1895). Своими трудами они активно участвовали в политической борьбе вокруг объединения Германии, отстаивая его свершение без Австрии и под эгидой прусских Гогенцоллернов. Они обосновывали свою позицию так: «историк беспартиен лишь в гробу» и «я на 4/7 политик и лишь на 3/7 историк».

Советские авторы во множестве книг и статей отстаивали принцип партийности и пытались доказать, будто объективность и марксистская партийность совпадают, так как историк-марксист отражает интересы рабочего класса, за которым будущее и который поэтому заинтересован в правдивом изображении событий.

178

Под возможный произвол подводилась мнимо научная база, которую изыскивали в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература»³, написанной в 1905 году по другому поводу, но в разных планах удобной правителям для тотального контроля над научной продукцией и в закамouflированном виде — для обоснования цензуры.

Надеюсь, что читатель убедился в преимуществах объективности над партийностью.

4. Принцип причинности

Зарубежный ученый Марио Бунге в своем фундаментальном труде «Причинность» пишет, что главной целью научного исследования «является ответ в понятной, точной и доступной проверке форме на пять видов вопросов, а именно на вопросы, содержащие что (или как), где, когда, откуда

¹ Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: Историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006. С. 122.

² Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 208, 250.

³ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Поли. собр. соч. Т. 12.

и почему. Ради краткости будем называть их пятью вопросами науки»¹. Из этих вопросов самым сложным и трудным является «почему?». Кто-то совершенно обоснованно и в афористической форме сказал: «Наука начинается с "почему"».

Понятие причинности. Что же такое причинность, или каузальность (от лат. *causa* — причина) Причинность — важная форма взаимосвязи явлений, в которой участвуют причина и следствие. Причина — явление, действие которого влечет за собой другое явление (влечет = вызывает, определяет, изменяет, производит и др.); вызванное причиной явление — следствие. Например, угнетение Англией ее североамериканских колоний явилось причиной войны этих колоний за независимость, а война — следствием этого угнетения. Другой пример: межимпериалистические противоречия были важнейшей причиной Первой мировой войны как следствия этих противоречий (напомним: поскольку история — ретроспективная наука, изучение идет от следствия к причине).

179

Сложность установления связей. Академик-математик А. Д. Александров как-то сказал: истина обладает тем неприятным свойством, что она не лежит на поверхности и найти ее бывает сложно. Может быть, ее особенно сложно найти в исторической науке, изучающей прошлое (ненаблюдаемое и невозпроизводимое в эксперименте). В частности, сложно и трудно установить причинно-следственные связи в прошлом. Почему? Чем это объяснить?

1. Зачастую к данному следствию (результату) приводит не одна, а **несколько причин**. Например, Первую мировую войну вызвали не только межимпериалистические противоречия, но и другие причины: национализм великих и малых народов, амбиции правителей и др.; к тому же действовали и противоположные антивоенные — факторы (причины): деятельность II Интернационала, пацифистское движение и др.

2. Эти **причины — разных уровней** (и важности). Так, мы считаем включение Эльзаса и Лотарингии в Германскую империю в 1871 году захватом по той определяющей причине, что оно было осуществлено вопреки воле большинства их населения, хотя разноуровневых мотивов за и против включения было немало: исторических, географических, экономических и иных.

3. **Причина во времени предшествует следствию, но и следствие влияет на причину**, особенно при длительном взаимодействии, например, если мирные переговоры как следствие войны ведутся долго при непрекращающихся военных действиях.

4. В педагогических целях мы вычленили одну из причин и производимое ею одно следствие; но **в конкретной жизни, где все взаимосвязано, следствие становится причиной, в свою очередь**

¹ Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке: Пер. с англ. М., 1962. С. 283.

вызывающей очередное следствие — и так до бесконечности. (В философии это называется «причинно-следственной цепью» или «цепью причинения».) Таков, например, причинно-следственный ряд: межимпериалистические противоречия — Первая мировая война — Парижский мир 1919 года — противоречия между побежденными и победителями — Вторая мировая война и т. д.

5. *Для понимания причины надо учесть условия* (обстановку), в которой действовала данная причина, ибо одна причина в разных условиях может вызывать разные следствия.

180

6. *Следует различать причину и повод.* Повод — явление, процесс, разовое действие, способствующее проявлению причины. Так, Эмсская депеша — повод к началу Франко-прусской войны 1870 года, а выстрелы Гаврилы Принципа — к началу Первой мировой войны. Повод — «спусковой крючок» (А. Про).

Значение принципа причинности. В лекции об историческом факте мы говорили: Факт может стать историческим не в изолированном виде, а во взаимосвязи с другими фактами. Эти связи могут быть разными: пространственно-временными (всё происходящее в мире может иметь место только в пространстве и во времени), причинно-следственными и другими. Нас, историков, особенно интересуют причинно-следственные связи, без которых мы имели бы хаотический набор фактов. Лишь с помощью причинно-следственных рядов и понятийных цепей история может превратиться в науку. Поиск причинности — важная задача исследователя.

В Средние века в историописании господствовала идея провиденциализма («провидения»): поступки людей предопределены веземными силами. Даже во время Возрождения в объяснении хода земных событий царила случайность.

Просветители XVIII века выступили против трактовки истории как нагромождения случайностей и сформулировали принцип причинности и обусловленности. В XIX веке широко распространились представления об эволюции как цепи причин и следствий; эти представления были приняты ведущими философскими учениями — позитивизмом и марксизмом и стали также достоянием исторической науки.

Соотношение каузальности и детерминизма. Латинский глагол *determinare* означает «определять» в смысле «обуславливать», то есть твердо, решительно, безоговорочно признавать причинную определяющую событий. Каузальность и детерминизм — понятия очень близкие: оба трактуют вопросы взаимосвязи явлений прошлого. Причинность является ядром, стержнем детерминизма. Отличие их в том, что детерминизм резче подчеркивает причинную определяющую исторических событий, их обусловленность, неизбежность, закономерность.

Противники детерминизма смешивают его с фатализмом: мол, признание неизбежного влияния, например, экономики как определяющего фактора исторических событий равносильно провиденциализму, обуславливающему ход событий божественной волей. Но марксистский детерминизм признает также роль и личного фактора, и свободы воли, и выбора в действиях.

Подведем некоторые итоги.

Рассматривая философские подходы к историческим исследованиям, мы говорили о целесообразности выбора наиболее приемлемой для историка системы.

По принципы исследовательской деятельности историк должен (обязан) соблюдать, ибо забвение историзма чревато модернизацией прошлого, отказ от идеала объективности ведет к исследовательскому произволу, а игнорирование причинно-следственных связей делает изложение хаотическим.

Лекция тринадцатая ЭТАПЫ И СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

План

1. Выбор темы и эвристические процессы.
2. Изучение литературы и определение проблематики.
3. Анализ источников и синтетические процессы.

Литература

Биск М. Я. Курс лекций по источниковедению ноной и новейшей истории. Тамбов, 1971.

Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка (любое изд.).

Санцевич Л. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990.

Видные российские историки Л. И. Гуковский. П. М. Дружинин. П. И. Заозерская, В. В. Кафенгауз, Л. С. Нифонтов, М. К. Рожкова, Н. Л. Рубинштейн, Л. Л. Сидоров о своем опыте исследовательской работы (История СССР. 1961. № 6; 1962. № 3, 6; 1964. № 3; 1965. № 6).

Этапы исследовательской работы историка — естественно, на разных уровнях — в основе одинаковы при написании студенческих курсовых или дипломных сочинений, кандидатских или докторских диссертаций, статей или монографических трудов. Исходя из своего опыта, академик П. М. Дружинин приводит следующие этапы этой работы (по сути — модель исследовательской деятельности): «выбор темы, составление библиографии, изучение литературы, извлечение материала из источников (сначала опубликованных, затем архивных), составление ориентировочного плана, систематизация собранных данных, развитие и уточнение плана отдельных глав, литературное оформление»¹.

185

В укрупненном и модифицированном виде эти этапы исследовательской работы историка положены в основу плана настоящей лекции.

1. Выбор темы и эвристические процессы

Выбор темы. Выбор темы — методологическая проблема. Историк как будто может взяться за исследование любой темы, на практике же выбор ее

¹ Дружинин Н. А/. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 93.

обусловлен тремя мотивами: актуальностью, наличием доступных источников, интересом к ней исследователя.

Под актуальностью темы понимается ее общественная полезность, политическая и научная ¹.

Избранная историком тема должна стоить того, чтобы о ней писали. В прочитанном в Сорбонне в 1896/97 учебном году методологическом курсе Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, как бы идя от обратного, — как не надо выбирать тему — цитировали Г. Флобера: «Не написать ли нам жизнь герцога Ангулемского, — сказал Пекюше. — По ведь это был глупец, — возразил Бувар. Что за важность!» ²

Слово «актуальный» (от лат. *actualis* – деятельный) трактуется словарями как насущный, назревший, важный, особо значимый в настоящее время, для данного момента. Поскольку История призвана помочь обществу в решении стоящих перед ним задач, проблема актуальности заключается в определении того, какую из бесчисленного множества потенциально могущих быть исследованными тем прошлого целесообразно изучать в данный момент. Актуальность темы отнюдь не определяется хронологической близостью прошлого к исследователю (такое неверное понимание актуальности привело в свое время к острой нехватке специалистов— античников и медиевистов).

186

Так, угроза фашистской агрессии в 1930-х годах сделала актуальным появление книг, которые бы напомнили захватчикам о бесплодности попыток завоевания нашей страны в прошлом, в частности труда Е. В. Тарле «Наполеон» (1935) или предисловия-статьи А. С. Ерусалимского «Бисмарк как дипломат» (1940), — и не случайно этим авторам был дан прямой «социальный заказ» с вызовом в Кремль ³. Сохраняет актуальность в борьбе за мир исследование Б. Ц. Урланиса ⁴, в котором убедительно доказано трагическое нарастание смертоносности войн в новое и новейшее время. В начале XXI века неожиданный подъем исламского терроризма сделал более чем актуальным издание книг, объясняющих причины этого явления и предлагающих рецепты его предотвращения, дальнейшего нераспространения и борьбы с ним. Попытки национал-державников реанимировать культ Сталина повышают актуальность темы покаяния за сталинские преступления, в частности в сфере национальной политики, поэтому, например, своевременным было появление фундаментальных

¹ С учетом времени написания сохраняет научную ценность статья: Хмылев П. П. Проблема актуальности в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2.

² Ланглуа, Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 240.

³ См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле.* М., 1981. С. 227, 236, 259; Шейнис З. С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939-1941 годов//Новая и новейшая история. 1990. С. 109—111.

⁴ Урланис В. Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII--XX веков. М., 1960.

трудов Г. В. Костырченко¹ (и не случайно вскоре последовала публикация документов на ту же тему²).

Безусловно, актуальны работы, обслуживающие коренные нужды самой исторической науки. Разумеется, их значимость не ограничивается непосредственной полезностью для решения текущих практических вопросов – ведь историческая наука относительно самостоятельна и выясняет свои закономерности.

187

От актуальных тем надо отличать конъюнктурные темы. Конъюнктурщина — болезнь для исторической науки губительная, без преувеличения смертельная для ее сущности и престижа.

Конъюнктурщина — аморальная форма приспособления науки к текущим условиям для получения автором и его заказчиками сиюминутных выгод: «...сиюминутные приоритеты побуждают вас высвечивать в прошлом одно и не видеть другого»³. Словарь синонимов определяет конъюнктурщика не требующим расшифровки презрительным словом «приспособленец» (в обиходе бытует не менее презрительное — «флюгер»).

Приводим расшифровку конъюнктурности академиком Ю. Л. Поляковым: «Ее можно определить как стремление — в соответствии с не всегда правильно понимаемыми задачами дня выпячивать одни исторические события и отодвигать на второй план другие, не менее важные, преувеличивать историческую роль одних деятелей, напротив, преуменьшать значение других, а то и вовсе оставлять явления, факты, людей за бортом книг и статей»⁴.

Классическим примером конъюнктурщины были произведения об Иване Грозном, служившие оправданию сталинских репрессий. Конъюнктурен был интерес иных историков к событиям на Малой Земле — героическим, но в контексте Великой Отечественной войны отнюдь не центральным, — прошлое искажалось в угоду падкому на лесть правителю с помощью того способа фальсификации истории, который мы называем смещением акцентов или нарушением пропорций.

К. М. Симонов (сам в свое время не чуждый конъюнктуры), позже писал: «В паруса истории должен дуть один ветер — ветер правды, другого ветра у истории нет и не будет, а все остальное не ветра истории, это ветра конъюнктуры»⁵.

Вернемся, однако, к мотивам, которыми историк должен руководствоваться, наряду с актуальностью, при выборе темы исследования.

¹ Костырченко Г. В. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Он же. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001.

² Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945—1953. М., 2005.

³ Тош Д. Стремление к истине. М., 2000. С. 12.

⁴ Поляков Ю. А. Общественное достоинство историка // Знание сила. 1984. №11. С. 42

⁵ Симонов К. М. Сегодня и давно. 4-е изд. М., 1980. С. 369.

Существенной предпосылкой, с которой историк практически начинает работу, является наличие доступных источников — доступных в разных планах. Очевидно, не стоит изучать тему, если источники находятся в архиве зарубежной страны, доступ в который практически невозможен, как и историю региона, с языком которой потенциальный автор незнаком. «Вез малейшего преувеличения, — писали еще в конце XIX века Ланглуа и Сеньобос, — от кандидатов на ученые профессии следовало бы требовать, чтобы они были, по меньшей мере, trilinguis, т. е. читали бы без особого труда на двух языках кроме своего родного»¹. Владеть иностранными языками должны не только всеобщие историки, но и изучающие историю собственной страны, в противном случае они не могли бы использовать иноязычные источники и ознакомиться с соответствующими зарубежными трудами.

Наконец, трудно переоценить и значение интереса к теме, без которого работа над нею не принесет творческой радости и будет иметь следствием труд вымученный и неполноценный. Именно поэтому научный руководитель начинающего исследователя, стремящийся приобщить его к своей школе, делает это деликатно, путем возбуждения интереса к теме, а не с помощью административного нажима.

Когда я в 1970-х годах дал студенту тему курсовой работы «Ж.-П. Марат как издатель-редактор газеты "Друг народа"», казалось бы, в ту пору актуальной и обеспеченной источником, он вскоре от нее отказался с мотивировкой: «Марат не друг народа, а кровожадная личность». Тема была заменена с учетом его научных интересов.

Личные склонности крупных ученых в известной мере определяли тематику их исследований. Так, Л. Ранке любил изучать внешнюю политику, откуда, кстати, возник его интерес к архивам, а В. О. Ключевский не жаловал внешнюю политику ни в ее военной, ни в дипломатической ипостасях.

Эвристика. Избрав тему исследования, историк должен составить предварительный библиографический список, причем он будет состоять из двух частей: источников (документов, прессы, мемуаров и т. д.) и литературы (коллективных трудов, монографий, статей и др.).

Розыски литературы и источников — важная стадия исследовательской работы, требующая определенных знаний, значительной затраты сил и времени. Ее недопустимо игнорировать или выполнять недостаточно внимательно и добросовестно, ибо от количества и качества литературы, особенно источников, зависят успех всего исследования, его полнота и характер выводов. Поэт и ученый-библиограф В. Я. Брюсов сравнивал труд библиографа, не всегда видимый зрителю, с возведением фундамента:

¹ Ланглуа, Сеньобос. Указ. соч. С. 42—43.

«великолепные стены и купоны дворца могут выситься лишь потому, что под них подведен прочный фундамент»¹.

Рассматриваемую стадию исследовательской работы принято обозначать словом «эвристика», одно из значений которого — «разыскание» (от греч. *heurisko* — находить; общеизвестен возглас Архимеда «Эврика!» — «Нашел!»). Эти разыскания не должны быть кустарными, для их успешного проведения полезно ознакомление со специальными трудами, например с учебным пособием «Основы исторической библиографии» И. Д. Парфенова², где изложена методика поиска источников и научной литературы.

Для составления перечня существующих по данному вопросу источников и литературы исследователь обращается к библиографическим пособиям разных видов: тематическим, региональным, авторским, интересуясь в первую очередь последними, новейшими изданиями.

Так, историк-англовед должен знать книгу «История Англии и Ирландии. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР в 1918—1962 годах» (составитель А. Н. Байкова), как и ее фактическое продолжение историографического толка — составленный коллективом авторов из Института всеобщей истории АН СССР под руководством П. А. Ерофеева и Е. А. Рожкова обзор советской литературы по истории Англии от революции XVII века до середины 1970-х годов «Изучение истории Англии в СССР»³.

190

Интересующийся проблемами Великой французской революции не может пройти мимо библиографического труда «Великая французская буржуазная революция. Указатель русской и советской литературы» (составители Г. В. Аксенова, В. А. Гавриличев, Н. Ю. Плавинская, М. П. Соколова, Л. В. Юрченкова; отв. редактор Г. С. Кучеренко. М., 1987)⁴.

Историкам-германистам хорошо известны универсальный библиографический справочник Дальман-Вайца⁵ и дополняющий его ежегодник, в котором публикуются названия вновь выходящих источников и литературы по германской истории⁶.

2. Изучение литературы и определение проблематики

Первоочередное изучение литературы. Обнаружив в результате эвристических процессов литературу и источники, исследователь начинает

¹ Брюсов В. Я. О значении библиографии для науки // Библиографические известия. 1929. № 1—4. С. 6.

² Парфенов И. Д. Основы исторической библиографии. М., 1990.

³ Новая и новейшая история. 1975. № 1. С. 160-175.

⁴ Этому указателю предшествовало издание: Гавриличев В. Л. Великая французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии (1917—1960 гг.): Библиографический указатель. Казань. 1961.

⁵ Dahlmann-Waitz. Quellenkunde der deutschen Geschichte. 10. Auflage. Stuttgart, 1967.

⁶ Jahresberichte für deutsche Geschichte. Leipzig, 1927- 1940; продолжение издания (Neue Folge): Berlin, 1952.

изучение литературы.

Ознакомление с литературой необходимо по ряду очевидных причин. Надо ценить труд своих предшественников, продвигавших изучение данного предмета в прошлом. Надо представить себе общие контуры сюжета, обезопасить себя от работы вхолостую «изобретения велосипеда», «открытия Америки». Главная же причина заключается в том, что, если бы исследователи игнорировали достижения своих предшественников и каждый раз начинали изучение темы сызнова, с того же старта, наука топталась бы па одном месте.

191

Образные сравнения объясняют механику научного прогресса так: ученый стоит на плечах своих предшественников и благодаря этому видит дальше, эстафету науки ученые передают друг другу.

Изучаемую литературу надо кратко конспектировать и давать ей оценки, помня, что при переходе к написанию собственного исследования эти оценки должны будут лечь в основу историографической части введения. Конспекты и выписки из прочитанной литературы можно делать па карточках (имея в виду, что карточки не обязательно должны быть каталожными, часто они больше их по размеру) или в тетрадах. Каждый из этих видов выписок имеет свои преимущества и недостатки, следовательно — своих сторонников и противников. Сторонники карточек ссылаются на возможность их группировки в любые комбинации, что облегчает процесс написания соответствующих разделов исследования, сторонники тетрадей — на компактность и удобство хранения, хотя, видимо, их аргументация менее убедительна, особенно для опытных ученых.

Постановка проблемы. Лишь изучив литературу по избранной им теме, историк может определить цель (и вытекающие из неё более узкие задачи) своего исследования, или, другими словами, выдвинуть (поставить, сформулировать) проблему или вопрос. Тема и проблема — отнюдь не синонимы. Изучая литературу, исследователь выясняет, какие вопросы данной темы освещены должным образом, а какие вовсе не осмыслены или решены неправильно. Отсюда и вытекает постановка проблемы, или постановка вопроса (проблема — нерешенный, не до конца решенный, неправильно решенный вопрос). «Слово "проблема" часто употребляется расширительно, означая любой вопрос. <...> Говорят, один глупец может задать больше вопросов, чем семь мудрецов в состоянии па них ответить. Однако глупец не поставит ни одной проблемы» (И. С. Кон).

Так, изучив в предвоенные годы обширную литературу по истории Английской революции середины XVII века, отечественный историк С. И. Архангельский установил, что в отличие от ее политических, религиозных, международных и иных аспектов — экономические, в частности аграрные, стороны освещены крайне неполно, и в результате скрупулезного исследования эта проблема была им решена в фундаментальном

двухтомнике, не утратившем значения до сих пор ¹.

192

Постановка проблемы должна быть сформулирована лаконично и предельно четко, поскольку от этой чеканности зависит вся дальнейшая работа (подобно тому, как решение командира – наступать или обороняться — определяет дальнейшие действия подчиненных ему войск). Занимая в исследовании минимальное физическое место, постановка проблемы принципиально важна и определяет его направление. Пока общество чего-то не знает и не догадывается о том, что не знает, оно не продвигается в данной области вперед. Лишь поняв, что он этого не знает, человек начинает искать ответ. «Каждая проблема возникает как определение области непознанного. Проблема... это не просто незнание, а знание о незнании» ².

Ученые всегда подчеркивали значение постановки проблемы для развития науки. Приведем несколько таких высказываний.

«Важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли па чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать. <...> Вообще ничего нельзя найти, если заранее не поставишь вопроса, причем вопроса не расплывчатого, а вполне определенного» (Р. Д. Коллингвуд).

«Наука — это поиск нетрадиционного, того, что еще не познано» (Д. К. Шелестов).

«Следует увидеть в каждой вещи то, что еще никто не видел и над чем еще никто не думал» (Г. Лихтенберг).

«Свойствами истинного ученого являются научная честность и интерес к научной цели, к сложным и новым вопросам и проблемам. Конечно, много легче ставить сапог в чужой след и ходить по расчищенным, не единожды опробованным дорожкам. <...> В науке важны эрудиция, нетрадиционное мышление, смелость, самоотверженность и яркость изложения» (Н. А. Рабкина).

193

«Идущий за стадом своей тропы не проложит» (пословица).

Может быть, изложенные мысли наиболее афористично сформулировал Оноре Бальзак: «Ключом ко всякой науке является вопросительный знак».

¹ Архангельский С. И. Аграрное законодательство Английской революции: В 2 ч. М., 1935—1940. Проживая в Нижнем Новгороде (Горьком), работая в периферийной вузе, тщательно изучая имевшиеся в его распоряжении исторические источники, собирая материал буквально по крупичкам, Сергей Иванович Архангельский лишней раз подтвердил возможность ведения серьезной научной работы в провинции не только по отечественной, но и по всеобщей истории.

² Варшавчик М. А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопр. истории. 1968. № 10. С. 76.

Кардинальные открытия поначалу кажутся современникам, привыкшим к иной системе координат, настолько неправдоподобными, нелепыми, патологическими, фантастическими, что автора готовы зачислить в сумасшедшие. В этой связи кто-то о ком-то сказал: выдвинутая проблема звучит недостаточно безумно, чтобы быть великой. Кажется, А. Шопенгауэр говорил о трех временных этапах-стадиях отношения общественности к такой крупной проблеме:

— Чушь!

— В этом что-то есть...

— Да иначе и быть не могло!!!

Изучив литературу и установив цель труда, исследователь переходит к сбору и анализу содержащегося в источниках фактического материала.

3. Анализ источников и синтетические процессы

Методология источниковедения была предметом рассмотрения в нескольких предыдущих лекциях, поэтому сейчас будут сделаны лишь некоторые дополнительные замечания.

Работа над источником занимает центральное место в процессе исторического исследования. Чем обильнее будут привлечены и качественнее обработаны источники, тем основательнее станет база для обобщений, тем больше шансов на успешное решение цели исследования.

Очередность изучения источников. Обнаружив источники, историк приступает к извлечению из них нужного материала, делает выписки и накапливает факты.

194

При этом он должен начинать с источников, относительно более доступных и обозримых, например, с мемуаров или опубликованных документов. Только хорошо представив тему, дав себе отчет в том, какие сведения он хотел бы обнаружить дополнительно, приблизительно сориентировавшись в их местонахождении, исследователь может перейти к изучению архивных материалов.

Конечно, работа в архивах всегда привлекает внимание исследователя, прежде всего потому, что здесь хранятся неопубликованные материалы и имеется известный шанс открыть что-то новое. Кроме того, архивный документ очень интересен, работа над ним доставляет удовольствие. Это осязаемый сколок жизни прошлого: не только содержание документа, но и бумага, чернила, почерк, сановные пометы и резолюции на документе помогают создать представление об изучаемой эпохе¹. Однако не следует переоценивать значение архивных источников и фетишизировать их, как это делают иные малоопытные исследователи. Последние, не усвоив должным

¹ См.: Тарле Е. В. Значение архивных документов для истории // Вопр. архивоведения. 1961. № 3.

образом опубликованных источников, затрачивают подчас много труда в архивах, впоследствии нередко обнаруживая, что «открытые» ими факты давно пуцены в научный оборот¹.

Можно ли собрать все факты. В принципе исследователь должен стремиться к сбору всех фактов, имеющих отношение к поставленной им проблеме и помогающих ее решению. Это необходимо для предельной состоятельности выводов и обусловлено в известной мере самодовлеющим значением исторических фактов.

Но так как все источники по новой и новейшей истории не всегда могут быть изучены ввиду их обилия, естествен вопрос: когда, в какой момент исследователь вправе прекратить накопление фактического материала?

195

«Пока фактов мало, никакие обобщения невозможны. Однако излишне долгое собиранье фактов не менее тормозит исследование, чем поспешные обобщения. <...> ...Количество собранных фактов должно быть в какой-то мере оптимальным. Оптимальность знания связана с отбрасыванием избыточной информации» (В. В. Косолапов)². Момент оптимального накопления фактов наступает, когда исследователь пришел к определенному выводу и видит, что новые факты, собираемые после того, как данный вывод сделан, лишь подтверждают его.

Составление плана. Когда исторические факты извлечены из источников и критически проанализированы, исследователь переходит к составлению плана и написанию текста работы.

К этому времени у него уже сложился определенный взгляд на исследуемую проблему. Нередко во время собиранья фактов он набрасывал вчерне план работы, фиксировал возникавшие мысли³. Эти эскизы теперь используются. Если исследователь при отборе материала делал тематические выписки на карточках (на отдельных листах), то, разложив их теперь в определенном порядке, он облегчит себе написание труда.

Нецелесообразно браться за написание его до того, как изученный материал источников отстоится, закрепится в сознании, и станут ясны взаимосвязи явлений. Преждевременное изложение неотстоявшихся мыслей может привести к созданию не удовлетворяющих самого исследователя и не используемых им впоследствии вариантов труда, а в худшем случае — к

¹ Об опасности фетишизации архивных источников незрелыми исследователями предупреждают многие видные наши историки (см., напр.: Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 89—90; Гиндин И. Ф., Шепелева Л. Е. Против некритического и произвольного использования архивных документов // История СССР. 1964. № 5. С. 74).

² Логика научного исследования. М., 1965. С. 59.

³ «Процесс исследования не ограничивается только тем временем, когда автор сидит за письменным столом, он продолжается и в другое время. Часто во время чтения какого-нибудь беллетристического произведения, во время прогулки или утром, когда просыпаешься, неожиданно становится ясным то, что никак не удавалось понять во время собственно работы» (Рожкова М. К. Мой опыт работы с историческими источниками // История СССР. 1961. № 6. С. 167).

опубликованию научного брака.

196

Соотношение описания и анализа. Приступая к написанию текста, историк исходит из того, что, хотя исторические факты представляют собой материал для обобщений и выводов, в известной мере им присуща самодовлеющая ценность. Это связано с особенностями исторической науки, задачей которой является и описание конкретных событий прошлого, и установление их закономерностей; выведя на основании фактов некоторую закономерность, историк не теряет к ним интереса, ибо в них воплощено конкретное проявление закономерности¹. К тому же описание исторических фактов зачастую сохраняет научное значение даже тогда, когда выводы из этих фактов безнадежно стареют.

Однако работа историка не должна состоять из одних описаний фактов, даже если они проверены и достоверны. Мало установить, что данное событие произошло в определенном месте в определенное время, следует также выяснить его связь с другими, причину свершения. Иными словами: мало констатировать исторический факт, надо его осмыслить и объяснить.

Убедительно разъяснил молодежи соотношение факта и теории, описательной и аналитической сторон исследования академик И. П. Павлов: «Факты это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши "теории" — пустые потуги. Но, изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Постарайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие»².

Обобщения и выводы следует делать лишь на основе совокупности всех изученных фактов, а не на базе отдельных, выдернутых из этой совокупности примеров. С помощью отдельных, произвольно взятых примеров можно доказать любой тезис, но это будет лишь иллюстрация предвзятой мысли, подгонка фактов под схему, а не научное исследование. Гегелевский тезис «пример — не доказательство» состоятелен уже потому, что, «доказав» нечто с помощью примера, можно тут же опровергнуть это с помощью другого примера.

197

Недопустимость предвзятого подхода была уже нами рассмотрена в лекции «Принципы исторического познания». Блестящий историк-демократ А. Олар, разоблачая фальсификаторский «метод» И. Тэна, действовавшего с помощью примеров-иллюстраций, убедительно показал, что «литературная

¹ См. подробнее: Гулыга Л. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М, 1969. С. 21.

² Павлов И. П. Письмо к молодежи // Избр. произведения М., 1949. С. 19.

пиротехника» в конечном счете, неизбежно выходит наружу ¹.

Структура исследования. Текст любого исследования должен включать введение, главы, заключение (выводы), библиографию.

Необходимыми составными частями введения должны быть: обоснование актуальности темы, характеристика использованной литературы (историография), постановка проблемы, обзор источников. Обычно самой обширной частью введения является анализ литературы (компоненты и модель этой части были изложены в лекции «Методология историографии»), самой короткой, но принципиально важной — постановка проблемы. Для студента введение зачастую оказывается сложнейшей частью его курсовой или дипломной работы.

Количество и объем глав зависят от ценности собранного фактического материала и от потребности в аргументации содержащихся в исследовании выводов.

Выводы должны быть сжатыми и чеканными и содержать ответ на выдвинутую во введении проблему.

Приводимая в конце исследования библиография обычно не совпадает с первоначально составленным списком литературы и источников, так как он пополнялся в ходе исследования.

Правильно оформленный труд должен также иметь титульный лист, оглавление, ссылки на использованные источники и литературу (научный аппарат).

О литературной обработке выполненного исследования, о его языке речь пойдет в следующей лекции.

¹ Олар А. Тэн как историк // Современный мир. 1908. Кн. 10; Кареев Н. Тэн перед судом Олара // Русское богатство. 1908. № 7.

Лекция четырнадцатая ЯЗЫК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

План

1. Общие вопросы литературного изложения.
2. Особенности литературной формы исторического труда.
3. Особенности лексики исторического исследования.

Литература

Биск И. Я. Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново, 1996.

Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

Поляков Ю. А. О литературном мастерстве историка // Новая и новейшая история. 1986. №4.

Пронштейн А. П., Коваленко, О. В. Введенская Л. А. История и лингвистика. Ростов н./Д, 1970.

Смоленский Н. И. Понятие и слово в языке историка // Новая и новейшая история. 1992. № 2.

Значение темы. Когда книги и статьи проштудированы, источники изучены и проблема исследована, историк приступает к написанию труда — к сведению воедино собранного материала, его литературной шлифовке. В этой стадии работы есть своя прелесть: как говорил Маркс, «приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук»¹.

Однако стилистическая шлифовка обусловлена не только ее приятностью или научной совестью пишущего. Историк исследовал проблему, то есть нерешенный или неправильно решенный вопрос, не столько для собственного удовольствия, сколько для потребителей-читателей. Чтобы написанное оказалось прочитанным, оно должно быть, по выражению Л. С. Ерусалимского, читабельным.

201

Занятость современного человека практически исключает «испытание скукой»: тусклое и невыразительное историческое сочинение может оказаться невостребованным – непрочитанным. Такие сочинения снижают воспитательный потенциал и общий авторитет исторической науки. Поэтому сохраняют полезность старые шутки-рекомендации: «Или вы пишете лучше, или лучше не пишете» и «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего».

¹ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 13 февр. 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 150.

1. Общие вопросы литературного изложения

Поиск нужного слова. Подобно кирпичу в строительстве, слово играет основополагающую роль в литературе. Как из кирпичей возводятся этажи и весь дом, так слова группируются во фразы, абзацы и главы, из которых складывается книга. Рассказы о мучительных поисках нужного слова, о «муках слова» (А. С. Пушкин) часто встречаются в мемуарном и эпистолярном наследии писателей.

Важнейшей предпосылкой правильного понимания и применения слова является должное знание излагаемого предмета (лермонтовские «драгуны с конскими хвостами» ассоциируются с султаном кивера, а не с якобы бесхвостыми конями улан или гусар). Точное выражение мысли связано и со словарным запасом (у английского крестьянина он составлял около 300, у В. Шекспира, по разным подсчетам, 15—24 тыс. слов), с необходимостью использования толковых, синонимических и иных словарей; надо научиться ощущать опенки слова и применять оптимальное из ряда синонимов (согласно Ж. Ренару, «синонимов не существует. Существуют только необходимые слова»).

Гармоничность фраз. Принято считать, что предложением называется группа слов, выражающих законченную мысль. Эта мысль должна быть изложена ясно, однозначно и восприниматься без труда. Предложение не должно быть тяжелым.

202

Утяжеляют его чрезмерная длина, множественные придаточные предложения с причастными и деепричастными оборотами, промежутки между определениями-прилагательными и определяемыми существительными. Не осилив барьер из тяжелых корявых фраз, читатель может отложить книгу.

Фраза должна логично, легко и незаметно перерасти в следующую — не только без разделительных рвов, но и без швов, на которых фиксируется внимание. Предложения группируются в абзацы, продуманное членение на которые радикально улучшает текст (Паустовский убедительно показал это в главе «Случай в магазине Альшванга» повести «Золотая роза»). Абзацу, которому присущи ведущая идея и внутреннее единство, можно дать — мысленно или письменно — заголовок. Будучи проставлены на полях, чаще всего в учебных пособиях, такие маргиналии (иначе «боковики», или «фонарики») облегчают чтение и усвоение материала, как бы освещая его содержание, с чем и связано одно из их названий.

Хорошая фраза эстетична по форме и звучанию, поэтична и музыкальна. М. В. Нечкина, высоко ценившая внутренний ритм и гармоничность изложения, рассказывает, что по ее просьбе пианист Г. Г. Нейгауз «легко проигрывал "внутреннюю музыку" отдельных фраз пушкинской, гоголевской, толстовской прозы», например, первая фраза

"Анны Карениной" естественно укладывалась в четыре такта:

Все счастливые семьи
похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья
несчастлива по-своему»¹.

Один из афоризмов Жюль Ренара легко подтвердить, записав его в виде стихотворного двустрочия:

Проза должна быть стихом,
не разбитым на строчки².

203

Динамичность и краткость изложения. Качественность произведения зависит не только от обилия новых мыслей и наращиваемой информации, но и от динамичности — «стремительности изложения» (Л. Ивич). Текст теряет динамичность прежде всего от неоправданного многословия обилия слов для выражения мысли, ее разъяснений и повторений («разжевывания»), избытка необязательных деталей, создающих впечатление дряблости мысли, топтания на месте и вызывающих скуку. Требовательный к себе автор стремится убрать из рукописи, машинописи, верстки, при переизданиях все лишнее («выжать воду», «выбросить балласт», «изъять пустую породу»). Так, по словам К. М. Симонова, его роман «Товарищи по оружию» был в 1-м издании (33 печ. л.) «полон до краев воды», которую он выжал для 2-го издания (14 печ. л.). Известные формулировки «Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно» (Н. А. Некрасов), «Краткость — сестра таланта» (Л. П. Чехов), «Талант не говорит трех слов там, где достаточно двух» (Ф. Вейсс) легко подтвердить примером (скажем: «Руководство фракции находилось в руках правления» — «Фракцией руководило правление»).

2. Особенности литературной формы исторического труда

Значительная часть математического (химического, статистического) текста состоит из цифр и формул. Обоснованно говорят: «Язык статистики — это язык цифр». У историка нет своего языка. Более 90 % лексики в историческом произведении — общелитературный язык, и лишь несколько процентов специальные исторические понятия и термины. Но похвала историческому труду «написан образным литературным языком» — похвала сомнительная, ибо хороший язык литератора и историка — не одно и то же.

¹ Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 10.

² Ренар Ж. Дневник. М., 1965. С. 92.

Литературный язык историка имеет свои особенности, ибо литература является искусством, а история — наукой. Для искусства характерно образное, для науки — точное мышление. Важна, в частности, проблема образности в историческом исследовании, точнее — проблема соотношения образности и достоверности.

204

Проблема образности. Искусство отражает действительность при помощи художественных образов.

Герои художественных произведений — обобщенные образы, а не слепки с определенных лиц и событий, и наличие прототипов ничего в этой постановке вопроса не меняет. Литераторы и художники, в соответствии со спецификой их творчества, всегда отвергали требование «фотографического» отражения жизни, отстаивали свое право на создание обобщенных образов, творческую фантазию, вымысел. М. Горький объяснял молодым литераторам: «...характер героя делается из многих отдельных черточек, взятых от различных людей его социальной группы, его ряда. Необходимо хорошо присмотреться к сотне-другой попов, лавочников, рабочих для того, чтобы приблизительно верно написать портрет одного рабочего, попа, лавочника»¹.

Для образного воспроизведения действительности литератор применяет специфические средства: метафоры, сравнения, гиперболы, аллитерации и т. п.

Науке же, в том числе истории, присущи доказательность, теоретическое сознание, выяснение закономерностей. Даже при описании для истории важно не образное, а точное мышление, — в этом смысле и история является точной наукой. Историк должен дать описание внешнего вида и качеств того или иного конкретного исторического персонажа, обязан выяснить и воссоздать достоверную картину свершавшегося в прошлом события. Вымысел историка недопустим, всякое преднамеренное отклонение от исторической правды представляет собой фальсификацию, преступление против науки и морали.

Для историка неприемлемы и могущие быть неправильно истолкованными неопределенность, расплывчатость, символичность, намеки. Поэтому, например, великолепные метафоричные описания С. Есениным снежной ночи («вся равнина покрыта сыпучей и мягкой известкой») или А. Ахматовой солнечного зимнего дня («в белом пламени клонится куст ледяных ослепительных роз») совершенно неуместны в историческом повествовании.

205

Страшные жертвы в Первой мировой войне В. В. Маяковский

¹ Как мы пишем / Л. Белый, М. Горький, Е. Замятин и др. М., 1989. С. 22—23.

средствами литератора убедительно раскрыл в нескольких образных словах «Войны и мира»: «...на сорок человек четыре ноги»; историк же должен выяснить точное количество убитых, раненых, искалеченных (в определенном конкретном сражении или во всей войне).

Академик Д. С. Лихачев, ратуя за точность и однозначность научного, то есть и исторического, языка, полагал, что образность в нем должна быть умеренной, осмысленной и оправданной. Он считал приемлемым сравнение, употребленное пишущим о Новгороде Б. Д. Грековым: «В воскресный день на Волхове больше парусов, чем телег на базаре...», так как в контексте речь идет о торговле; однако ему показался не совсем точным и удачным примененный В. О. Ключевским образ занесенной над Русью кривой половецкой сабли, который становится «совершенно невозможным от его повторения, хотя бы и варьированного»¹.

Таким образом, перед историком две взаимосвязанных задачи: его описание прошлого должно быть, с одной стороны, правдивым и, с другой стороны, интересным, то есть и образным. По приоритет — за правдивостью: прежде всего истинность и уж потом интересность; допустимо (хотя, бывает, и огорчительно) жертвовать образностью, но недопустимо — правдивостью:

На вопрос, какова мера допустимой образности в историческом труде, историк должен ответить себе сам, решив с самого начала, что он собирается написать: исторический роман (и тогда образность не дозирована) или историческое исследование (и тогда изложение в первую очередь подчиняется правдивости). Этот вопрос (где «демаркационная линия») неизбежно встает перед пишущим историком. В. В. Тарле сформулировал его в конце XIX века², мы также ставим и решаем его в начале XXI века.

206

Интересность («витамин И»). Хороший литературный язык является важной предпосылкой, но не гарантией успеха созданного историком глубокого исследования. Стилистическая гладкость не адекватна увлекательности исторического труда для читателя. Интересным, занимательным, увлекательным его может сделать изложение (внесение в него «витамина И»). К компонентам увлекательности относятся:

- новизна информации;
- должная формулировка проблемы (нерешенного вопроса);
- раскрытие научного поиска — трудностей и противоречий, которые исследователь преодолел в ходе научного исследования;
- динамичность — движение мысли, наличие интриги, смена событий;
- яркие характеристики исторических деятелей и в этом смысле персонафикация истории;

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. Симферополь, 1991 С. 54—55, 59—61.

² Тарле Е. В. Дело Бабефа // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 29. (Впервые опубликовано: Мир Божий. 1898. № 4, 5).

- воссоздание быта, нравов, духовного склада людей прошлого¹.

Жанры. Понятийно-терминологический аппарат в исторической науке разработан недостаточно. Дефиниции в толковых словарях и энциклопедиях подчас неопределенны и размыты, литературные аналогии малопродуктивны. Нет, в частности, ни определения термина «исторический жанр», ни общепринятой классификации исторических трудов по жанрам².

207

Мы будем далее исходить из следующего. **Исторический жанр** — вид, форма трудов о прошлом со свойственными лишь ему сюжетом и особенностями изложения. Нам представляется относительно приемлемой следующая самая общая классификация этих трудов: теоретико-методологические, конкретно-исторические, учебно-справочные (с возможным последующим членением на группы).

Теоретико-методологические и историко-философские труды, а также исследования по специальным историческим дисциплинам обслуживают преимущественно саму историческую науку. Они являются предметом изучения главным образом в среде профессиональных историков. Хотя историк всегда должен стремиться к оптимально-доступной форме изложения, трудам этой жанровой группы может быть присуща известная академическая сухость. Следует особо оговорить недопустимость процветавшей в недавнем прошлом «воинствующей партийности» — слегка закамouflированной ругани в адрес идеологических противников — и помнить афоризм Ключевского: «Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами»³, любая полемика (критика) должна осуществляться с помощью аргументов, исторических фактов.

Конкретно-исторические труды чаще всего могут и должны быть доступны широким слоям читателей. Доступность является существенной предпосылкой выполнения историей ее общественного предназначения — «социальных функций». (Основатель «Анналов» М. Блок даже считал доступность обязательным качеством исторических произведений: «Помоему, нет лучшей похвалы для писателя, чем признание, что он умеет

¹ Как говорил Т. К. Маколей, историк должен показать своих героев «со всеми их особенностями языка, нравов, одежды; провести нас по их жилищам, посадить с ними за стол, обшарить их старомодные гардеробы, объяснить нам употребление их тяжеловесной домашней утвари» (Маколей Т. Б. Галлам II Поли. собр. соч. С116., 1860. Т. 1. С. 111).

² У отечественных историков встречаются упоминания о разных жанрах трудов о прошлом без их расшифровки: «афоризм» (М. В. Нечкина о В. О. Ключевском), «портрет» (В. Г. Сироткин о Т. Карлейле), «биография» (часто у многих), «биография научного открытия» (Л. Н. Гумилев в своем «Открытии Хазарии», жанр которого М. И. Артамонов считает близким к детективу), «рецензия» (Е. В. Тарле, по словам Л. Е. Кертмана); А. З. Манфред относит труды Тарле «Наполеон» и «Континентальная блокада» к разным жанрам, но не сообщает, к каким. Четырехчленная классификация форм исторических трудов И. Г. Дройзеном (изыскание, повествование, поучение, полемика) подвергнута критике А. В. Гулыгой, который, однако, не предлагает своего варианта (Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 159).

Современный польский историк Б. Мишкевич предлагает следующую классификацию исторических трудов: энциклопедия, словарь, библиография, учебник, монография, трактат-исследование, статья, рецензия, источниковая публикация (Miskiewicz B. Wstep do badan historycznych. Warszawa; Posnan, 1985. S. 158).

³ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 386.

говорить одинаково с учеными и со школьниками»¹⁾

208

Конечно, и в рамках наиболее массовой жанровой группы конкретно-исторических исследований характер и форма изложения не могут быть одинаковыми. Литературная сторона исторического труда зависит не только от установок на соответствующий круг читателей, но, прежде всего от характера описываемых историком событий прошлого. Многосюжетность и многопроблемность этих конкретных событий предполагают разную форму подачи экономических, внутривосточных, батальных, бытовых материалов. Экспрессия и взволнованность в рассказе о битве при Ватерлоо (Успеет ли Груши на поле боя? «Гвардия умирает, но не сдается!») неуместны в повествовании об экономическом кризисе в Европе накануне 1848 года.

Учебные публикации (учебники, учебные пособия, курсы лекций) по уровню необходимой эмоциональности и яркости занимают, видимо, срединное положение между теоретико-методологическими и конкретно-историческими исследованиями.

Некоторые приоритетные требования (рекомендации) к этой жанровой группе исторических произведений: доступность, относительная краткость фраз, использование источников личного происхождения, особенно мемуаров, минимальное количество плохо запоминающихся и нередко нуждающихся в комментировании цифр, четкость дефиниций, по возможности — приближенное к устному рассказу изложение²⁾.

209

3. Особенности лексики исторического исследования

Историзм языка. Базисное для профессионального историка положение о том, что, повествуя о людях прошлого теперь, он должен себе представлять, как они жили тогда, в полной мере относится и к языку. Несмотря на известную мобильность языка, в основе своей он консервативен. Словесная оболочка (форма) понятий сохраняется на протяжении столетий при радикально меняющемся содержании. Слово выступает в роли сосуда, который в разное время наполняют водой, вином, растительным маслом,

¹⁾ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1977. С. 7.

²⁾ В российских дореволюционных гимназиях царили учебники по истории Д. И. Иловайского, имевшие консервативно-монархическую тенденцию, но состоятельные по форме изложения; студенты изучали историю не столько по учебникам, сколько по собственным записям лекций и литографированным изданиям лекционных курсов.

Советские учебники по истории зачастую создавались коллективами авторов без опыта аудиторного преподавания и с точки зрения литературной формы не представляли собой единого целого, а преобладавшая в них серость была следствием негласной цензуры и требований «писать правильно», «без права на ошибку» (горькая шутка тех лет: «телеграфный столб — хорошо отредактированная сосна»).

песком, ртутью и т. п. Заимствуя слово из источников, историк должен представлять себе его реальное содержание (наполнение) в исследуемую эпоху.

Согласно Б. Д. Грекову, первоначально всех людей на Руси обозначали словом «смерд», но потом оно стало ассоциироваться со «смердеть» и — с обидным смыслом — осталось лишь для обозначения крестьян. Слова «обувь», «пушка», «корабль», «монарх», «демократия» имели разное смысловое наполнение в разные эпохи. Между тем римские сандалии и туфли-шпильки модницы нашего времени мы обозначаем все тем же словом «обувь», лодки эпохи греко-персидских войн и современные атомоходы — все это «корабли», а французские Людовики разных столетий от «первого среди равных» до абсолютных властителей — «монархи» и т. д.

Старая, новая, заимствованная лексика. Устаревшая лексика включает слова-историзмы и слова-архаизмы. Слова-историзмы ушли из языка, так как перестали существовать обозначаемые ими предметы или явления, например названия документов или стадий прохождения документов через бюрократическое делопроизводство прошлого; современных синонимов такие слова не имеют, и их смысл можно передать только описательно. Слова-архаизмы в ходе развития языка были вытеснены ставшими более употребительными синонимами, но значение их понятно (бранный, вкупе, всуе, выя, лоно, перст и др.). Конечно, от старого слова веет ароматом былой эпохи, но злоупотреблять ими историку не следует.

210

В развитии языка прослеживаются две тенденции: к сохранению — и к изменениям в лексике, произношении, написании. Более или менее крутым изменениям язык подвергался в переломные эпохи (например, русский язык в Петровскую пору, эпоху Пушкина — Карамзина, в послеоктябрьские годы или в период командно-административной системы). Некоторые неологизмы оказывались словами-однодневками и вскоре выходили из употребления: «полундра» (берегись) или «буза» (ерунда) послеоктябрьских лет, «спецпереселенцы» или «спецхраны» более близкой поры, другие закреплялись в языке. Представляется, что, хотя историк не должен быть консерватором или пуристом, ему все же не следует идти в авангарде даже небольших языковых переворотов и он обязан придерживаться определенных правил, если не хочет оказаться, говоря словами Чуковского, в «низменной, отсталой и вульгарной среде»¹.

Многие иностранные слова начисто растворились в русском языке («обрусели»), и происхождение их ведомо лишь узким специалистам. Регламентация употребления иностранных слов нелепость, чаще всего рождавшаяся от скрещивания невежества с мракобесием. Галлицизмы двуязычного Пушкина (отнюдь не обижавшегося на лицейское прозвище

¹ Чуковский К. Н. Живой как жизнь. М., 1982. С. 55.

«француз») не помешали ему стать реформатором русского языка. Замена некоторых по-немецки звучащих названий наших городов на русские во время двух мировых войн не сказалась на их результатах.

Представляется целесообразным употреблять слова иностранного происхождения при отсутствии адекватных русских, для специальных, научных и иных целей. Можно не ограничивать себя в их применении при обращении к культурному читателю. Ссылки пуристов на негативное отношение некоторых деятелей русской культуры к употреблению иностранных слов несостоятельны — это были выступления лишь против злоупотребления такими словами.

Общеизвестны дополнительные трудности, встающие перед историком-исследователем, использующим преимущественно иностранные источники и литературу. В частности, возникает проблема передачи на русском языке иностранных собственных имен и географических названий.

211

Самый общий принцип, из которого следует исходить: иностранные слова передаются по-русски так, как они произносятся на родном языке, имена же собственные не переводятся, а заимствуются.

Иностранные слова подчас пишутся историками неправильно по разным причинам: незнание правил произношения, трудности транскрипции, историческая традиция и др. Читателю, не знакомому с английским языком, трудно понять, почему предместье Лондона Putney, где заседал в 1647 году Общеармейский совет, отечественные историки называют по-разному: Метни, Пэтми, Патни, Путни, соответственно Патнейская и Мутнейская конференция.

По разным причинам в русский язык с давних пор вошли слова с неправильным написанием, не соответствующим произношению на родном языке. Немногие из них были исправлены (например, Невтон — Ньютон, Ивангое — Айвенго, Караибское море — Карибское море, Эривань — Ереван), но гораздо больше закрепилось. Мы привыкли к тому, что английские короли Джеймс, Хенри, Элизабет стали у нас Яков, Генрих, Елизавета, французские Шарль и Луи — Карл и Людовик, более того, мы говорим Карл X, но Шарль де Голль, хотя имена их произносятся и пишутся одинаково. Имеются сторонники глобального исправления всех ошибок (мол, люди переучатся, привыкнут), но явно преобладают — с убедительными аргументами — ученые, выступающие за сохранение ставших традиционными слов, например: Вальтер Скотт, а не Уолтер Скотт (Walter Scott), Генрих Гейне, а не Хайнрих Хайне (Heinrich Heine), Гавана, а не Хабана (Habana) и т. д.

Армяне называют свою страну Айастан, грузины свою Сакартвело, финны — Суоми, но мы не пересматриваем устоявшиеся названия Армения, Грузия, Финляндия. Немцы именуют свое государство Дойчланд (немецкое племя тевтонов Teutonen — Teutsche — Deutsche — Deutschland), у

французов оно Аллемания (от названия другого немецкого племени — алеманов), у украинцев — Нимеччина, но есть ли резом менять привычное нам название Германия?

212

Надо знать, что на английских картах вместо Ла-Манша написано «Английский канал» (English channel), но переименовывать едва ли стоит.

Сталкивающийся с такими проблемами историк должен исходить из общих правил транскрипции и из наличия нормативных справочников, рекомендаций и инструкций, в частности из написанного Р. С. Гиляровским и Б. Л. Старостиным справочника «Иностранные имена и названия в русском тексте» (М., 1985), инструкций по передаче на картах географических названий (М., 1952-1984).

Цитирование и пересказ источников. Стремясь к повышению читабельности и убедительности своего труда, цитируя и по-иному используя с этой целью источники, в том числе художественную литературу, историк должен помнить, что они обладают неодинаковой степенью доходчивости и воспринимаются читателем по-разному. Может быть, на «полюсах восприимчивости» находятся статистические материалы - и мемуары (к которым близки другие нарративные источники, эпистолярии, произведения художественной литературы и искусства).

Хотя критически проанализированные статистические источники являются фундаментом конкретных и точных знаний о разных сторонах социально-экономической жизни, их использование в историческом труде, в частности цитирование, сопряжено со многими трудностями. Одной из характерных особенностей языка статистики — языка цифр - является внешняя сухость. Конечно, одно упоминание о 15-тысячном плательном гардеробе помогает понять характер Елизаветы Петровны, но иногда даже отдельно приведенная голая цифра нуждается в комментировании. Ряды же из многих цифр, обширные статистические таблицы зачастую требуют разъяснения и расшифровки, и автор исторического труда (тем более лектор) обязан эту расшифровку дать, если не уверен во вдумчивости и аналитических возможностях читателя (слушателя), как, впрочем, и в наличии у него времени.

Гораздо более популярны у аудитории мемуарные свидетельства, несмотря на их субъективизм, зависимость от ущербной памяти и другие отрицательные свойства.

213

Причины этой популярности понятны: мемуаристами часто являются известные в прошлом деятели, общественная и личная жизнь которых — включая закулисную сторону — живо интересует массового читателя, который надеется найти интересные, сенсационные, живо изложенные

факты; кроме того, неискушенного в вопросах исторической критики читателя влечет к мемуарам их кажущаяся (обещанная мемуаристом уже в предисловии!) достоверность.

С точки зрения эмоциональности, столь важной для популярности исторического труда, сухие статистические и яркие мемуарные свидетельства — антиподы. Эффективно и даже эффектно их сочетание, расшифровка первых с помощью вторых. Так, сухие статистические данные гласят, что во время инфляции в Германии в 1923 году один доллар стоил: 2 января — 7260 марок, 1 декабря — 4,2 биллиона марок; мемуаристы же сообщают, что к концу года марки использовались для оклейки стен, в качестве оберточной бумаги и для прочих хозяйственных нужд.

Для придания изложению большей яркости и убедительности бывает полезно процитировать известные строки иных литераторов, особенно если они являлись участниками или хотя бы современниками характеризуемых событий. Так, в своей «Краткой истории Турции» Л. Ф. Миллер, повествуя о быстрой и кровавой расправе Махмуда II с янычарами в 1826 году, цитирует посвященное этим событиям пушкинское стихотворение («Тогда султан был духом гнева обуян»); в любом исследовании об Отечественной войне 1812 года впечатляющей окажется строка из «Бородино», хотя М. Ю. Лермонтов и родился через два года после Бородинского сражения. Е. В. Тарле в связи с Венским конгрессом 1815 года пишет: «...вместо эпохи льва, по выражению Байрона, пришла эпоха многих шакалов».

Понятия и термины. Количество научно-исторических понятий и терминов в языке историка невелико, однако они принципиально важны, играют в изложении ведущую роль и «наподобие скелета, образуют теоретическую конструкцию картины исторической действительности»¹. Историческое понятие содержит существенные признаки явления прошлого и в зависимости от уровня разработки может выглядеть как описание, определение, термин.

214

Понятия могут быть единичные и общие, видовые и родовые, конкретные и абстрактные, противоположные (контрарные) и др.² С развитием исторической науки ее понятийно-терминологический аппарат меняется: одни старые понятия (термины) отмирают, содержание других совершенствуется, возникают новые понятия и связанные с ними термины.

* * *

В заключение считаю своим долгом рассказать о двух напастях в области языка, убийственных для выполнения историей ее общественного предназначения. Эти беды — серость и непонятность.

¹ Смоленский Н. И. Понятие и слово в языке историка // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 10.

² См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 194 и след.

Серость утвердилась во многих исторических произведениях в сталинскую пору, когда надлежало писать только «правильно», то есть в соответствии с волей диктатора и его трактовкой марксизма. После появления в 1961 году статьи В. М. Турока «Историк и читатель»¹ и обсуждения вопроса видными отечественными историками положение выправилось².

Но в конце минувшего века появилась новая эпидемия в виде употребления некоторыми историками, подчас профессионалами-эрудитами, заумного языка, связанного, видимо, с «лингвистическим поворотом» постмодернистов, в котором, кажется, самыми понятными являются «дискурс» и «рефлексия». Эту тенденцию в 2000 году одновременно высмеяли А. И. Патрушев³ и Дж. Тош⁴, но иные коллеги игнорируют сказку Андерсена о платье голого короля, и мутант проявляет огорчительную живучесть.

215

216

¹ См.: Литературная газета. 1961. 4 февр. С. 2.

² Попыткой внести лепту в улучшение ситуации явилась работа: Биск И. Я. Введение в писательское мастерство историка. Иваново, 1996.

³ «В моду вошли загадочные письмена и непонятный жаргон, вызывающие обоснованные подозрения, что это — дымовая завеса, чтобы скрыть отсутствие содержания. Историков окружили носители двух новых языков, которые многим просто непонятны, идет ли речь о бездушных математических и алгебраических формулах клиометристов или о жаргоне постмодернистов и деконструктивистов, который часто сбивает с толку» (Патрушев А. И. Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XX века // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева, А. И. Патрушева. М., 2000. С. 410 - 411).

⁴ Деликатный английский профессор менее резок и более ироничен: «...в понимании большинства литературоведов понятия "дискурс" и "интертекстуальность" имеют тенденцию к "свободному плаванию" без всякой привязки к "реальному" миру...» (Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть ремеслом историка: Пер. с англ. М. 2000. С. 171).

Лекция пятнадцатая, заключительная НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ИСТОРИИ

План

1. «Что должно остаться?»
2. Место истории в XIX веке.
3. История в XX веке.

Литература

Могильницкий Б. Г. О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000.

Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004.

Эта последняя лекция будет состоять из двух неравных частей. Вначале мы вкратце напомним о некоторых важнейших положениях прочитанного курса, а затем попытаемся охарактеризовать развитие Истории после ее превращения в науку

1. «Что должно остаться?»

Существует парадоксальный, на первый взгляд, афоризм, который в разных модификациях принадлежит средневековому японцу, английскому аристократу эпохи Просвещения, французскому премьеру XX века: образование — это то, что остается, когда выученное забыто (заметьте: «выученное», но не «все выученное», что-то не забывается).

219

За время обучения на историческом факультете студент сдает несколько десятков экзаменов и зачетов — и вскоре забывает значительную часть сданного, — значительную часть, но не все; что-то остается.

Что же остается — что должно остаться у выпускника исторического факультета, который к моменту получения заветного диплома забыл многое из того, чему его учили на первом и последующих курсах? Очевидно, что может быть забыто многое из «событийной истории», например иные факты и даты, которые легко восстановить в памяти с помощью справочных изданий; но должны остаться базовые теоретические знания, без которых выпускник истфака был бы лишь «запоминающим устройством», а не ученым в области исторических наук.

Остаться должен, прежде всего, выработанный за годы обучения недоверчивый, сомневающийся, критический, скептический склад ума и на этой основе — умение анализировать исторические источники, то есть историческая критика как главный метод исторической науки. Остаться должно умение учиться всю жизнь, не ограничиваясь запасом знаний, приобретенных в вузе. Должны быть выработаны и совершенствоваться всю творческую жизнь высокие моральные нормы, чтобы при характеристике прошлого быть честным и не исходить из конъюнктурных соображений, стремясь к объективности как к идеалу.

Ответы студентов, прослушавших курс «Методология истории», на вопрос анкеты «Что должно остаться?» свидетельствуют о правильном понимании ими сущности и задач исторического образования.

В этой связи расскажу о неожиданно полученных несколько лет назад двух дарственных бандеролях от студентов, с которыми не общался уже давно. Т. М. Рюткина из Чимкента прислала автореферат только что защищенной ею кандидатской диссертации об английском гуманизме XVI века, Н. В. Дронова из Тамбова автореферат докторской диссертации об изменениях в британской имперской традиции в 1870-х годах. Обе благодарили за полученные знания именно в области исторического исследования. Н. В. Дронова писала: «...видимо, должно пройти время для того, чтобы можно было оценить по достоинству место учителя в жизни каждого человека.

220

Теперь я отчетливо представляю, что теми профессиональными навыками, которыми владею, я, прежде всего, обязана Вам. От Вас одного двадцать лет назад я слышала о скептицизме исследователя и о "видах лжи", о субъективизме и объективности, и о многом другом, что глубоко запало в память»¹.

Я обрадовался этим вестям — как радуется каждый учитель успехам своих учеников, принимающих эстафету и продвигающих науку дальше. Но с точки зрения обучения истории что осталось? Методы науки остались. Те самые методы, которые по крупицам внедряют в умы студентов все их наставники, но в суммированном (синтезированном) виде излагаются в главной теоретической дисциплине нашей науки — методологии истории.

2. Место истории в XIX веке

Общая характеристика эпохи между наполеоновскими войнами и Первой мировой войной (1814- 1914 годы): век мира, век нескончаемого

¹ Н. В. Дронова - И. Я. Биску, 1998 г. (Архив автора). Отрывок из письма публикуется с любезного разрешения профессора и заведующей кафедрой Тамбовского университета Наталии Владимировны Дроновой.

прогресса науки, техники, литературы, искусства и даже, как казалось, морали. За этим временем прочно закрепилось название «золотой XIX век», а еще чаще — «прекрасная эпоха».

В «прекрасной эпохе» быстро развивалась и занимала лидирующие позиции также История, так что за XIX столетием закрепилось еще одно название: «исторический XIX век». Это признавали выдающиеся современники. Например, В. Г. Белинский говорил: «Наш век — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве»¹. Престиж исторической науки в XIX веке был чрезвычайно высок, ее называли «царицей наук», историки составляли интеллектуальную элиту общества.

221

Приведем далее некоторые проявления этого высокого места истории:

— история заняла почетное место в школьном и высшем образовании;
— неуклонно развивалась сама историческая наука, формировались ее теоретические постулаты, выходили многотомные всеобщие (всемирные) истории (назовем фундаментальную 8-томную «Всеобщую историю с IV века до нашего времени», то есть по XVIII век);

— образованная публика высоко ставила пользовавшиеся популярностью исторические труды и их авторов, скажем, Т. Карлейля и Т. Маколея в Англии (выше их котировался только Ч. Диккенс), всех французских историков эпохи Реставрации, у нас - Т. И. Грановского и В. О. Ключевского;

— был открыт В. Скоттом и стал моден новый литературный жанр — исторический роман (первый роман В. Скотта вышел в 1814 году);

— выдающиеся историки становились советниками монархов и воспитателями престолонаследников, о чем уже было сказано;

— крупные историки назначались министрами и главами правительств (скажем, Ф. Гизо и А. Тьер во Франции);

— партии в политической борьбе апеллировали к истории и искали аргументы в прошлом (например, обе ветви романтиков - в «теории завоевания», или мало- и великогерманцы в борьбе за объединение Германии);

— историзм как метод мышления и исследования был заимствован у историков другими науками - гуманитарными и естественно-техническими, так что стало возможным создание историй этих наук.

Авторитет Истории становился настолько непререкаемым, что это даже вызывало внутренний протест у некоторых деятелей культуры. Тогда еще малоизвестный 25-летний Ф. Ницше выразил его в эссе «О пользе и вреде истории для жизни», в котором предостерегал о «чрезмерности истории» в разных областях жизнедеятельности, в частности в образовании.

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 4. С. 518.

К сожалению, в XX веке роль истории в жизни общества существенно меняется.

222

3. История в XX веке

Если XIX век был «золотым», то XX — и великим, и трагическим. Цветное телевидение и начало освоения космоса соседствовали с земными катаклизмами — горячими и холодными мировыми войнами, революционными потрясениями и геноцидом, а «ножницы» между научно-техническим прогрессом и общественной моралью стали еще значительнее; для нас таким катаклизмом явился и распад СССР. Этому противоречивому общественному развитию соответствовало состояние исторической науки: ее бурный взлет сочетался с падением общественной значимости и престижа.

«Историографическая революция». Неокантианская историография и признание отличия истории от естественно-технических наук привели к благотворным поискам новых путей исторического познания.

Преобладавшая в XX веке макроисторическая школа «Анналов» - авангард «новой исторической пауки» - акцентировала изучение процессов большой длительности, способствовала полидисциплинарности и широкому применению в историческом исследовании методов других дисциплин, вплоть до математических.

Возникновение на новом витке спирали микроистории и внедрение в исследовательскую практику ее методов обогатило общую исследовательскую палитру истории. Микроисторические методы не ликвидировали, а расширили успехи макроистории. Обосновано утверждение, что исследовательский маятник колеблется то влево, то вправо, а изучение истории движется вперед.

Так возник термин «историографическая революция», хотя можно говорить и о «методологической революции» XX века.

Тем не менее, в отличие от XIX столетия, о XX веке как об «историческом» говорить нельзя. Почему же? Каковы симптомы и причины болезни?

Падение престижа: симптомы. Престиж истории определяется мерой помощи, которую она оказывает обществу в решении стоящих перед ним проблем.

223

Между тем реальная роль социальных функций истории в XX веке сокращалась, о чем свидетельствовали следующие симптомы:

—стремление ряда студентов параллельно с историческим образованием или после его получения окончить сулящий более

благоприятные перспективы другой, чаще всего юридический или экономический, факультет;

— переквалификация из тех же побуждений иных кандидатов исторических наук (с небольшим изменением диссертаций) в кандидатов юридических или других смежных дисциплин;

— незнание или игнорирование многими правителями исторического опыта (как это было, например, при вводе наших войск в Афганистан);

— появление литературных произведений с критикой современного состояния истории (вспомним хотя бы чесе Э. Брагинского и Э. Рязанова «Убийство в библиотеке», повесть В. Тендрякова «60 свечей» или стихотворение Р. Рождественского «Радар сердца»).

Подчас сами историки начинают предсказывать предстоящую почти полную ликвидацию исторической науки: мол, память о прошлой вражде держав лишь вредит нарастающей мировой интеграции (и в будущем такие противостояния, например нападения степных народов на Русь, надлежит, якобы, трактовать как форму сосуществования и взаимного обогащения народов ¹).

Падение престижа: причины. Причины падения авторитета исторической науки в обществе можно разделить на объективные и субъективные.

Объективные связаны в первую очередь с характером наук, предлагающих обществу свои услуги. Поскольку историческое познание релятивно, историческая наука не могла предсказать и предотвратить мировые войны, геноцид, распад СССР и другие катаклизмы XX века.

В то же время возникли или получили дальнейшее развитие другие науки, предложившие обществу свои рецепты борьбы с возникающими трудностями: политология, социология, психология, политэкономия, юриспруденция и др. У этих наук свой специфический инструментарий, рассчитанный на исследование современности, их рецепты более конкретны и могут использоваться правителями эффективнее и оперативнее, чем неопределенные и расплывчатые рекомендации историков, основанные в значительной мере на сравнительно-историческом методе ².

224

Следствие: постепенная оккупация науками-конкурентами значительной части ниши, ранее занятой почти монопольно историей.

К объективным причинам падения значимости Истории следует отнести и изменение характера времени: по многим показателям XX столетие

¹ Бойцов М. История закончилась. Забудьте // Культура. 2005. №31, 32.

² Так, на вопрос правителя о возможной реакции населения на подготовленную реформу историк может сообщить, что 200 лет назад в соседней стране в сходной ситуации оно реагировало так-то, а социолог проведет анкетирование или выборочный телефонный опрос и даст ответ более оперативный и точный. Едва ли сопоставление смут в Российском государстве в начале XVII века, «красной» смуты начала XX столетия и смуты рубежа XX—XXI веков сколько-нибудь серьезно поможет нам в преодолении современных трудностей (См.: Соловей В. Д. Россия накануне смуты // Свободная мысль XXI. 2004. № 12).

настолько отличалось от предыдущих, что возможности сравнения с прошлым и извлечения из него уроков существенно сократились.

Видимо, к объективным причинам близка и внутренняя трансформация исторической науки в XX веке - издержки «историографической революции». Отказ от «событийной» истории привел к незнанию школьниками элементарных фактов и дат, например значительной частью французских школьников — событий Великой французской революции; применение полидисциплинарных методов и даже специфического языка других наук привело к тому, что читатели переставали понимать произведения историков и, больше того, сами историки подчас не могли уразуметь друг друга.

Важнейшей субъективной причиной падения престижа Истории явилась моральная нестойкость и конформизм многих историков, которые — из карьеристских побуждений или из страха - превратились из служителей Клио в прислужников власти. Если в XIX веке идеалом подавляющего большинства историков было объективное изложение прошлого, то в XX веке конъюнктурность, политизация исторических исследований приобрели широкие масштабы.

Воздействие идеологии на историописание, проявлявшееся во все времена, стало в XX веке всеобъемлющим в странах с тоталитарными режимами.

225

Оно проявилось с особой силой в господстве расистских концепций в гитлеровской Германии, вышло на авансцену в советской историографии. Оно сказалось и в остром противостоянии двух систем: «Советские историки столь же усердно разоблачали "звериный оскал мирового жандарма и его идеологических прихвостней", как и их американские коллеги — "человеконенавистническую практику советского коммунизма"»¹.

Однако, напомним, генеральной предпосылкой выполнения историей ее социальных функций является правдивость: у «подправленной» истории ничему научиться нельзя.

Вредит авторитету истории сомнительное, хотя бы и увлекательное, историческое чтение типа «лихих романов» В. Пикуля (по оценке академика П. В. Волобуева) с их антиисторическими концепциями, лжепатриотизмом, насыщенностью небылицами.

Изменение престижа исторической науки проявилось в ее социальных функциях по-разному: сохранилась полностью функция социальной памяти, сократились воспитательная роль и — особенно — использование исторического опыта.

Таким образом, несмотря на расширение познавательных

¹ Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 223 (см. весь раздел «Служанка идеологии»).

-возможностей, общественный статус истории в XX веке снизился. Он переместился от «учительницы жизни» и «царицы наук» преимущественно в общекультурную сферу, где история является лишь одной из составляющих, хотя и весьма важной. Но История всегда будет памятью человечества, полезной, интересной и увлекательной наукой, а знание ее — неотъемлемым компонентом культуры каждого человека.